

06
С-

29/17

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5

1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН УССР

П. 11184.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Ф. Носкова, Т. Ю. Григорьянц.</i> Згожелецкий договор 1950 г	3
<i>З. С. Ненашева.</i> «Славянский союз» в австрийском рейхсрате. 1909—1911	13
<i>И. И. Калиганов.</i> «Повесть о Георгии Новом» в русской рукописной традиции XVI—XVIII вв.	25
<i>Л. Софронова.</i> Об анализе литературного произведения эпохи барокко	36
<i>О. А. Терновская.</i> Понятие диалекта и принципы классификации славянских диалектов	47
<i>А. Е. Супрун.</i> К изучению полабских определительных сочетаний (Сочетания с причастиями настоящего времени)	59

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

<i>Е. Л. Немировский.</i> Издания Ш. Фиоля, Ф. Скорины и И. Федорова в книгохранилищах Варшавы и Кракова	69
<i>В. И. Злыднев.</i> Дополнение к «Неизвестным письмам И. Вазова»	76

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>П. М. Калениченко, В. А. Нерод.</i> «Советско-польские отношения. 1918—1945»	79
<i>Е. Е. Станкевич.</i> Józef Śmiałowski. Zarobkowanie pozarolnicze ludności rolniczej w Królestwie Polskim w latach przeduwłaszczeniowych (1815—1864)	81

5
1975

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>А. Соловьева.</i> Новое издание трудов О. Гостинского	83
<i>О. А. Северная.</i> «Художественная культура и развитого социалистического общества»	84
<i>И. К. Горский.</i> Литературные связи как объясняющий фактор	86

Б и б л и о г р а ф и я

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1974—1975 гг.	89
Содержание иностранных журналов	91

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>А. К. Какко.</i> Научная конференция, посвященная 30-летию Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ПНР	95
<i>В. К. Мороз.</i> К 30-летию советско-польского договора	97
<i>Т. Комкова.</i> К 30-й годовщине освобождения Чехословакии от гитлеровской оккупации!	99
<i>Л. А. Обушенкова.</i> Научная конференция по проблеме формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе	100
Итоговый доклад Международной конференции «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII—XIX вв.)»	102

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), **И. Ф. БЭЛЗА**, **Л. Б. ВАЛЕВ**, **В. Г. КАРАСЕВ**,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), **Д. Ф. МАРКОВ**, **И. С. МИЛЛЕР**,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, **Ю. А. ПИСАРЕВ**, **Г. М. СЛАВИН**, **Б. Ф. СТАХЕЕВ** (зам. главного редактора), **Н. И. ТОЛСТОЙ** (зам. главного редактора), **И. М. ШЕПТУНОВ**, **Я. Б. ШМЕРАЛЬ**

Ответственный секретарь **В. В. ЗЕЛЕНИН**

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30 а. Телефон 290-27-40

А. Ф. НОСКОВА, Т. Ю. ГРИГОРЬЯНЦ

ЗГОЖЕЛЕЦКИЙ ДОГОВОР 1950 г.

Вторая мировая война закончилась сокрушительным разгромом гитлеровской Германии и победой сил мира, демократии и прогресса во главе с СССР. В ряде государств Европы и Азии победили социалистические революции, произошло изменение политического соотношения сил в пользу социализма, возникла мировая система социализма, сложился новый тип отношений внутри социалистического содружества¹.

Социализм ликвидировал основу возникновения противоречий между нациями. Исчезла издавна служившая предметом международных споров и столкновений проблема границ в Восточной и Юго-Восточной Европе. Границы между социалистическими государствами стали границами дружбы, братства и международного сотрудничества. Ярким примером возможности справедливого решения такого рода вопросов в условиях социализма является Згожелецкий договор между ГДР и ПНР, превративший польско-германскую границу в границу мира и дружбы. Впервые за многие столетия окончательно, с учетом национального суверенитета обоих пограничных государств и исторической справедливости, решен вопрос о западной польской границе.

Еще в годы второй мировой войны польскими демократическими кругами неоднократно поднимался и обсуждался вопрос о будущей польской границе на Западе². Во всех программных документах польской демократии, начиная с «Идейной декларации Союза польских патриотов», ставился вопрос о возвращении Польше ее исконных земель на севере и северо-западе³. Граница по Одре — Нисе была признана справедливой с исторической, политической, экономической и стратегической точек зрения⁴. Советский Союз выступил в поддержку справедливых требований Польши по вопросам западных границ. На всех международных конференциях в период войны СССР настойчиво защищал новую западную границу Польши. Во время переговоров в Москве между правительством СССР и делегацией Крайовой рады народовой и Польского комитета национального освобождения в июле 1944 г. польские представители предложили установить пограничную линию с Германией по Одре — Нисе Лужицкой. Советский Союз, считая справедливым требование польской стороны об объединении в границах нового польского государства всех исконно польских зе-

¹ См. подробнее в кн. «История международных отношений и внешней политики СССР», т. III, 1945—1963. М., 1964; «История внешней политики СССР. 1945—1970». М., 1971.

² М. Orzechowski. Odra — Nysa Łużycka — Bałtyk w polskiej myśli politycznej okresu II wojny światowej. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969.

³ См. приложение документов к кн. А. Skowroński. Polska a sprawa Niemiec 1945—1967. Warszawa, 1967, s. 171—181.

⁴ Ibid., s. 175—176.

мель, выразил готовность поддержать польские предложения на международной арене⁵.

На Крымской конференции глав правительств СССР, Англии и США была достигнута договоренность о том, что Польша должна получить территориальные приращения на севере и на западе, размер которых будет согласован с польским правительством⁶.

Решающую роль в положительном решении вопроса о послевоенных западных польских границах сыграла поддержка Советским Союзом польских требований. Краеугольным камнем польской внешней политики вообще и в германском вопросе, в частности, стал Договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве с СССР от 21 апреля 1945 г.⁷ Заключенный незадолго до Потсдамской конференции, он упрочил международные позиции новой Польши.

Перед конференцией польское правительство направило правительствам трех держав меморандум «Польские принципы по вопросу западной границы», в котором польская сторона предлагала установить западную границу Польши по Одре и Нисе Лужицкой, включая Щецин⁸.

На конференции в Потсдаме среди широкого круга обсуждавшихся проблем важное место занял вопрос об окончательном определении польской западной границы. Позиция СССР, отстаивавшего законные требования и интересы своего соседа — народной Польши, отличалась твердостью и принципиальностью⁹. Поэтому несмотря на стремление США и Англии оттянуть решение вопроса о западных польских границах, на Потсдамской конференции была достигнута договоренность об окончательном определении польско-германской границы по Одре — Нисе Лужицкой¹⁰. Документы Потсдамской конференции явились важнейшими международно-правовыми актами, воплотившими в жизнь постановление Крымской конференции¹¹. Одновременно, в подтверждение окончательного характера принятых постановлений, Потсдамская конференция приняла решение о репатриации в Германию немецких национальных меньшинств с территорий ряда стран, в том числе и Польши¹².

Новые польские границы на востоке¹³ и на западе учитывали этнографические, экономические и политико-стратегические интересы польского народа и создавали условия для становления демократической и сильной Польши. 30 июня 1946 г. в Польше был проведен всеобщий референдум, который со всей очевидностью показал, что польский народ единодушно одобрил установление западной границы страны по Одре — Нисе Лужицкой¹⁴. Народная Польша предприняла энергичные меры для скорейшего

⁵ E. G a j d a. Polska polityka zagraniczna 1944—1971. Warszawa, 1972, s. 11.

⁶ «Тегеран, Ялта, Потсдам». Сб. документов. М., 1970, стр. 191.

⁷ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III. М., 1947, стр. 197—201; «Umowy graniczne PRL». Wybór tekstów. Warszawa, 1974, s. 7—8.

⁸ См. «Sprawy międzynarodowe», 1969, № 7—8.

⁹ Советский Союз передал в польское управление все земли до линии Одра — Ниса Лужицкая еще до начала конференции.

¹⁰ «Тегеран, Ялта...», стр. 397.

¹¹ A. K l a f k o w s k i. Granica polsko-niemiecka po II wojnie światowej. Poznań, 1970, s. 14.

¹² К 1950 г. территорию Польши покинуло свыше 3 млн немцев. См. G. L a b u d a. Polska granica zachodnia. Tysiąc lat dziejów politycznych. Poznań, 1971, s. 298; T. B i a l e c k i. Przesiedlenie ludności niemieckiej z Pomorza Zachodniego po II wojnie światowej. Poznań, 1969; S. B a n a s i a k. Przesiedlenie Niemców z Polski w latach 1945—1950. Łódź, 1968.

¹³ 16 августа 1945 г. между Польшей и СССР был заключен договор о советско-польской государственной границе. См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 384—388.

¹⁴ «Очерки истории Народной Польши». М., 1965, стр. 375.

возрождения нормальной жизни на возвращенных землях и для быстрой интеграции их с остальной частью Польши.

Решения Потсдамской конференции вызвали самую противоречивую реакцию в Германии. Демократические силы Германии ясно понимали и признавали историческую неизбежность формирования новых, добрососедских отношений с народной Польшей. Коммунистическая партия Германии накануне Потсдамской конференции высказалась за установление подлинно дружеских отношений между польским и немецким народами¹⁵. После завершения работы Потсдамской конференции Блок антифашистских демократических партий Германии в «Заявлении по поводу решений Потсдамской конференции» выразил свое единодушное их одобрение, поскольку они «знаменуют начало нового пути и создают возможности для обновления Германии»¹⁶. На объединительном съезде КППГ и СДПГ в апреле 1946 г. рабочий класс Германии заявил о «беспощадной борьбе с проявлениями расовой ненависти и любых иных видов травли других народов»¹⁷. В качестве основного внешнеполитического принципа выдвигалось установление мирных и добрососедских отношений с другими нациями.

Широкие круги населения Восточной Германии не сразу пришли к пониманию справедливости и исторической закономерности решений Потсдамской конференции по вопросу западных границ Польши. Это в значительной мере объяснялось сохранившимися националистическими предрассудками и подогревавшей их позицией реакционных элементов руководства буржуазных партий, входивших в Антифашистский блок, в частности, лидеров Христианско-демократической партии¹⁸.

Благодаря терпеливой разъяснительной работе СЕПГ¹⁹ и происходившим в советской зоне оккупации Германии глубоким социально-экономическим и политическим преобразованиям, трудящиеся постепенно приходили к пониманию правильности решений Потсдамской конференции и необходимости признания в интересах мира и безопасности всех европейских народов границы по Одре — Нисе.

Большую помощь СЕПГ в трудной работе по формированию общественного мнения в вопросе о границах оказало созданное в 1948 г. в Восточной Германии «Общество культурных, экономических и политических отношений с новой Польшей», преобразованное позднее в «Общество германо-польской дружбы».

Борьба мнений по вопросу о западной границе Польши происходила в период формирования в оккупированной Германии двух противоположных политических лагерей, имевших различные программы внутривнутриполитического, социально-экономического и внешнеполитического развития Герма-

¹⁵ См. «Polen, Deutschland und die Oder-Neisse-Grenze». Berlin, 1959, S. 554.

¹⁶ «За антифашистскую демократическую Германию». Сб. документов. М., 1969, стр. 123.

¹⁷ См. «Dokumente der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands». Berlin, 1948, S. 5—10.

¹⁸ Лидер Христианско-демократической партии в советской зоне оккупации Я. Кайзер выступил в сентябре 1947 г. с заявлением против передачи Польше земель к востоку от линии Одра — Ниса. См. J. K r a s u s k i. Polityka czterech mocarstw wobec Niemiec 1945—1949. Poznań, 1967, s. 211; M. P i r k o. Układ Zgorzelecki z perspektywy 25-lecia PRL i 20-lecia NRD; E. P o r p e, H. V e i l. Zur Bedeutung der Staatsverträge zwischen der Volksrepublik Polen und der Deutschen Demokratischen Republik. В кн. «Polska — NRD. 20 lat przyjaźni i współpracy». Poznań, 1971, s. 18, 82, 83.

¹⁹ В 1949 г. ЦК СЕПГ опубликовал брошюру «Основы польско-германской дружбы», в которой говорилось, что «формирование добрососедских отношений между Германией и Польшей является жизненно важным вопросом для всего немецкого народа» и разъяснялась необходимость признания границы по Одре — Нисе. См. «Polen, Deutschland und die Oder — Neisse — Grenze», S. 555, а также: «Внешняя политика и международные отношения ГДР». М., 1974, стр. 111—112; «Германская история в новое и новейшее время», т. 2. М., 1970, стр. 341—345.

нии. Отношение к проблеме границ по Одре — Нисе стало критерием принадлежности к одному из них.

Возобновившие свою деятельность политические партии Западной Германии, ратовавшие (за исключением КПП) за создание сепаратного западногерманского государства, выступили против решений Потсдамской конференции и, в частности, против признания границы по Одре — Нисе²⁰. Возникшие при попустительстве оккупационных властей западных держав различные милитаристские и реваншистские организации в Западной Германии открыто провозгласили своими целями ревизию Потсдамских соглашений и границы по Одре — Нисе²¹.

Западные державы вскоре после окончания войны отказались от принятых совместных решений и обязательств по германскому вопросу. Начало этому положило пресловутое выступление У. Черчилля в Фултоне в марте 1946 г. и последовавшие за ним выступления в Штуттгарте 6 сентября 1946 г. государственного секретаря США Р. Бирнса, а затем государственного секретаря Д. Маршалла 9 апреля 1947 г.²²

Вопреки политике Советского Союза, отстаивавшего принципы добрососедских отношений, уважения суверенитета и национальных чувств других народов и прилагавшего все усилия для разумного совместного решения германского вопроса, западные державы стремились сделать все для осуществления раскола Германии²³.

Результатом сепаратной политики западных держав в германском вопросе явилось создание Бизонии, затем Тризонии и, наконец, Федеративной Республики Германии, означавшее, фактически, закрепление раскола Германии. В нотам правительствам США, Англии и Франции от 1 октября 1949 г. Советское правительство указало, что сепаратная политика западных держав в западных зонах Германии, приведшая к созданию сепаратного правительства, направленная на закрепление раскола Германии, является грубым нарушением принципов и решений Потсдамской конференции²⁴.

Позиция Польши в германском вопросе была ясной и последовательной. ПНР выступала за воссоединение Германии в единое, мирное и демократическое государство, за заключение мирного договора с такой Германией, за создание системы коллективной безопасности, атмосферы сотрудничества и мирного сосуществования в Европе.

Появление на международной арене ФРГ — государства, заявившего о непризнании решений Потсдамской конференции по вопросу западных границ Польши, государства, внешнеполитический курс которого был направлен на пересмотр результатов войны, на восстановление границ Германии 1937 г.,²⁵ — не могло не вызвать тревоги в Польше.

²⁰ J. K r a s u s k i. Podział Niemiec. NRD i NRF w latach 1949—1955. Poznań, 1969, s. 22—23. В мае 1949 г. будущий канцлер К. Аденауэр заявил, что создание сепаратного западногерманского государства сделает возможным возвращение переданных Польше по решениям Потсдамской конференции земель. См. J. K r a s u s k i. Polityka czterech mocarstw wobec Niemiec 1945—1949, Poznań, 1967, s. 197.

²¹ См. подробно J. S u l e k. Stanowisko rządu NRF wobec granicy na Odrze i Nysie Łużyckiej 1949—1966. Poznań, 1969, s. 15—41; «Geht es um Deutschland? Eine Dokumentation über den Revanchismus in der Bundesrepublik». Berlin, 1969; A. W a l c z a k. ВНЕ — zachodnia niemiecka partia przesiedleńców. Poznań, 1967, s. 54—76.

²² «Dokumenty wrogiej działalności rządu Stanów Zjednoczonych wobec Polski Ludowej. Warszawa, 1953, s. 21, 23; E. J. O s m a Ń c z y k. Nasza Europa. Poznań, 1971, s. 170; B. W i e Ń ó r a. Granica na Odrze i Nysie Łużyckiej w polityce zachodu. Poznań, 1958, s. 36—54.

²³ «Отношения СССР с ГДР. Документы и материалы 1944—1955». М., 1974.

²⁴ «Внешняя политика Советского Союза 1949 г.», М., 1953, стр. 165—170.

²⁵ См. заявление К. Аденауэра на заседании бундестага 20 сентября 1949 г. В кн. «Verhandlungen des Deutschen Bundestages. I Wahlperiode». 1949, Bd. I, Sitz. 5, S. 28—29.

В нотах правительствам США, Великобритании и Франции от 5 сентября 1949 г. польское правительство оценило факт создания ФРГ как результат нарушений тремя западными державами соглашений по германскому вопросу и в особенности Потсдамского соглашения, которое включает в себя весь смысл победы над гитлеровской Германией и которое наметило единственно эффективные пути демократизации Германии.

Польское правительство, усматривая в создании сепаратного западногерманского государства угрозу собственной безопасности и безопасности всех европейских народов, заявило западным державам о своем решительном протесте²⁶. В связи с возникновением ФРГ Польша считала своей важной внешнеполитической задачей борьбу против ремилитаризации ФРГ, против ее территориальных притязаний и деятельности реваншистских организаций.

В ответ на создание сепаратного западногерманского государства 7 октября 1949 г. в Восточной Германии демократические силы немецкого народа, объединенные в Национальном фронте демократической Германии, провозгласили образование Германской Демократической Республики²⁷. Советские оккупационные власти, учитывая обязательство Временного правительства ГДР выполнять решения Потсдамской конференции, передали этому правительству функции управления страной²⁸. 13 октября 1949 г. правительство СССР направило президенту ГДР В. Пик и премьер-министру О. Гротеволу послание, в котором создание ГДР характеризовалось как поворотный пункт в истории Европы и говорилось о признании и активной поддержке ГДР²⁹. 18 октября 1949 г. Польша признала Временное правительство ГДР³⁰.

Образование ГДР и заявление ее руководителей о признании границы по Одре — Нисе вызвало ярые нападки реакционных сил в ФРГ, от имени которых выступил 20 октября 1949 г. канцлер Аденауэр с протестом по поводу заявлений руководителей ГДР о признании границ Польши и с претензиями на единоличное представительство ФРГ интересов всего немецкого народа³¹. Лишь Коммунистическая партия Германии выступила за признание установленных после окончания второй мировой войны границ, за последовательное выполнение решений Потсдамской конференции, за единую, миролюбивую, демократическую Германию³².

Возникновение ГДР, первого в германской истории государства рабочих и крестьян, провозгласившего своими внешнеполитическими принципами безусловное признание Потсдамских соглашений и, в частности, решения о западных границах Польши по Одре — Нисе Лужицкой, заявившего о своем твердом намерении жить в дружбе и мире с соседними народами, явилось поворотным моментом в истории польско-германских отношений.

11 октября 1949 г. президент ГДР В. Пик в своем заявлении подчеркнул, что ГДР никогда не допустит, «чтобы империалисты, заинтересованные в новой войне, могли использовать границу по Одере — Нейсе для натравливания немецкого народа на нашего польского соседа. Граница по

²⁶ «Dokumenty wrogiej działalności...», s. 31—34; «Zbiór dokumentów». 1949, № 10, s. 839—849; «Dokumentation der deutsch-polnischen Beziehungen 1945—1956. Zusammengefasst und übers. v. d. J. Maas». Bonn — Wien — Zürich, 1960, S. 32—34

²⁷ «Отношения СССР с ГДР. Документы и материалы. 1949—1955». М., 1974, стр. 3—8.

²⁸ Там же, стр. 13.

²⁹ Там же, стр. 38—39.

³⁰ «Polska — NRD. Materiały i dokumenty», s. 30.

³¹ См. «Verhandlungen des Deutschen Bundestages. I Wahlperiode». 1949, Bd. I, Sitz. 5, S. 28—29.

³² См. Выступления депутатов-коммунистов М. Реймана и К. Реннера на заседании бундестага в 1949—1950 гг. В кн. «Verhandlungen des Deutschen Bundestages. I Wahlperiode». Bd. I, Sitz. 7, S. 64—66; Sitz. 13, S. 323—325.

Одере — Нейсе должна быть границей мира и никогда не должна мешать дружеским связям с польским народом»³³.

На встрече с польскими журналистами 19 октября 1949 г. О. Гротеволь определил позицию нового немецкого государства в отношении своего польского соседа: «... новое немецкое государство, — сказал он, — хочет раз и навсегда положить конец политике „Дранг нах Остен“, чтобы польский народ мог жить спокойно, не опасаясь экспансии германских империалистов, страшным результатом которой явилось уничтожение одной четверти польского народа»³⁴.

ЦК ПОРП приветствовал образование ГДР и предложение об установлении нормальных дипломатических отношений между обоими государствами³⁵. Министр иностранных дел ПНР на заседании комиссии по иностранным делам Сейма указал, что ПНР в своих отношениях с демократической Германией будет руководствоваться двумя критериями: 1) признанием границы по Одре и Нисе Лужицкой и 2) стремлением к мирному сотрудничеству³⁶.

В начале 1950 г. по предложению польского правительства состоялось официальное установление дипломатических отношений между ПНР и ГДР. В 1953 г. правительства обеих республик приняли решение поднять дипломатические миссии в Варшаве и Берлине до уровня посольств³⁷.

Страны социалистического содружества во главе с СССР предприняли важные шаги, направленные на укрепление внутренних и международных позиций ГДР. 15 мая 1950 г. «руководствуясь стремлением облегчить усилия германского народа по восстановлению и развитию народного хозяйства Германии..., Советское правительство, по согласованию с правительством Польской республики, приняло решение сократить остающуюся сумму репарационных платежей на 50%...»³⁸. Давая свое согласие на сокращение репараций и увеличение сроков их выплаты, польское правительство исходило из того, что усилия ГДР в деле демократизации Германии, борьбы с империалистическими и реваншистскими тенденциями, укрепления мира и безопасности в Европе заслуживают активной и полной поддержки³⁹.

К лету 1950 г. была завершена предварительная подготовка к переговорам ПНР и ГДР, переговорам, определившим весь комплекс отношений между странами. На состоявшейся в Варшаве 5—6 июня встрече правительственной делегации ГДР с руководителями ПНР были обсуждены интересующие обе стороны вопросы более тесных экономических отношений и проблемы, связанные с усилиями по поддержанию и укреплению мира в Европе. В результате этих плодотворных переговоров были подписаны соглашения о научно-техническом и культурном сотрудничестве, а также о товарообороте и платежах, обеспечивающие повышение обоюдного товарооборота на 60% по сравнению с предыдущим годом⁴⁰, и о предоставлении ГДР правительством ПНР кредитных льгот при товарообмене.

³³ «Polska — NRD. Materiały i dokumenty», s. 18.

³⁴ Ibid., s. 31—32.

³⁵ Ibid., s. 35, а также «Dokumentation der deutsch-polnischen Beziehungen...». S. 35. Следует заметить, что Польша была первым государством, которое уже в 1946 г. заключило торговое соглашение с Восточной Германией. Это соглашение ежегодно возобновлялось и объем поставок возрастал. См. «Oder-Neisse-Grenze. Eine Dokumentation». Berlin, 1955, S. 144.

³⁶ «Rzeczpospolita», 21 I 1950.

³⁷ «Polska — NRD. Materiały i dokumenty», s. 19.

³⁸ «Документы о внешней политике правительства ГДР». М., 1955, стр. 260.

³⁹ «Polska — NRD. Materiały i dokumenty», s. 37.

⁴⁰ Товарооборот между ними к этому времени составлял 147,8 млн руб. См. R. Markiewicz. Polska polityka zagraniczna. «Polityka zagraniczna PRL w świetle układu poczdamskiego». Warszawa, 1972, s. 261—262.

В интересах дальнейшего расширения и укрепления добрососедских отношений, мира и дружбы обе стороны пришли к заключению о необходимости демаркации установленной границы между обоими государствами по Одре — Нисе Лужицкой и урегулирования вопросов перехода через границу, местного пограничного сообщения и судоходства в пограничных водах ⁴¹.

6 июля 1950 г. в пограничном польском городке Згожеlec состоялось подписание соглашения между ГДР и ПНР о демаркации существующей германо-польской государственной границы ⁴². В соглашении предусматривалось создание смешанной германо-польской комиссии, которая должна была осуществить работу по демаркации. 27 января 1951 г. во Франкфурте-на-Одере между обеими странами был подписан «Протокол о демаркации германо-польской государственной границы» ⁴³. 22 января 1952 г. состоялся обмен ратификационными грамотами.

Все демократические и прогрессивные силы мира приветствовали соглашение между ГДР и Польшей. Советский Союз и другие социалистические страны сразу и без оговорок одобрили Згожеlecкий договор. Позиция Советского Союза в вопросе границы по Одре и Нисе Лужицкой была еще раз подтверждена в общей советско-польской декларации, принятой в ходе переговоров о советско-польских отношениях между партийно-правительственными делегациями ПНР и СССР в Москве 15—18 ноября 1956 г. ⁴⁴.

Западные державы заняли резко отрицательную позицию в отношении Згожеlecкого договора ⁴⁵. Ссылаясь на якобы неправомочность ГДР подписывать договор с Польшей о признании существующей германо-польской границы по Одре и Нисе Лужицкой и на решение Потсдамской конференции об окончательном урегулировании вопроса границ в мирном договоре с Германией ⁴⁶, западные державы вели политику на закрепление раскола Германии и вовлечение ее в агрессивные военные блоки. Они отказывались от всех предложений и проектов мирного договора с Германией, выдвигавшихся Советским Союзом ⁴⁷, уклонялись от переговоров с СССР об объединении Германии и форсировали заключение соглашений с правительством ФРГ.

26 мая 1952 г. в Бонне западные державы подписали с ФРГ «Общий договор» (получивший впоследствии наименование Боннского договора) об отношениях трех держав с Федеративной Республикой Германии ⁴⁸. В расчеты западных держав вовсе не входило объединение Германии и заклю-

⁴¹ «Polska — NRD. Materiały i dokumenty», s. 41—42, а также «Документы о внешней политике правительства ГДР». М., 1955, стр. 349—355.

⁴² «Документы о внешней политике правительства ГДР». М., 1955, стр. 361—363.

⁴³ См. «Polen, Deutschland und die Oder-Neisse-Grenze», S. 587—589.

⁴⁴ См. W. D a s z k i e w i c z. Stosunki polsko-radzieckie w latach 1945—1970. «Polityka zagraniczna PRL w świetle układu Poczdamskiego. Warszawa, 1972, s. 222; См. «Правду» от 19 ноября 1956 г.

⁴⁵ См. подробно В. W e w i ó r a. Granica na Odrze i Nysie Łużyckiej] w polityce Zachodu. Poznań, 1958.

⁴⁶ 8—9 июня 1950 г. американские оккупационные власти в Германии заявили о непризнании правительством США существующей польско-германской границы и включения в состав Польши территорий к востоку от линии Одра — Ниса Лужицкая. См. J. M a a s. Dokumentation der deutsch-polnischen Beziehungen. 1945—1956. Bonn, S. 42—43.

⁴⁷ См. Выступление министра иностранных дел СССР на пленарном заседании шестой сессии Генеральной ассамблеи ООН в Париже 13 ноября 1951 г., а также ноты правительства СССР правительству США с предложением проекта Основ мирного договора с Германией от 10 марта 1952 г. и по вопросу о заключении мирного договора с Германией от 9 апреля 1952 г. в кн. «Отношения СССР с ГДР. Документы и материалы. 1949—1955». М., 1974, стр. 186—191, 200—203, 205—207.

⁴⁸ См. «История внешней политики СССР. 1945—1970», ч. II. М., 1971, стр. 183.

чение мирного договора с ней. Истинной целью их планов в отношении Германии были ее ремилитаризация и вовлечение в военные группировки.

Правящие круги ФРГ, претендуя на исключительное единоличное представительство интересов немецкого народа, заявили о своем непризнании Згожелецкого договора⁴⁹. Внешнеполитический курс правящих кругов ФРГ, направленный на непризнание результатов второй мировой войны, непризнание сложившегося status quo в Европе и в конечном итоге на пересмотр результатов войны и восстановление Германии в границах 1937 г., их открытая враждебная позиция в отношении Германской Демократической Республики и Польши, рост милитаристских и реваншистских сил в ФРГ создавали обстановку напряженности на всем европейском континенте. В сложившейся обстановке Польская Народная Республика и Германская Демократическая Республика совместно с другими социалистическими странами, и прежде всего с СССР, считали задачей своей внешней политики совместную борьбу против ремилитаризации Западной Германии, ее территориальных притязаний, против политики непризнания и изоляции ГДР, а также борьбу за создание системы коллективной безопасности в Европе. Стремясь к нормализации отношений в Европе, к укреплению дружеских взаимоотношений между СССР и ГДР и учитывая интересы всего немецкого народа, Советский Союз в начале 1955 г. выступил с новой инициативой. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 января 1955 г. было объявлено о прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией⁵⁰. Государственный совет Польской Народной Республики принял постановление о прекращении состояния войны с Германией⁵¹.

Вслед за этими важными актами Советский Союз предпринял меры, направленные на укрепление международного авторитета и суверенитета Германской Демократической Республики. 20 сентября 1955 г. Советским Союзом был заключен Договор об отношениях между Союзом Советских Социалистических Республик и Германской Демократической Республикой. В статье I этого договора подчеркивалось, что отношения между СССР и ГДР «основываются на полном равноправии, взаимном уважении суверенитета и невмешательства во внутренние дела» и что «ГДР является свободной в решении вопросов внутренней и внешней политики, включая взаимоотношения с ФРГ, а также развитие отношений с другими государствами»⁵².

Таким образом, договор ПНР с ГДР от 6 июля 1950 г., а также договор СССР с ГДР от 20 сентября 1955 г. создали предпосылки для того, чтобы Германская Демократическая Республика, как суверенное государство, стала полноправным членом социалистического содружества и участницей Варшавского договора.

Социалистические страны, и прежде всего Советский Союз и Польша, с момента возникновения ГДР выступали за укрепление ее авторитета и международного престижа, за признание ее на международной арене. Борьба ПНР и ГДР против западногерманского реваншизма и их согласованные выступления на международной арене за признание послевоенного status quo в Европе имели важное значение в обеспечении европейской коллективной безопасности. В совместном коммюнике о совещании пар-

⁴⁹ См. «Verhandlungen des Deutschen Bundestages. I Wahlperiode. Stenografische Berichte», Bd. 5, Sitz. 85, S. 3188.

⁵⁰ См. «Отношения СССР с ГДР. Документы и материалы. 1949—1955», стр. 521—522.

⁵¹ См. «Polska — NRD. Materiały i dokumenty», s. 75—76.

⁵² См. «Отношения СССР с ГДР. Документы и материалы. 1949—1955», стр. 647—649.

тийно-правительственных делегаций ПНР и ГДР в Варшаве 14 декабря 1958 г. подчеркивалось, что западные державы нарушают Потсдамские соглашения, уклоняясь от выполнения своих обязательств в вопросе польско-германской границы по Одре — Нисе Лужицкой и от ее признания⁵³. Действия западных держав, подчеркивалось в коммюнике, лишь укрепляют в ФРГ милитаристские и реваншистские силы и направлены против безопасности народов и мира в Европе.

Большое значение для дальнейшего развития дружеских отношений между ГДР и другими социалистическими странами, в частности с Польшей, имело подписание договора СССР с ГДР от 12 июня 1964 г.⁵⁴ Договор утверждал неприкосновенность границ Германской Демократической Республики и нерушимость границы по Одре — Нисе Лужицкой, гарантировал военную помощь СССР в случае каких-либо попыток нарушения границ ГДР и таким образом неприкосновенность границ польского государства⁵⁵.

Важным событием в истории отношений Польши и Германской Демократической Республики наряду с Згожелецким договором было подписание 15 марта 1967 г. договора о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве между этими двумя государствами. Договор содержит 12 статей, излагающих основы сотрудничества между обеими странами во всех областях, а также обязательства обоих государств проводить миролюбивую политику. В договоре вновь подтверждена неизменность границы по Одре — Нисе Лужицкой⁵⁶.

Последовательная политика стран социалистического содружества, постоянный рост могущества СССР и всех социалистических стран привели к дальнейшему изменению соотношения сил на мировой арене.

Состоявшаяся в апреле 1967 г. в Карловых Варах международная Конференция коммунистических и рабочих партий Европы по вопросам европейской безопасности выдвинула мирную программу, предусматривающую создание системы коллективной безопасности вместо существующих военных блоков, и поддержала идею созыва конференции всех европейских государств для обсуждения узловых проблем европейского континента.

Идея созыва Совещания по вопросам европейской безопасности содержалась в будапештском обращении государств, участников Варшавского договора. Естественным было стремление ПНР урегулировать важные проблемы двустороннего характера до созыва общеевропейского Совещания. Наиболее важной из них являлось бы признание со стороны ФРГ западной границы Польши. 17 мая 1969 г. Польша выступила с предложением заключить договор с ФРГ об окончательном признании границы по Одре и Нисе Лужицкой, что явилось бы основой нормализации взаимоотношений между этими государствами.

⁵³ См. Komunikat o naradach między delegacją KC PZPR i rządu PRL a delegacją, KC SED i rządu NRD. «Trybuna Ludu», 16 XII 1958. В коммюнике, в частности, говорилось следующее: «Западные державы нарушили решения Потсдамской конференции по вопросам денацификации, демилитаризации, ликвидации монополий, демократизации и сохранения единства Германии, что привело к возрождению в Западной Германии сил реакции и милитаризма, продолжающих традиции германского империализма».

⁵⁴ См. «Правда», 13 июня 1964 г. Договор о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Германской Демократической Республикой.

⁵⁵ См. «Правда», 13 июня 1964; M. P i r k ó. Układ Zgorzelecki. Z perspektywy 25-lecia PRL i 20-lecia NRD. «Polska — NRD. 20 lat przyjaźni i współpracy». Poznań, 1971, s. 87.

⁵⁶ См. «Polska — NRD. Materiały dokumenty», s. 139—143.

Решающую роль в борьбе социалистических государств за признание результатов второй мировой войны в Европе и нормализацию отношений на европейском континенте сыграл Советский Союз.

«Укрепление мира в Европе — это очень важный и большой вопрос для судеб всего человечества. Со всей энергией и целеустремленностью мы боремся за то, чтобы Европа, которая долгое время была вулканическим очагом, не могла породить новую войну», — сказал Л. И. Брежнев в своем докладе на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР по случаю 50-летия образования СССР ⁵⁷.

Договор, заключенный между СССР и ФРГ 12 августа 1970 г., способствовал созданию благоприятной атмосферы для ведения польско-западно-германских переговоров. Зафиксировавший прежде всего нерушимость существующих границ и принцип отказа от применения силы, договор СССР с ФРГ явился первым международно-правовым актом, в котором ФРГ признавала существующее положение в Европе, в том числе и западные границы Польши, а также границу между обоими германскими государствами ⁵⁸.

Договор ПНР с ФРГ, подписанный 7 декабря 1970 г. в Варшаве ⁵⁹, подтвердил это признание.

Таким образом, подписание договора с ФРГ венчало многолетние внешнеполитические усилия Польской Народной Республики, которая вместе с другими странами социалистического содружества, и в первую очередь с СССР, боролась за признание окончательного и необратимого характера положений Потсдамского соглашения по вопросу о западных границах Польши по Одре и Нисе Лужицкой, за безопасность и мир на европейском континенте.

⁵⁷ «Правда», 22 декабря 1972 г.

⁵⁸ См. «Правда» от 13 августа 1970 г.

⁵⁹ См. «Texte zur Deutschlandspolitik. Hrsg. vom Bundesministerium für innerdeutschen Beziehungen». Bd. 6, Melsungen, 1971, S. 258—260.; «Układy Związku Radzieckiego i Polski z Niemiecką Republiką Federalną. Dokumenty». Warszawa, 1972, s. 108.

З. С. НЕНАШЕВА

«СЛАВЯНСКИЙ СОЮЗ» В АВСТРИЙСКОМ РЕЙХСРАТЕ, 1909—1911

На рубеже XIX и XX вв. в Австро-Венгрии резко обострились классовые и национальные противоречия, расшатывавшие государственные устои монархии. Угнетенные славянские народы вступили в новый этап национально-политической борьбы. Существенное влияние на ее развитие (формы, характер и интенсивность) оказало введение всеобщего избирательного права в Австрии в мае 1907 г. Хотя новый избирательный закон означал шаг на пути демократизации внутривнутриполитического развития Австрии, правящие австрийские круги надеялись расширить социальную опору монархии за счет буржуазии угнетенных славянских народностей. Количество славянских депутатов в австрийском рейхсрате увеличилось. Из 516 мест чехи получили 107, поляки — 82, украинцы — 33, словенцы — 24, сербы и хорваты — 13 (итальянцы — 19, румыны — 5, австрийцы и немцы — 233)¹. Объединение всех славянских партий могло превратить их оппозицию в значительную силу.

Однако, несмотря на определенные изменения в расстановке общественно-политических сил в пользу национальных меньшинств, политическое господство и привилегированное положение австро-немецких господствующих классов (а также итальянской буржуазии в словенских землях) было сохранено. За весь период деятельности парламента, избранного на основе нового избирательного закона (1907—1911), существовавшие национально-политические противоречия в Австрии не уменьшились. В целом национальные трения теперь больше, чем когда-либо захватили земские сеймы, где оставалась незыблемой реакционная куриальная система.

Национально-политическая борьба славянской буржуазии в этот период сохраняла старые, специфические для Австро-Венгрии черты. Продолжалась борьба за национальную школу, за употребление национальных языков, за расширение круга национальных чиновников в местном самоуправлении. В тактике славянской буржуазии, по-прежнему сохранявшей за собой руководящую роль в национальной борьбе, также не наблюдалось серьезных изменений. Обструкция, которая парализовала деятельность куриального парламента в предшествующий период, по-прежнему оставалась главным тактическим методом борьбы в рейхсрате.

Обострение классовых противоречий, характерное для эпохи империализма, и экономические интересы приковывали славянскую буржуазию к традиционной проавстрийской ориентации, направленной на сохранение габсбургской монархии, на усиление великодержавного положения Австро-Венгрии. В то же время славянские буржуазные деятели стремились подорвать экономические и политические позиции своего основного конкурен-

¹ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 133, л. 79; «История Чехословакии», М., 1959, стр. 230.

та — немецко-австрийской буржуазии. Поэтому в политической практике славянской буржуазии проявлялись две противоречивые тенденции — оппозиционная и проавстрийская, что находило выражение в колебаниях от парламентской обструкции до предложений поддержки полуабсолютистских государственных форм правления. Она прибегала к шовинистическим антинемецким выступлениям, и в то же время сотрудничала с австро-немецкой буржуазией. Выдвигая «всенародные» лозунги, она пыталась получить поддержку со стороны трудящихся в своей конкурентной борьбе, и не отказалась от выражения лояльности династии, чтобы найти опору в своей борьбе против рабочего класса ².

Эти общие для буржуазии славянских земель черты не исключали такого характерного для общественно-политического развития Цислейтании явления, как отсутствие единого фронта национальных движений угнетенных славянских народов. Их национально-политические программы, сохранявшие в основном австрославистскую окраску, были различны по своей сущности и не могли послужить основой для консолидации сил, что объяснялось различным уровнем социально-экономического потенциала и культурного развития славян Австро-Венгрии. Когда на первом заседании рейхсрата Чешский клуб (объединение чешских партий в парламенте) поставил вопрос о внесении в официальный протокол рейхсрата предложений, запросов и речей на чешском языке, К. Крамарж, лидер партии младочехов, в беседе с представителем газеты «Журналь де Деба» заявил о том, что они добиваются уступок не славянству вообще, а именно чехам ³. Более того, чешская буржуазия для достижения своих собственных политических целей попыталась использовать буржуазию других славянских народов Цислейтании.

Крайне обострились осенью 1908 г. отношения между словенской и австрийской буржуазией в словенских землях монархии и чешско-немецкие отношения в Чешских землях, где было введено военное положение. Экономические и финансовые затруднения, вызванные военными расходами, резкое усиление антивоенных настроений в период Боснийского кризиса, нарастающее недовольство народных масс создали напряженное положение в национальных районах ⁴.

В начале февраля 1909 г. в помещении Чешского клуба в Вене состоялось довольно представительное совещание славянских депутатов австрийского парламента, которые высказались за совместную тактику в борьбе против правительства ⁵. Дальнейшие переговоры привели к объединению большинства славянских партий рейхсрата в союз, получивший название «Славянская Уния» или «Славянский союз».

Л. П. Урусов, русский посол в Вене, в своем донесении писал, что «главным поводом к образованию Союза послужила возникшая с конца 1908 г. для славян опасность от увеличивающегося стремления среди немецких партий в Австрии перейти к наступательной политике» ⁶. Такая тенденция, как отмечали чешские политические деятели, говоря о причинах возникновения Союза, обуславливалась политикой нового правительственного кабинета А. Бинерта ⁷.

² J. K ř í ž e k. Slované národy a konec habsburské monarchie. «Slovanský přehled», 1968, č. 3, s. 189.

³ «Journal des Debats», 25 VI 1907.

⁴ Ю. А. П и с а р е в. Освободительное движение югославских народов Австро-Венгрии. 1905—1914. М., 1962, стр. 155, 201.

⁵ «Národní listy», 11 II 1908, № 42.

⁶ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 136, л. 40.

⁷ На это указывали К. Крамарж на съезде партии свободомыслящих в Южной Чехии («Слово», 23 II 1909, № 717), Б. Пацак на собрании избирателей («Neue Freie Presse», 1 III 1909) и др.

Несомненно, что на политику славянских буржуазных партий оказал влияние неославизм как общеславянская программа. Согласие с неославизмом выразили лидеры некоторых политических партий югославянских народов монархии. В частности, неославизм поддержала словенская буржуазия, особенно те ее группы, которые были непосредственно связаны с чешским капиталом (И. Хрибар). Потерпев в результате Боснийского кризиса крах как внешнеполитическая концепция чешской буржуазии, неославизм имел шансы выжить как межнациональное общеславянское движение в рамках Австрии и вне ее.

Лидер неославизма К. Крамарж заявлял, что образование «Славянского союза» лишней раз свидетельствовало о могучей притягательной силе идеи славянской взаимности. «Славяне, соединенные в сплоченный блок, — подчеркивал он, — могли и должны были создать крепкую основу всякого парламентского большинства и тем самым затруднили бы проведение любой антиславянской австрийской политики, как внутренней, так и внешней»⁸. Чешская буржуазия хотела использовать намечающуюся тенденцию образования единого фронта, к которому в той или иной мере склонялось большинство славянских буржуазных партий, в борьбе против усиливающегося влияния германского империализма на Австро-Венгрию, против усиления немецкого элемента в Австрии.

В состав Союза, который «Народни листы» — орган партии младочехов — назвали «светом во тьме»⁹ вошли 83 депутата чешских партий (28 чешских аграриев, 20 младочехов, 17 чешских католиков, 12 радикалов, 2 реалиста, 4 депутата моравской народной партии), 37 депутатов югославянских земель и 5 украинцев. Наиболее значительными были две группы — чешская и словенская¹⁰, их деятельность у австро-немецких шовинистов вызывала наибольшее беспокойство¹¹.

«Славянский союз» включил в себя партии, между которыми не было ранее единства даже во внутринациональных группах. В него вступили не только приверженцы неославизма, но и группы недавно образовавшегося «Славянского центра»¹², являвшегося по своему составу ярко выраженным клерикальным блоком. Ядром «Славянского центра» была словенская клерикальная партия во главе с И. Шустершичем, адвокатом из Любляны, наиболее сильная среди югославянских партий¹³. Состав Союза предопределил в нем господство умеренных взглядов.

Вновь сформированный блок рассчитывал на присоединение к нему Польского кола, что сделало бы его самой большой парламентской единицей в австрийском рейхсрате.

Образованием Исполнительного комитета и особой парламентской комиссии из 16 членов¹⁴ организационное оформление Союза было закончено. Заявив о «единодушном убеждении в необходимости солидарности по отношению к единому противнику — немецкому блоку в 175 депутатов»¹⁵,

⁸ К. Крамарж. Na obranu slovanske politiky. Praha, 1926, s. 16.

⁹ «Národní listy», 18 II 1909, № 49.

¹⁰ Словенцы имели в парламенте 24 депутатских места. V. Melik. Volitve na Slovenskem. 1861—1918. Ljubljana, 1965, s. 249.

¹¹ Н. Д. Ратнер. Австрославизм и австрийский пангерманизм. В сб. «Советское славяноведение». Минск, 1969, стр. 393.

¹² Славянский центр был образован 18 декабря 1908 г. Всего в его состав входило 58 депутатов. Во главе его встали словенцы Ивчевич, И. Шустершич и чех М. Грубан.

¹³ F. Gestrin, V. Melik. Slovenska zgodovina od konca 18 st. do 1918. Ljubljana, 1966, s. 246.

¹⁴ 9 чешских депутатов: 3 агрария, 2 депутата народно-католической партии, 2 — народно-социалистической партии, 1 депутат моравской народной партии, 1 реалист, 2 словенских католика и 1 депутат прогрессивной словенской партии, 2 хорвата. 2 «старорусина».

¹⁵ «Národní listy», 18 II 1909, № 49.

«Славянский союз» провозгласил себя борцом против централизованной Австрии, за свободную федеративную Австрию, в которой бы «естественное славянское большинство нашло себе применение надлежащим образом во внутренней и внешней политике», что означало, как заметил Л. П. Урусов, желание «добиться преобладающего влияния в австрийском парламенте»¹⁶.

Таким образом, лидеры чешской буржуазии в сотрудничестве с югославянскими депутатами сделали попытку использовать существенное увеличение числа представителей славянских народов в австрийском парламенте для усиления роли славянской буржуазии в монархии.

По вопросу о программе Союза как среди чешских, так и других партий, не было единства. Например, В. Шкарда — активный деятель партии младочехов — видел один из серьезных недостатков в деятельности Союза в отсутствии стабильной программы¹⁷, другой лидер младочешской партии — И. Машталка считал, что «четко очерченная программа только связала бы руки»¹⁸. Он подчеркивал, что единственное назначение Союза, его программа, его цель — вызвать падение кабинета Бинерта. Б. Пацак также признавал в качестве главного лозунга «свержение Бинерта», но предлагал и «позитивную программу» деятельности Союза: добиться охраны прав меньшинств во всей монархии, так как, по его мнению, действительно общей задачей всех славян являлось расширение автономии королевств и земель; установить равноправие всех языков в автономных землях; провести оздоровление земских финансов¹⁹. По мнению «Народних листов» «Славянский союз» являлся организацией «не земской», как это понимал Пацак, а «общегосударственной»²⁰, что являлось основанием для включения в программу Союза пункта об отношении славян к государству. Газета подчеркивала, что *raison d'être* для Союза было «добиться определяющего (соответственно численности) влияния славян на государственное управление». Именно в последнем, по мнению «Народних листов», заключалась специфика Союза как славянского блока.

В сущности главной задачей, которая объединяла вступивших в «Славянский союз» депутатов, было достижение наибольшего влияния на бюрократическую систему монархии путем децентрализации административного управления.

20 февраля под председательством Крамаржа состоялось первое заседание парламентской комиссии Союза. Главной темой дебатов было внешнеполитическое положение монархии. Опасность войны с Сербией возрастала с каждым днем. Австрийский генеральный штаб приступил к переброске войск к ее границам²¹. Принятая резолюция гласила: «Славянский парламентский союз выражает надежду, что в интересах славянских народов монархии удастся сохранить мир при помощи соответственного образа действий всех соприкасающихся сторон»²². Эта резолюция, направленная против бряцания оружием в сербско-австрийском конфликте, получила очень широкий резонанс во всех славянских землях, вызвала раздражение в венских кругах²³. В беседе с корреспондентом «Нового времени» вскоре

¹⁶ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 136, л. 40.

¹⁷ «Národní listy», 5 IV 1909, № 95.

¹⁸ Ibid., 14 IV 1909, № 103.

¹⁹ Ibid., 19 X 1909, № 289.

²⁰ Ibid., 29 X 1909, № 299.

²¹ Ю. А. П и с а р е в. Там же, стр. 195.

²² «Новое время», 20 II 1909, № 11833.

²³ Орган христианско-социалистической партии «Дойчес Фольксблат» и «Фатерланд», более свободно выражающие господствующее настроение, обрушились на автора славянской резолюции с обвинением, что он предает Австрию для того, чтобы реабилитировать себя перед Белградом и Петербургом. АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 136, л. 107.

после опубликования резолюции Крамарж объяснил причины ее появления так: «В момент, когда Россия и другие великие державы предприняли шаги, чтобы побудить Сербию отказаться от территориального вознаграждения, на которое Австро-Венгрия не могла согласиться и за которое не в состоянии была ратовать ни одна славянская партия в Австрии даже при наибольших симпатиях к сербам, мы сочли своим долгом заявить, что успех дальнейшего улаживания спора не должен быть куплен слишком дорогой ценой, резкими и унижительными для сербов приемами со стороны Вены». Внутренними же побудительными мотивами было «беспокойство за судьбу самой Австрии, так как спор шел уже не о действительных интересах Австрии..., а только о сомнительном методе внешней политики... Ибо данный метод австрийской политики мог бы вовлечь нас в тяжкий конфликт, способный повести к европейской войне, результаты которой никто не мог предусмотреть»²⁴.

Однако не эта резолюция определила в дальнейшем позицию славянских парламентских групп в вопросе о конфликте с Сербией. 9 марта большинство членов «Славянского союза» поддержало закон о расширении контингента новобранцев²⁵. Мнения среди чешских членов Союза разделились. Чешские прогрессисты, народные социалисты и моравские лидовцы выступили против правительственного предложения. Остальные партии заявили, что «ввиду опасного положения на народных представителях лежит долг вотировать законопроект». Аграрии свою правительственную позицию объяснили тем, что «не было надежд на победу», а в противном случае правительство распустило бы парламент²⁶. Принятие законопроекта стало лакмусовой бумажкой, показавшей истинное лицо Союза. Руководствуясь своими экономическими интересами, славянская буржуазия поддерживала балканскую политику Австрии²⁷. Одобрение закона о расширении воинской повинности, которое выразила чешская буржуазия, входящая в состав «Славянского союза», соответствовало общей направленности политики либеральной национальной буржуазии Австрии в этот период.

В вопросах внутренней политики «Славянский союз» избрал тактику экстренных предложений. «Народни листы» писали, что единственно возможным лозунгом, с каким «Славянский союз» мог действовать в парламенте, был лозунг встать «в оппозицию принципиальную и безоговорочную!»²⁸.

Для всего периода существования «Славянского союза» была характерна именно тактика обструкции. Главные цели, которых таким путем пытался добиться Союз, постоянно менялись: прекращение немецкой обструкции в чешском сейме, учреждение особого министерства для южных славян, смена министров и др.

«Славянский союз», поставивший перед собой задачу «внушить страх кабинету Бинерта», оказался весьма непрочным. Наиболее отчетливо это проявилось в выборе председателя палаты депутатов, когда южнославянская клерикальная группа не захотела выступить против клерикальных элементов рейхсрата и на пост председателя был избран Паттаи, председатель христианско-социальной партии. По этому поводу Л. П. Урусов писал А. И. Извольскому, что «славянские деятели показали в настоящее критическое время обычную им разрозненность и даже отдельные фракции новой славянской парламентской унии оказались не солидарными»²⁹.

²⁴ «Новое время», 3 III 1909, № 11844.

²⁵ Z. T o b o l k a. Politické dějiny československého národa. Praha, d. 3, s. 525.

²⁶ «Národní listy», 7 IV 1909, № 97.

²⁷ V. B o r d o v č á k. Poliáci a slovenský národno-oslobodenecký zápas na prelome XIX a XX stor. Bratislava, 1968, s. 56.

²⁸ «Národní listy», 5 III 1909, № 64.

²⁹ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 136, л. 105.

Политические интересы чешской и южнославянской буржуазии во многом расходились. Хотя южнославянские депутаты оставались желанным союзником в борьбе против германизма, чешские политики опасались реализации триализма — одной из политических идей южных славян Австро-Венгрии, не без основания расценивая выделение южнославянских земель в особую третью часть монархии — как крушение своих государственно-правовых планов.

Государственно-правовая программа К. Крамаржа, который на протяжении 1896—1914 гг. в своих историко-правовых работах доказывал формальную силу чешского государственного права, оставалась, в основном, неизменной³⁰. В предисловии ко второму изданию книги «Чешское историческое право» Крамарж в 1914 г. писал: «Все, что я сказал 20 лет назад в этой книге, остается моим политическим кредо и сегодня»³¹. Крамарж был убежден, что чешская политика, чтобы быть успешной, должна была отвечать принципу государственного исторического права и бороться за государственно-правовую самостоятельность Чешских земель в рамках федерализованной Австро-Венгрии³². В работе «Замечания к чешской политике», в которой значительное внимание уделено историческому обоснованию чешского государственного права, он писал: «Для меня вся чешская политика является путем к восстановлению государственно-правовой самостоятельности земель чешской короны в объеме, который отвечает современным политическим и экономическим требованиям, так, чтобы наши земли могли развиваться в культурном и социальном отношении как можно интенсивнее, чтобы пользовались охраной мощного государства, имели достаточно большой рынок сбыта для своей промышленной продукции»³³. Борьба за осуществление чешского исторического права не направлялась против монархии, а сводилась к ее преобразованию в федерацию: «федеративная монархия представляла бы высшее единство счастливых и свободных земель и народов, отвечающее идеалам свободного современного государства». «Мы, чехи, пионеры федерализованной Австрии, основанной на историческом фундаменте», — писал Крамарж³⁴. Целью современного федерализма, по его мнению, должен быть федерализм исторических групп и в них национальная автономия.

Партия народных социалистов также приняла программу государственного права, хотя и считала ее в трактовке младочехов чрезмерно «национальной»³⁵.

Государственно-правовое положение Чешских земель в Австрии и Центральной Европе, так называемый «чешский вопрос» в понимании Т. Масарика и реалистов, отражает одна из речей Масарика в период избирательной кампании 1907 г.: «Каждый здравомыслящий чех понимает, что мы должны добиваться своей политической самостоятельности, самостоятельности полной с любой точки зрения. Для этого мы имеем не только естественное, национальное и культурное право, но также и историческое. Мы знаем, что своей самостоятельности мы не добьемся сразу, поэтому мы будем стремиться к преобразованию австрийского государства, чтобы оно было полезным с национальной и политической точки зрения»³⁶. Таким образом, Масарик продолжал придерживаться политического курса, который он провозгласил еще в 90-е годы. Он исходил из положения о включе-

³⁰ C. Nečas. Balkán a česká politika. Pronikání rakousko-uherského imperialismu na Balkán a česká buržoazní politika. Brno, 1972, s. 31.

³¹ K. Kramář. České státní právo. Praha, 1914, s. 3.

³² C. Nečas. Ibid., s. 37.

³³ K. Kramář. Poznámky o české politice. Praha, 1906, s. 75.

³⁴ K. Kramář. České státní právo, s. 72.

³⁵ C. Nečas. Ibid., s. 82.

³⁶ «Cas», 18 V 1907.

нии Чешских земель в состав габсбургской монархии, которую необходимо было постепенно федерализировать и дать чешскому народу автономию, какую имели венгры³⁷.

Партии, которые стояли на левом крыле политического лагеря чешской буржуазии, правовое положение чешского народа трактовали как вопрос урегулирования его государственно-правового отношения к дому Габсбургов, «упорядочения» государственно-правового положения отдельных земель. Они стремились при этом не к конституционной реорганизации Австро-Венгрии, а лишь к ослаблению централизма, возобновлению государственно-правового статуса земель чешской короны с собственным суверенным государственным собранием, с собственной исполнительной властью, с собственным внешнеполитическим представительством и с собственной армией³⁸.

Вожди чешской буржуазии использовали историческое право в качестве основного довода в борьбе за расширение национальных прав в области культуры, политики и экономики, против централизаторской великодержавной политики правящих австрийских кругов, для усиления своих позиций как в Чешских землях, так и в Цислейтании. Но реализация этой программы мало что могла дать другим славянским народам и потому не нашла у большинства из них отклика. Акцентирование государственного исторического права, которое отсутствовало в политической и идейной аргументации у других славянских народов, свидетельствует об ограниченности программы чешской буржуазии, узости ее идейных опозиций.

Аннексия Боснии и Герцеговины заметно оживила триалистические тенденции буржуазии южных славян Австро-Венгрии. Словенские клерикалы, взявшие на вооружение эту идею, с одобрения некоторых великохорватских политиков, пытались найти поддержку у наследника Франца — Фердинанда³⁹, стремившегося к ослаблению правящих венгерских групп⁴⁰. Крамарж, как и другие чешские политики, отвергал триалистическое переустройство монархии: «Мы любой ценой не должны допустить, чтобы югославянский вопрос был решен в смысле триализма»⁴¹.

Позднее в работе «В защиту славянской политики» он писал: «Мы знали, что этим чешские позиции окончательно были бы ослаблены и поэтому мы должны были идти против того, что хорватам было так дорого. Я полагал, что принцип „сначала чех, а затем славянин“ отвечает и чешской политике по отношению к югославянскому вопросу»⁴². Все это, несомненно, указывает на противоречивость национальных интересов чешской и югославянской буржуазии.

Одной из важных проблем в деятельности «Славянского союза» были взаимоотношения с Польским колом. Лидеры чешской буржуазии рассчитывали на то, что часть польской буржуазии склонялась к неославизму. Германский натиск на Восток и ряд других причин привели к тому, что в неославистских переговорах приняли участие представители некоторых польских буржуазных партий — людовцы, прогрессисты. Особенное значение имели контакты К. Крамаржа и Р. Дмовского — лидера национальной демократической партии (эндеки).

³⁷ C. Nečas. Ibid., s. 105; J. Hauser. Státoprávní programy na prelomu století. «Právně historické štúdie». Praha, 1971, s. 15.

³⁸ Ibid., s. 122.

³⁹ M. Paulová. Jihoslovanský odboj a česká Maffie. Praha, 1928, s. 89.

⁴⁰ K. Hermann, Z. Sládek. Slovanská politika K. Kramáře. Praha, 1971, s. 35.

⁴¹ K. Kramář. Problémy české politiky. Praha, 1913, s. 11; K. Hermann, Z. Sládek. Ibid.

⁴² K. Kramář. Na obranu..., s. 25.

В составе Польского кола в австрийском рейхсрате преобладали эндеки во главе со Ст. Гломбиньским. Для их политики был характерен, как заметил В. Бородовчак, «выбор между двумя злами» — между поддержкой австро-немецких консерваторов и либералов — с одной стороны, и поддержкой чешских и других славянских либералов — с другой»⁴³. Основой идейно-политической дифференциации во взглядах чешской и польской буржуазии было различное, а иногда прямо противоположное отношение к внутренней и внешней политике Австрии и России⁴⁴. Лояльность чешской буржуазии по отношению к Австрии по сравнению с польской имела свои особенности: чешская буржуазия не переставала настойчиво требовать улучшения австро-русских отношений параллельно с решением польского и сербского вопросов. Польское коло отказалось перейти в оппозицию к правительству. Во время заседаний парламента польские депутаты, за исключением 19 людовцев во главе с Я. Стапиньским, вновь поддержали правительство. Крамарж с раздражением обвинял поляков, поддержавших, в частности, концессию Венгерского банка в Боснии и Герцеговине, в том, что они ведут антиславянскую политику. Напомнив о солидарности чехов и словенцев с познанскими поляками, о «справедливых, — по его мнению, — требованиях по отношению к полякам в Петербурге», он обвинил Польское коло в предательстве и своекорыстии. В своем выступлении в парламенте Крамарж заметил: «Не найдется ни одного славянина, кроме поляков, который вошел бы в правительство только затем, чтобы стать министром»⁴⁵.

Политика чешских буржуазных партий, «Славянского союза» летом 1909 г. стала причиной острейшего парламентского кризиса. «Несколько десятков чехов парализовали абсолютно всю парламентскую машину. Парламентаризм стал бессмыслицей»⁴⁶, — писал лидер Польской социал-демократической партии (ППСД) И. Дашиньский.

Положение еще более обострилось, когда на открывшейся осенней сессии чешского сейма правительство предложило наряду с другими проект новых языковых законов⁴⁷. Они вызвали бурю негодования всего чешского народа. Вновь на повестку дня встал школьный вопрос. Чешский национальный совет⁴⁸ от имени чешского народа обратился к императору с просьбой не утверждать законов о языках, так как они «оскорбляют честь чешского народа, дают повод к постоянной национальной борьбе в столице империи, кладут начало опасным государственно-правовым изменениям»⁴⁹.

Апелляция к императору показывает, что в тактике оппозиционной чешской буржуазии ничего не изменилось. Однако эта попытка склонить на свою сторону Франца-Иосифа была тщетной⁵⁰. Не имея возможности выступить в парламенте (он не действовал), чешские партии выразили протест против этих законов тем, что обязали обоих чешских министров — министра земледелия Брафа и министра по чешским делам Зачека — подать в отставку.

⁴³ V. B o r o d o v č á k. Ibid., s. 54.

⁴⁴ J. K ř í ž e k. Ibid., s. 15.

⁴⁵ «Národní listy», 16 VI 1909, № 164.

⁴⁶ «Galicja w dobie autonomicznej», (1850—1914). Wrocław, 1952, s. 352; J. D a s - z u Ń s k i. Pamiętniki. Kraków, 1926, d. 2, s. 55—57.

⁴⁷ А. П о г о д и н. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915, стр. 58.

⁴⁸ Чешский национальный совет был образован 17 июня 1900 г. и рассматривался его руководством как «надпартийная» организация, как основа для сближения отдельных политических партий.

⁴⁹ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 136, л. 246.

⁵⁰ K. H e r m a n. Novoslovanství a česká buržoasie. «Kapitoly z dějin vzájemných vztahů národů ČSR a SSSR», I. Praha, 1958, s. 316.

Осеннее заседание рейхсрата началось с обструкции: «Правительство должно было убедиться, что против воли славянской коалиции оно не в состоянии управлять даже парламентом»⁵¹. Во главе оппозиции встали чешские аграрии и словенские клерикалы. Чешские аграрии, как это было официально заявлено, мотивировали свое решение «нежеланием работать с правительством, враждебным славянам». В действительности обструкция была направлена против законопроекта о торговых договорах, которые должны были открыть границу для ввоза румынского и сербского скота, болгарского хлеба и для вывоза австрийских товаров. Это предложение вызвало неудовольствие аграриев всех национальностей. Как чешские, так и немецкие аграрии объединились в борьбе против законопроекта, посягающего на их интересы: опасность возможного понижения цен на свинину заставила забыть их про национальную вражду⁵². Прикрывая свою реакционную сущность либеральной фразой, чешские аграрии в целях обструкции внесли 37 срочных предложений, из которых только по первому депутату Котларж говорил 13 часов подряд.

Не согласные с обструкцией партии приняли решение — ни в коем случае не прерывать заседаний. Решительно выступили против позиции «Славянского союза» социал-демократы, считая, что принятие законопроекта о торговых договорах облегчит ввоз продовольствия, а значит и может уменьшиться общая дороговизна, от которой страдало городское население. Перед зданием парламента состоялись внушительные демонстрации, в которых участвовало около 300 000 человек с лозунгами «Смерть народным изменникам!», «Долой обструкцию!», «Да здравствует народное представительство!»⁵³. В случае закрытия рейхсрата социал-демократы грозили организовать массовые выступления на улицах Вены. Эти обстоятельства не могли не оказать влияния на позицию «Славянского союза». В такой обстановке появилось предложение Г. Крека — лидера словенской народной партии, «симпатизирующего полякам»⁵⁴, и Крамаржа об изменении парламентского регламента. При поддержке всех реакционных групп в парламенте реакционная по своей сущности реформа парламентского регламента была принята. Тем самым было существенно ослаблено внутривластическое значение парламента⁵⁵.

Одной из причин появления этого предложения было обещание поляков «проводить политику свободных рук», не поддерживать враждебного славянам правительства и содействовать преобразованию кабинета. И. Дашиньский отмечал, что предложение Крека (о Крамарже он умалчивает) было «триумфом сторонников деятельности, к которым мы относились в первую очередь»⁵⁶. Как с удовлетворением отмечала «Наше доба»: «Теперь у польского клуба не стало доводов отвергать естественный союз с чешскими депутатами»⁵⁷.

Крамарж расценивал изменение парламентского регламента как «крупное историческое событие», так как была «уничтожена возможность обструкции — одна из наибольших преград к союзу с поляками»⁵⁸. Он подчеркивал, что стоит заодно с поляками во всем, что рассматривается ими как справедливое условие для национального развития. Еще более открыто о желании найти общий язык с ними говорил З. Тоболка в своем выступлении в Болеславе. Он выражал надежду, что славянское движение,

⁵¹ «Naše doba», č. 30. 20 XII 1909, s. 163.

⁵² «Речь», 4 XII 1909, № 333.

⁵³ «Речь», 6 XII 1909, № 335.

⁵⁴ «Galicja...», s. 352.

⁵⁵ «Přehled československých dějin», 1960, d. 2, č. 2, s. 1010.

⁵⁶ «Galicja...», s. 352.

⁵⁷ «Naše doba», č. 4, 20 I 1910, s. 245.

⁵⁸ «Národní listy», 7 I 1910, № 7.

которое захватывало, по его мнению, польских избирателей, «должно было принудить польский клуб к проведению славянской политики в австрийском рейхсрате»⁵⁹.

Оппозиционные настроения в славянских землях монархии беспокоили правящие круги. Поэтому в благодарность за поддержку, оказанную правительству чешскими депутатами, Бинерт обещал «употребить все свои усилия», чтобы сдвинуть с мертвой точки чешский сейм, который уже третий год бездействовал из-за обструкции немецких депутатов. Финансовое положение в стране и особенно в Чешских землях было критическим. Сейм не мог провести ни предполагаемое увеличение налога, ни другие мероприятия, которые в общей сложности должны были дать Чешскому королевству 20 млн крон в год, т. е. $\frac{1}{5}$ часть его бюджета⁶⁰. Кроме того, сейм был лишен возможности ассигновать земским учреждениям, большинство которых были чешские, необходимые для их существования пособия. В. Сватковский—корреспондент Санкт-Петербургского телеграфного агентства в Вене, характеризуя обстановку в стране в это время, писал: «По всей монархии происходят демонстрации населения против невыносимого положения. Пока эти демонстрации мирного характера, но сплошь и рядом уже слышатся угрозы действовать насильем»⁶¹. Рассматривая стабилизацию внутривосточного положения Австрии как острейшую необходимость, часть политических деятелей в австро-венгерской и славянской печати все чаще высказывали мысль, что ключом к разрешению проблем австрийской внутривосточной жизни являлось чешско-немецкое соглашение, хотя бы частичное и временное.

И действительно, летом 1910 г. были возобновлены переговоры о чешско-немецком соглашении. Лидеры чешской буржуазии, потеряв надежду вовлечь в «Славянский союз» поляков и убедившись в том, что в данном составе он не достигает поставленной цели, охотно вошли в приоткрытые для них наследником Францем-Фердинандом и графом Ф. Туном двери переговоров с немецкими депутатами⁶². «Славянский союз» как орудие обструкции потерял свой смысл, и его руководство не собиралось ни зимой, ни осенью, ни перед сессией парламента.

В начале января 1911 г. на одном из заседаний южнославянских депутатов говорилось о распаде Союза «ввиду происшедшей измены чехов общеславянскому делу и отказа их продолжать безусловную оппозицию против правительства»⁶³. Не рассчитывая на поддержку чешских партий и боясь оказаться изолированными, словенские депутаты также вступили в переговоры с правительством. Лидер словенских клерикалов Шустершич встал на путь прямой поддержки правительства, высказавшись за военные кредиты, прекратив обструкцию в бюджетной комиссии. «Славянский союз» распался на два враждебных лагеря. Крамарж, которому В. Сватковский задал вопрос о будущем Союза, «проявил полное безразличие к его судьбе»⁶⁴.

В этот период в результате чешско-немецких переговоров, которые показали необходимость согласованных действий чешских партий, произошло объединение чешских клубов (за исключением социал-демократов) в австрийском парламенте. В ходе совещаний о программе деятельности Объединенного чешского клуба большинством ораторов было высказано убеждение, что «Славянский союз» необходимо спасти. Считая, что гибель Союза

⁵⁹ Ibid., 10 I 1910, № 10.

⁶⁰ А. П о г о д и н. Там же, стр. 58.

⁶¹ АВПР, ф. Особый политический отдел, оп. 470, д. 297, л. 4.

⁶² АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 131, 1911, л. 9.

⁶³ Там же.

⁶⁴ АВПР, ф. Особый политический отдел, оп. 474, д. 270, л. 5.

была бы большим ударом «для славянского самосознания чешских масс», чешские буржуазные партии попытались использовать образование Объединенного чешского клуба, как для стабилизации своего положения в парламенте, так и для того, чтобы занять руководящую роль в «Славянском союзе». Было проведено несколько заседаний по пересмотру устава, с новым проектом которого выступили чешские аграрии.

10 февраля 1911 г. в австрийском парламенте состоялось реорганизационное собрание «Славянского союза», утвердившее новый устав. В состав Союза вошли как и прежде 125 славянских депутатов, представителей: Объединенного чешского клуба, Словенского клуба (клерикальная группа Шустершича), Союза южных славян (либеральная группа Плюя), Русского народного клуба⁶⁵. Председателем Союза был избран младочех Ф. Фидлер. Новый устав реорганизованного «Славянского Союза» провозглашал, что славянские депутаты «соединились для солидарной защиты своих общих и национальных интересов»⁶⁶.

Отношение чешской буржуазной печати к «спасенному» «Славянскому союзу» было различным. Младочешские «Народни листы» назвали реорганизацию Союза самым выдающимся явлением данного периода парламентской деятельности⁶⁷. Газета считала, что «Славянским союзом» в его новом виде было достигнуто «могучее здание единения славян». Консервативный «Глас народа» видел в преобразовании лишь устранение внешних недостатков в организации Союза. Орган В. Клофаца, радикальное «Чешское слово» усматривало в преобразовании Союза новое поражение Крамаржа. «Час» Масарика писал, что «новая позитивная цель Союза ничем не отличается от прежней негативной»⁶⁸. В этой связи интересен циркуляр младочешской партии. Указав на случайность возникновения Союза в 1909 г. (исходя из внешних причин) и вытекающую отсюда программную несостоятельность младочехи, напомнили о своих попытках исправить этот недостаток (предложения Пацака), а также на то, какой вред чешским интересам нанесло руководство Союзом Шустершичем (имелись в виду торговые договоры с балканскими государствами). Признавая большое моральное значение Союза, младочехи приветствовали его возрождение.

В преобразованном «Славянском союзе» вновь не было единства. В печати началась непрекращающаяся полемика, прежде всего между младочехами и словенскими клерикалами. «Словенец» опубликовал статью, в которой высказывалось убеждение, «что из-за неославизма Крамаржа младочехи в глазах правительства приобрели репутацию партии, враждебной австрийской государственности»⁶⁹. Поэтому газета писала, что «если теперь Славянский союз окажется под руководством чехов, то он не будет в состоянии действительно защищать интересы австрийского славянства»⁷⁰. Орган словенских клерикалов опасался, что «Славянский союз», в котором чешские депутаты заняли преобладающее положение, превратится в их политическое орудие.

Еще в начале 1911 г. Бинерт попытался продолжить чешско-немецкие переговоры, однако потерпел неудачу. 9 января он провел очередную реорганизацию своего правительства, а 17 января новым заместителем Чехии был назначен сторонник чешско-немецкого соглашения граф

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 131, л. 42.

⁶⁷ АВПР, ф. Особый политический отдел, оп. 474, д. 270, л. 5.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, 1911 г., д. 131, л. 78.

⁷⁰ Там же, л. 79.

Ф. Тун. Это заигрывание с чешскими депутатами должно было нарушить единство «Славянского союза» — главного центра оппозиции. Но накал оппозиционных настроений был крайне силен: парламент не одобрил ни бюджет, ни контингент новобранцев на 1911 г. Правящие круги пошли на закулисные переговоры с отдельными партиями и парламентскими фракциями, стремясь заручиться их поддержкой. Первой на свою сторону правительству удалось привлечь словенскую народную католическую партию. Шустершич отказался от сотрудничества в «Славянском союзе», что способствовало развалу последнего, и поддержал военные мероприятия правительства, выступив 6 и 25 февраля в рейхсрате с верноподданическими речами. Призвав югославянских депутатов голосовать за военные кредиты, он заявил, что они продемонстрируют патриотизм⁷¹.

30 марта парламент был распущен и одновременно было объявлено о новых выборах 13—21 июля 1911 г.⁷²

То обстоятельство, что деятельность первого австрийского парламента, избранного на основе всеобщего избирательного права, как и предшествующего ему куриального, не принесла позитивных результатов, свидетельствовало об острой необходимости самых серьезных преобразований в Австро-Венгерской монархии.

В избирательной кампании чешская буржуазия использовала прежде всего националистические настроения мелкой буржуазии, провозгласив «всенародный бой чуждой для славян Вене»⁷³. Ни в период избирательной кампании, ни в новом парламенте чешские буржуазные политики уже не пытались возродить «Славянский союз».

Таким образом, «Славянский союз» представлял собой парламентский блок буржуазных славянских партий. Однако он не сумел сплотить вокруг себя все славянские партии парламента.

Программа, с которой выступил Союз, показывает узкопрактическое назначение этой группировки. Образование Союза и роль, которую сыграла в нем чешская буржуазия, свидетельствуют об усиливающемся ее стремлении, опираясь на другие славянские народы, взять на себя руководящую политическую роль в австрийском парламенте. Консервативный, клерикальный состав этого парламентского объединения и его связь с австрийскими христианскими социалистами показали, что чешская буржуазная политика двигалась вправо⁷⁴.

«Славянский союз» нельзя рассматривать как антиавстрийский блок. Его оппозиционность по отношению к монархии сводилась на нет политикой лояльности, лежавшей в основе общей политической концепции значительной части славянской буржуазии Австрии. Направленная лишь против дальнейшей централизаторско-германизаторской политики буржуазно-помещичьих кругов Австрии, заметно усилившейся после аннексии Боснии и Герцеговины, политика «Славянского союза» не представляла существенной опасности для династии Габсбургов.

⁷¹ Ю. А. Писарев. Там же, стр. 241.

⁷² «Přehled...», d. II, č. 2, s. 1011.

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Ibid, s. 1010.

И. И. КАЛИГАНОВ

«ПОВЕСТЬ О ГЕОРГИИ НОВОМ» В РУССКОЙ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ XVI—XVIII вв.

«Повесть о Георгии Средецком»¹ — один из самых популярных в русской рукописной традиции литературных памятников. В этом произведении нашли отражение некоторые события болгарской истории первой половины XVI в. Нашествие турецких завоевателей и их закрепление на Балканах стало для болгар поистине национальной катастрофой. Страшный удар был нанесен культурному развитию страны: погибли крупнейшие хранилища рукописей — тырновские царская и патриаршая библиотеки, разгрому подверглись и болгарские монастыри — центры средневековой славянской книжности. Завоеватели деклассировали болгарское общество, превратив побежденных, не взирая на различия сословий, в бесправную «раю» (стадо), что ослабило возможности восстановления прежней оживленной литературной деятельности в стране: с уничтожением класса болгарских феодалов исчезал важный социальный заказчик на изготовление рукописных книг. Многие болгарские книжники были вынуждены искать более благоприятные условия для своей работы за границей.

Литературная жизнь в Болгарии, однако, не угасла. Рукописная традиция здесь проявила редкую жизнеспособность. Помимо евангелий, псалтырей, требников и других, имевших церковно-религиозное назначение книг, в болгарских монастырях и церквях переписывались произведения Климента Охридского (IX—X в.), Иоанна Экзарха (X в.), Черноризца Храбра (X в.), Евфимия Тырновского (XIV в.) и других древних авторов. Создавались и оригинальные сочинения. Несмотря на препятствия, которые турецкое иго чинило на пути культурного развития страны, оно, хотя и не с прежней интенсивностью, осуществлялось на всем протяжении почти пятивекового турецкого рабства. Имена Григория Цамблака, Константина Костенеческого, Владислава Грамматика, Димитра Кантакузина, книжника Пейо, Матвея Грамматика и других болгарских писателей XV—XVIII вв. хорошо известны тем, кто соприкасался с историей болгарской литературы.

В XVI в. в центре внимания писателей находилась проблема сопротивления болгар турецкой ассимиляторской религиозной политике. В тот период мысль о свержении турецкого ига была нереальной. Для порабощенных болгар в то время главной задачей являлось настойчивое сохранение уцелевших после турецкого нашествия остатков уклада некогда

¹ Полное заглавие памятника по спискам, хранящимся в СССР, — «Мучение Георгия Нового, иже в Средце граде болгарском мучившагося от нечестиваго царя Селима Турского» (Средец — старое название Софии).

свободной жизни. Одной из форм этого продолжавшегося веками сопротивления болгар турецким ассимиляторам было поддержание практики славянского (христианского) церковнослужения. В монастырях и церквях на болгарском языке переписывались евангелия, минеи, прологи, не дававшие болгарам забыть славянскую азбуку, закреплявшие и овеച്ചествлявшие родной язык. В условиях турецкого ига вопрос сохранения славянского (христианского) вероисповедания приобретал исключительную важность и имел политическое значение.

Усиление внимания болгарских писателей к проблеме религиозных различий между завоевателями и побежденными происходит в XVI в. не случайно. Не все турецкие султаны, подобно Мохаммеду II (1451—1481 гг.), отличались религиозной терпимостью по отношению к иноверцам. Султан Селим I (1512—1520 гг.), прозванный современниками «Явуз» (Жестокый, Грозный), намеревался полностью искоренить христианство в поработенных землях. Он собирался умертвить каждого, кто откажется принять мусульманство. С большим трудом приближенные султана сумели отговорить его от этой затеи, но часть болгар была отуречена². Отуречивание южных славян в большем или меньшем масштабе практиковалось на всем протяжении турецкого владычества на Балканах, но первые памятники, рассказывающие о религиозном изуверстве завоевателей, появились в Болгарии именно в XVI в. Это — «Повесть о Георгии Новом»³ софийского книжника Пейо и «Житие Николы Нового», написанное Матвеем Грамматиком⁴. В них восславляются поступки ремесленников — ювелира Георгия и сапожника Николы, которые предпочли смерть отказу от истонного вероисповедания. Созданные Пейо и Матвеем произведения снискали популярность среди южных славян. Особенно широкое распространение получила «Повесть о Георгии Новом», которую переписывали в Болгарии, Сербии, Боснии и на Афоне⁵.

Случай с Георгием стал известен и на Руси через два с лишним десятилетия после сожжения мученика на костре 11 февраля 1515 г. в Софии. О событиях, происшедших в Софии, рассказали на Руси монахи афонского Зографского монастыря Прохор и Митрофан. Они приехали в Россию в 1538 г. за «милостыней» (пожертвованиями). Во время своего пребывания в Московском государстве монахи были в Новгороде и Пскове, где встретились с крупным церковным и политическим деятелем XVI в. архиепископом Макарием — будущим всерусским митрополитом. На приеме, устроенном Макарием по случаю прибытия гостей, Прохор и Митрофан, отвечая на расспросы архиепископа о жизни славян в турецкой неволе, описали ему мученическую смерть Георгия. История настолько заинтересовала Макария, что он отдал распоряжение одному из своих приближенных записать рассказ монахов «колико мощно». Об этом

² П. Динек ов. Софийски книжовници през XVI век. София, 1939, стр. 5; А. Д. Новичев. История Турции. Л., 1963, стр. 82.

³ П. Динек ов. Там же.

⁴ См. П. Сырку. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XVI—XVII вв. СПб., 1901.

⁵ Издания списков болгарской «Повести» см.: А. И. Гильфердинг. Летопись занятий Археологической комиссии 1862—1863 гг., вып. 2. СПб., 1864. Приложения, стр. 1—24; С т. Новиков и ђ. Служба и живот светого ђурђа Кратовца. «Гласник Српског ученог друштва», XIX, Београд, 1867, стр. 97—156; С т. Станимир ов. Едно малко познато житие на свети Георгия Нови от Кратово. «Известия на Историческото друштво в София», кн. XI—XII, София, 1931—1932, стр. 288—293; П. Динек ов. Там же, стр. 58—74; Б. С т. Ангел ов. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1967, стр. 276—279. Сведения о неопубликованных южнославянских списках «Повести» см.: Б. С т. Ангел ов. Там же, стр. 273—275.

мы узнаем из предисловия к русской «Повести о Георгии Новом» (л. 459--459 об.)⁶.

В конце «Повести» русский книжник, записывавший рассказ Прохора и Митрофана, сообщил о себе некоторые сведения (имя, духовное звание) и упомянул о той роли, которую он играл при архиепископе Макарии: «А писал смиренный мних и прозвитель Илья церкви преподобнаго и богоноснаго отца нашего Еуфимия, иже внутри дому архиепископа Великого Новаграда» (л. 474).

Рассказ о турецких насилиях над поработченными славянами на Балканах имеет особую ценность, так как новгородский пресвитер записывал его со слов очевидцев, сообщивших важные факты о взимании турецкими султанами со славян «кровной дани» — наборе славянских детей в турецкий янычарский корпус, о несправедливости турецкого суда по отношению к «рае», о насильственном отуречивании взрослых христиан, о религиозном фанатизме завоевателей и т. д. Исполняя поручение Макария, Илья старался добросовестно отразить в своем произведении все услышанное им от афонских пришельцев. Может быть, благодаря этому обстоятельству мы обнаруживаем в «Повести» ряд мест, которые несвойственны житийным памятникам, создававшимся литераторами макариевского круга. В предисловии к «Повести» имеется беллетристическое описание набора славянских детей в турецкий янычарский корпус, напоминающее сочинение исторического характера (летописный рассказ). По словам Ильи, сборщики «кровной дани» отправляются в путь по приказу султана через каждые три года. Они беспощадны, потому что «идеже обретаху у хрестьянина три сына, и два на царя емлют, а третяго оставляют родителем его. И аще будет у хрестьянина един сын, и того на царя емлют насилем» (л. 460 об.). Размеры этого бесчеловечного налога афонские монахи указали новгородскому книжнику довольно точно: «И тех детеи хрестьянских собирают на царя до дванадесят тысящ, иногда до двадесят тысящ» (л. 460 об.)⁷. Собранных детей турецкие стражники привозят в Константинополь и совершают над ними обряд обрезания. Будущих янычар воспитывают в духе мусульманского религиозного фанатизма: наряду с военными навыками («ратное дело и бой и на конех уристание») султан приказывает их «учити моамедови прелести» (р. 461). По достижении совершеннолетия воспитанников посвящают в янычары. Ритуал посвящения обычно пышно обставлен и превращается в торжественную церемонию: «И будут в мужеский възврат и от царя велику честь приимут и наречени будут от царя енечяре» (л. 461). «Ухищрение» Селима состоит в том, что он воюет против христианских стран, используя янычар — славян по крови. Коварство султана усиливается тем, что оторванные от родителей дети, став янычарами, начинают верой и правдой служить ему, забывая свой родной язык, родину, близких. «И дотолика прельстятя, яко не токмо веру хрестьянскую забудут, но и отца и матерь. И начнутдохмати писати на хрестьян и без милости убивати хрестьяны злее срачинского роду» (л. 461), — горестно восклицает Илья.

⁶ Здесь и далее цитируем «Повесть» по Соловецкому списку XVI в., хранящемуся в Соловецком собрании ГИБ под шифром 826/936. В скобках указаны листы рукописи. При написании использованы правила передачи древнерусских текстов, опубликованные в статье: Р. П. Дмитриева. Проект — серия монографических исследований изданий памятников древнерусской литературы. Тр. Отдела древнерусской литературы, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 491—499.

⁷ Историк Н. С. Державин пишет, что при султани Селиме I численность янычарского корпуса возросла до 10 тыс. человек. Если принимать во внимание частые войны, которые в то время вела Турецкая империя, размеры «кровной дани», сообщенные монахами Ильей, выглядят вполне правдоподобно. См. Н. С. Державин. История Болгарии, т. III. М.—Л., 1947, стр. 37.

Со слов монахов Илья рассказал и о религиозном фанатизме завоевателей, которые принуждают славян переходить в магометанство и исполнять турецкие религиозные обряды. Объектами гонения, как правило, становятся те, кто чем-нибудь выделяется из общей массы «раи» (л. 461—461 об.). Мусульманские фанатики стараются опорочить таких людей в глазах турецкой администрации и требуют от нее, чтобы «виновные» отуречились. Отказ славянина перейти в магометанство равносителен смертному приговору с конфискацией имущества (л. 462 об.).

В то время как предисловие к русской «Повести» может служить ценным историческим документом, свидетельствующим о жизни южных славян в турецкой неволе, та часть произведения, где описывается гибель Георгия, полна вымысла. Житийный вымысел с традиционным набором сверхъестественных «чудес», которые сопровождают жизнь и кончину святого, часто применялся агиографами макариевского круга. Однако на примере русской «Повести» мы сталкиваемся с другим случаем. Хотя произведение болгарского книжника Пейо о Георгии к 1538 г. было уже написано (Пейо создал «Повесть» в конце 10-х годов XVI в.)⁸, афонцы Прохор и Митрофан его не читали. Не присутствовали эти монахи и на казни Георгия в Софии, так как они сообщили Илье, что мученик пострадал 26 мая 1514 г. (а не 11 февраля 1515 г., как указывает Пейо, являвшийся наставником Георгия). Прохор и Митрофан просто пересказали новгородскому пресвитеру дошедшие до Афона слухи о страдании Георгия.

По этой причине в русской «Повести» по сравнению с болгарской наблюдается ряд фактических расхождений. Содержание основной части произведения Илья таково. Георгий родился в Средце (а не в Кратово, как у Пейо), в семье состоятельных родителей Иоанна и Марии (у Пейо — Димитрия и Сарры). В возрасте 25 лет (у Пейо — 18), когда юноша лишился отца и матери, турецкие власти начинают преследовать его, стараясь отуречить. Получив отказ, они ведут его в суд и клеветуют на него своему судье. Последний стремится склонить Георгия добровольно отуречиться и, потерпев неудачу, приказывает четырем стражникам избить мученика батогами (у Пейо этот эпизод отсутствует). Затем Георгия заключают в тюрьму, и поздней ночью турецкие судьи, сеиты (священнослужители) и палачи собираются на совет, чтобы обсудить, какой казни предать юношу. Принимается решение изрезать тело Георгия ножами, вонзить в раны горящие свечи и для устрашения непокорных христиан провести мученика по городу, а уже потом сжечь его на костре. На следующее утро, когда турецкие фанатики приводят в исполнение свой замысел, над костром внезапно появляются тучи, разражается страшная гроза с громом и молниями и перепуганные мусульмане разбегаются по домам. Останки Георгия подбирают софийские христиане и с подобающими святому почестями погребают их в соборном храме «Св. Георгия Победоносца» (у Пейо — «Св. Марины»). Торжественную процессию христиан возглавляет софийский митрополит Иеремия (у Пейо — Панкратий).

При составлении своей «Повести» новгородец Илья, испытывая недостаток полученных им от афонских монахов сведений о Георгии, обратился к «Житию Иоанна Нового» Григория Цамблака. Сравнение текстов двух произведений выявляет почти полное совпадение некоторых эпизодов: избиение батогами, беседы мучеников с судьями и др.⁹ Компильации Илья тем не менее не умаляют историко-литературной ценности памят-

⁸ П. Д и н е к о в. Там же, стр. 81.

⁹ А. И. Я ц и м и р с к и й. Григорий Цамблак. СПб., 1904, стр. 457—461.

ника. Антитурецкое содержание «Повести» и сочувствие русских людей судьбе попавшего под турецкое иго родственного славянского народа сделали ее одним из самых популярных на Руси произведений. Ее читали и переписывали в Москве и Александровской Слободе, Новгороде и Пскове, Каргополе и Холмогорах, на далеких Соловецких островах. Между тем этот русский памятник до сих пор не был предметом специального исследования. Из многочисленных списков «Повести», хранящихся в архивах СССР, издан пока лишь один — Гепецковский список XVI в.¹⁰, названный так по имени владельца рукописи, священника Феофила Гепецкого из бессарабского села Ворничены. Издание Гепецковского списка А. И. Яцимирским преследовало в основном археографические цели. Ученый поставил себе задачу познакомить научную общественность и любителей русской старины с любопытным литературным памятником времен архиепископа Макария. Вопрос о художественных достоинствах «Повести» и ее функции в контексте древнерусской литературы еще не ставился.

Учитывая, что при исследовании древнеславянских памятников первоначальным этапом является восстановление истории движения их текстов, приводим классификацию списков «Повести» по редакциям с одновременным уточнением времени появления каждой из редакций. Н. Барсуков и А. И. Яцимирский выделяли две редакции памятника: Пространную и Краткую¹¹. Новонайденные списки «Повести»¹² позволяют говорить о трех редакциях:

1. Основная, созданная новгородским пресвитером Ильей в 1538 г. Она представлена наибольшим числом списков: Соловецкий 826/936, Соловецкий 834/944, Титовский 1326 (хранятся в ГПБ); Пискаревский 122, Егоровский 564, Пискаревский 148, Овчинниковский 277, Ундольский 563, Ундольский 297 (хранятся в ГБЛ); Сийский (БАН); Боровский (ЦИАЛ); Уваровский 355/1849, Уваровский 147/1883, Милютинский (хранятся в ГИМ); Холмогорский (Гос. архив Архангельской области), Киевский (БАН УССР)¹³. Указанные списки дают очень мало различий, что существенно затрудняет построение стеммы.

Весьма близок по содержанию к Основной редакции ее расширенный вариант, представленный тремя списками: Царский (Ц), Соловецкий 514 (Сол), Софийский 1424 (Соф), первый из которых хранится в ГИМ, а два других — в ГПБ. Старшим списком расширенного варианта является Царский, выполненный для царского комплекта Великих Миней Четых (ВМЧ) митрополита Макария. Он датирован 1553 г.¹⁴ Соловецкий список датирован 1569 г., а Софийский относится к концу XVI — началу XVII в. Приведем некоторые отличия Основной редакции и ее расширенного варианта:

¹⁰ А. И. Яцимирский. Из истории славянской проповеди в Молдавии. — Памятники древней письменности и искусства, т. 163. СПб., 1906, стр. 99—109.

¹¹ Н. Барсуков. Источники русской географии. СПб., 1882, стр. 120—121; А. И. Яцимирский. Там же, стр. LXXVI.

¹² И. И. Калиганов. К вопросу о текстологическом изучении русского жития Георгия Нового. «Советское славяноведение», 1974, № 3, стр. 73—81. Добавляем еще один список «Повести» XVII в., хранящийся в ГБЛ, в собрании Егорова, № 564, л. 669—690 об. (Искренне благодарю сотрудника ГБЛ канд. ист. наук Ю. Д. Рыкова, указавшего мне этот список).

¹³ Подобные сведения о шифрах рукописей со списками «Повести» см. в нашей статье «К вопросу о текстологическом изучении русского жития Георгия Нового», стр. 76—78.

¹⁴ Т. Н. Протасьева, М. В. Щепкина. Описание рукописей, не вошедших в описание А. Горского и К. Невоструева. М., ГИМ, 1970, стр. 200.

*Основная редакция по списку
ГБЛ, ф. 297/310, конца XVII в.*

*Расширенный вариант по
списку ГПБ, Сол. 514, 1569 г.*

Книжник Илья о самом себе

л. 1. Аз же смиренный ни чудес, ни учению дара приях. Недостоин бо ся сотворих, жизни сия сласть любящи.

л. 960 об. Аз же смиренный ни чудес, ни учению дара прием. Да откуда убо и кто ми подасть пространство разума, еже изложити начальство повести сеа, понеже бо недостоин сии жизни сеа сладость любя и хощу подобитися приемшим дар святого духа.

Характеристика архиепископа Макария

л. 1 об. Иже и во иных добродетелех многих мужа совершена и в меру возраста исполнения Христова пришедша. Изрядно же бе дело его день и нош, яко пчеле сладость отвсяду приносить, поискати святых жития.

л. 961. Бе бо всех добродетелех сеи муж совершен святейшии Макарие и в меру возраста исполнения Христова пришед: не токмо бо странная приимля и нищая одевая и кормя, но и мучениколюбещь сии, понеже бо изрядно бе дело его, яко пчеле сладость отвсяду приносить и воедино собираати...

Беседа Макария с афонскими монахами

л. 2 об. Архиепископ же восхити от уст их, яко некоторою пищу сладкую и повеле мне преписати страдание мученика и подвизи колико мощно.

961 об. — 962. Архиепископ же, яко услыша от них и въсхоте известно уведати како и коим образом мучен бысть и моля их поведати. Они же начаша страдания мученика и подвизи исповедовати подробно, друг другу свидетельствующе.

Расширенный вариант, очевидно, был создан специально для царского комплекта ВМЧ уже в бытность Макария московским митрополитом. Переписчик повести внес некоторые изменения при подготовке «Повести» для ВМЧ. Он стремился сгладить встречающиеся в произведении Илья стилистические шероховатости, старался сделать текст более ясным и понятным. Как видно из приведенных различий, составитель расширенного варианта дает более подробную характеристику нравственных качеств Макария, назначенного с 1542 г. московским митрополитом. Составитель называет Макария «святейшим», подчеркивает его гостеприимство, отмечает заботу бывшего архиепископа о бездомных и голодных. По-видимому, расширение характеристики Макария было непосредственно связано с усилением пиетета к этому общественному деятелю XVI в., поднимающемуся на высшую ступень русской церковной иерархии.

Хотя составитель расширенного варианта и дополнил произведение Илья своими пассажами, они не вносят в «Повесть» ничего существенно нового и имеют скорее риторический, чем смысловой оттенок. Сам факт помещения «Повести» в ВМЧ, однако, благоприятно сказался на литературной судьбе произведения. В этом грандиозном памятнике письменности митрополит Макарий, по его собственным словам, намеревался собрать все книги, «которые в русской земле обретаются»¹⁵. Вряд ли Макарий пытался собрать все произведения древнерусской литературы, известные в то время. Это было бы невозможно из-за огромного их количества, да Макарий и не ставил перед собой такую цель. Митрополит хотел собрать только книги «полезные для чтения», «святые» книги, как он сам оговаривает в предисловии к ВМЧ. По-видимому, Макарий стремился оградить читателя от воздействия «богомерзких» книг, которые могли попасться на глаза неискушенному грамотею. В практике литературной

¹⁵ «Великие Мицеи Четъи, собранные митрополитом Макарием». Сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868, стр. 1.

жизни Руси до эпохи Ивана Грозного существовали «индексы» — списки запрещенных книг. Макарий шел от обратного: он задумал создать кодекс литературы, рекомендованной для чтения и переписки. «Охранительную» функцию ВМЧ верно подметил Н. С. Тихонравов¹⁶. Помещение «Повести» в ВМЧ — этом своеобразном кодексе, на который должны были ориентироваться переписчики официальных скрипториев, способствовало распространению произведения на Руси.

II. Сокращенная редакция «Повести» появилась на Руси во второй половине XVI в. Она известна нам по шести спискам: Л — Львовский (БАН УССР, Львов, ф. 3, кн. 1263); Лен — Ленинградский (ГПБ, ОЛДП, Q 109); М — Музейский (ГБЛ, ф. 256/364); Б — Большаковский (ГБЛ, ф. 37/162); Т — Тихонравовский (ГБЛ, ф. 299/301); Н — Никифоровский (ГБЛ, ф. 199/313). В отличие от Основной, создание Сокращенной редакции преследовало сугубо агиографические цели. Очевидно, ее появление было связано с возникновением на Руси религиозного культа Георгия Нового и привозом в Москву части мощей болгарского мученика в 80-х годах XVI в.¹⁷ Как бы то ни было, сокращенный вариант произведения, созданного Ильей, не представляет большого интереса с историко-литературной точки зрения. Его составитель опустил известие Ильи о приходе афонских монахов на Русь, характеристику архиепископа Макария, рассказ о насильственном наборе детей славян в турецкий янычарский корпус. Излишним составитель посчитал и послесловие «Повести», в котором Илья сообщил о самом себе краткие сведения. Сокращенная редакция начинается сразу с обычного для житий повествования о детстве героя произведения: «Бысть убо сеи блаженный Георгие от благочестиву родителю родися». Предельно кратки и упрощены «искусительные» моменты в действе мучения. События развиваются в течение одного дня, а не двух, как в «Повести» Ильи. Опущено пребывание Георгия в темнице, ночной совет турецких судей, сеитов и палачей о судьбе юноши и т. д.

Приведем примеры, иллюстрирующие отличия Основной и Сокращенной редакции:

*Основная редакция по списку
ГБЛ, ф. 297/310, конца XVII в.*

*Сокращенная редакция по
списку ГПБ, ОЛДП, Q 109, 1642 г.*

О детстве Георгия

л. 5—5 об. И по времени предаша его учителю навикнути божественному писанию. Отроча же, духом святым укрепляемо, вскоре извыче божественное писание и превзыде сверстник своих учением, доблестию и красотою, яко древле целомудренныи Иосиф. Ему же нечестивии завидеша: возрасту его и красоте лица его, и на кийждо день искаху вины на нем.

л. 409. И вдан бысть родителема своима на учение грамоте. И вскоре извыче божественная писания и сверстник своих превзыде во учении. И бысть возрастом и красотою, яко же древле Иосиф целомудренныи.

Георгий предстает перед судьей

л. 7. Судия же удивися величеству тела его и красоте лица его, но уже ему власы брэдныя испущающу. И на обычном месте судища председ, с честью призывает мученика близ себе и, яко предъста, нача ласканием глаголати ему...

л. 409 об. Игемон же удивися величеству тела и красоте лица его и нача ласканием глаголати...

¹⁶ Н. С. Тихонравов. Соч., т. I. М., 1898, стр. 90.

¹⁷ А. Н. Муравьев. Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858, стр. 187.

Мучение Георгия

л. 9 об. Многии же суровьством мучитель, яко сия слыша глаголы, разгоревся гневом, повелевает въскоре того по земли протягнути и жезьлием сукватым немилостивно бити четырем воином...

л. 409 об. По сем же мучитель исполнился ярости и повеле нага жезлием немилостивно мучити святого...

В Сокращенной редакции отсутствуют пассажи Ильи, подчеркивающие кротость болгарского юноши, и описание христианской толпы, наблюдавшей издали за его истязанием. Подвергнуты значительному сокращению диалоги Георгия с агарянскими судьями и мусульманскими фанатиками.

Утратив исторические и политические аспекты произведения, написанного Ильей, Сокращенная редакция вызвала интерес прежде всего у религиозного читателя. В конце XVII — начале XVIII в. она, по-видимому, пользовалась успехом у старообрядцев. В немалой мере способствовал ее составитель, который без изменений передал эпизод с тафией (шапкой) из «Повести» новгородского пресвитера. Сеиты, склоняя Георгия переменить вероисповедание, пытались надеть на его голову тафию. В таких тафиях турки, по словам Ильи, «исполняюще Моаметову прелесть», ходят в «мизгит» (мечеть), приступают к трапезе, отправляются в военные походы и т. п.

Вопрос о тафиях занимал немаловажное место в религиозной жизни русского общества середины XVI в. Ношение тафии в глазах благочестивого человека приравнялось к греху — в этом он усматривал уподобление христианина ненавистным агарянам. Максим Грек в послании к протосинкеллу Алексию сурово осуждает бритье головы и ношение тафии. В качестве решительной меры он советует не давать причастия тем, кто носит тафию, а также запретить армянским купцам возить такой товар на Русь. «А привезет — быти ему в торгу биту кнутием и ограблену» (т. е. наказать кнутом и конфисковать товар. — *И.К.*), — предлагает Максим Грек ¹⁸.

Рассматривался вопрос о тафиях и на Стоглавом соборе 1551 г. Одно из его постановлений гласило, что отныне и впредь все население Руси, от князей и бояр до простых холопов, должно приходиться на моление «без тафий и без шапк» и стоять «со страхом и трепетом откровенною головою». «Стоглав» вообще запрещал ношение тафий. В главе ЛΘ (39) говорилось, что христиане в тафиях «никогда же не являлись и попораны бы были до конца, занеже чюже есть православным до конца таковая носити безбожного Бахмета предание» ¹⁹.

Георгий Новый в «Повести» действует в духе постановлений Стоглава ²⁰; он срывает тафию, которую турки надели ему на голову, попирает ее ногами и громко проклинает «срацынскую веру». Это место в Основной и Сокращенной редакциях «Повести» привлекло внимание старообрядцев в конце XVII — XVIII вв. Свидетельство этому — раскольнический сборник XVIII в., хранящийся в ГПБ (Титов № 2242), где помещены послание Максима Грека протосинкеллу Алексию, выписки из 39 главы «Стоглава» и эпизод с тафией из «Повести о Георгии Новом».

III. К р а т к а я редакция «Повести», обнаруженная нами в ГПБ, была неизвестна науке. Она помещена в стипном прологе XVI—XVII вв.

¹⁸ «Сочинения преподобного Максима Грека», ч. II. Казань, 1866, стр. 384.

¹⁹ «Стоглав». Изд. Н. Субботина. М., 1890 (глава ЛΘ).

²⁰ Возможно, этот пункт «Стоглава» обсуждался по инициативе митрополита Макария, по просьбе которого ранее новгородский пресвитер Илья записал повесть о Георгии.

на март и май (Титов № 239). Рукопись до сих пор не имеет подробного описания, и поэтому публикуем о ней необходимые сведения ²¹.

В сборнике 430 + 11 л., формат 20 × 30,2 см, рукопись писана крупным полууставом, на полной странице по 25 строк, переплет — доски, обтянутые черной кожей с тиснением в виде лилий (на задней наружной его крышке), сохранились остатки двух грубых кожаных застежек. На внутренней части передней крышки переплета наклеен бумажный ярлык с надписью: «Собрание рукописей Андрея Александровича Титова в Ростове Великом». Затем следует белый лист, вклеенный, по-видимому, самим А. А. Титовым с записью в верхней части листа: «Куплена в 1879 г. в Москве у П. В. Шибанова за 30 руб.». Пагинация двойная. Нижняя пагинация выполнена в более позднее время карандашом и имеет упреждение на единицу. Киноварь используется в заглавиях и заглавных буквах. На л. 1 рукописи поставлен штамп: «Библиотека А. А. Титова»; л. 1 и 2 отстали от переплета; л. 52 поврежден с ущербом для текста; л. 430 заполнен текстом наполовину, на некоторых листах исследователи оставили отметки красным и синим карандашами (л. 395, 396 и др.). Из водяных знаков встречается «кувшин», которому не удалось найти соответствия в известных нам альбомах водяных знаков.

Среди статей: Перенесение мощей Вячеслава Чешского, л. 18 об.— 19; Память архиепископа великого Новгорода и Пскова Евфимия, л. 54—55 об.; Память Иллариона Нового, л. 136 об.— 137; Память священномученика Симеона, л. 273 об.— 274; Память Епифания Кипрского, л. 339 и др.

Краткая редакция «Повести» помещена на л. 407 об.— 408 об. рукописи (текст публикуется нами в конце статьи). В ней отсутствуют данные о родителях, происхождении и детстве Георгия. Нет указания и на возраст юноши. Сообщается только место его рождения — Средец. Составитель Краткой редакции лаконично пересказал как судьи «начаша ласкати и нудити Георгия отвержися от христианския веры» и, убедившись, что тот не поддается на уговоры, предали его смерти. Очень сжато переданы и последующие события. Книжник опустил описание торжественной процессии христиан, выкупивших тело юноши и похоронивших его в храме Георгия Победоносца. Не названо и имя митрополита, участвовавшего в процессии. Составитель лишь вскользь роняет фразу о «епископе», совершившем церковно-религиозный ритуал над телом Георгия в «соборной» церкви. Опущена и традиционная похвала мученику, обычно венчающая жития.

Зато рассказ Ильи о гонениях нечестивых на христиан в поработоченной Болгарии сохранен почти полностью. В Краткой редакции он составляет 1/2 ее часть. Это обстоятельство, с одной стороны, является свидетельством интереса древнерусского читателя к судьбе родственного славянского народа, а с другой — служит доказательством того, что Краткая редакция была создана с использованием текста Основной (в тексте Сокращенной рассказ о положении на Балканах отсутствует). Классификация списков «Повести» по редакциям подводит нас к вопросу о датировке Гепецковского списка. Как отмечал А. И. Яцимирский, неизвестный молдавский книжник соединил в этом списке Основную редакцию «Повести» с ее расширенным вариантом из ВМЧ ²². Вероятно, ученый полагал, что расширенный вариант был помещен во всех трех комплектах ВМЧ: Софийском, Успенском и Царском ²³. Софийский комплект был создан в конце

²¹ Рукопись очень кратко описана в кн. «Описание славяно-русских рукописей А. А. Титова», т. 3, История церкви. М., 1903, стр. 79.

²² А. И. Яцимирский. Из истории славянской проповеди в Молдавии, стр. LXXVII.

²³ Там же, стр. LXXV. Здесь А. И. Яцимирский говорит о трех списках из ВМЧ.

30-х — начале 40-х годов XVI в., поэтому датировка Гепецковского списка не позднее 1552 г. казалась А. И. Яцимирскому вполне оправданной²⁴. Однако ни в Софийском, ни в Успенском комплектах ВМЧ истории о болгарском юноше не имеется²⁵. Она попала лишь в майскую минию из Царского комплекта ВМЧ, которая датируется 1553 г. Следовательно, мнение А. И. Яцимирского относительно времени появления Гепецковского списка нуждается в проверке. Задача состоит в отыскании списка (современное его местонахождение неизвестно) и уточнении датировки по водяным знакам, палеографическим особенностям, языку и другим признакам.

Для восстановления истории движения текста «Повести» важно как можно более точно датировать рукописи, в которых помещено указанное произведение. Мы уже высказывали свои соображения в отношении времени создания двух списков повести: Ундольского 563 и Пискаревского 148²⁶. Удалось уточнить и датировку Холмогорского списка «Повести». Рукопись с Холмогорским списком еще не была описана подробно²⁷. Поскольку в ней содержится ряд интересных славянских памятников, приводим о рукописи необходимые данные. Сборник в 1°, формат л. 19 × 30 см, III + более 800 + 1 л. (пагинация отсутствует), переплет — доски, обтянутые коричневой кожей с тиснением, корешок переплета выполнен в позднее время. Имеются следы двух несохранившихся застежек. Рукопись писана полууставом, на полной странице по 25 строк. На л. 1, защитном, имеются две записи, в первой из которых упоминается об описи вещей Холмогорского Спасопреображенского собора в 1701 г. Вторая запись была сделана 17 февраля 1904 г. во время вторичной описи собора. Эту запись оставил дьякон Василий Лазарьев Фирсов. В ней говорится, что опись велась по распоряжению Холмогорского и Важеского архиепископа Афанасия. О самом себе Василий Фирсов сообщает, что он служил дьячком собора с 1885 по 1892 г., а затем Афанасий назначил его дьяконом того же собора. Других сведений в записях не содержится. Из водяных знаков встречаются: а) колонны, увенчанные цветами и кистью винограда с литерами R и PORE; б) гербовый щит с лилией, типа Гераклитов № 213—214, 1660 г.; в) змея, обвившая крест на постаменте, типа Гераклитов № 341—342, 1639 г.; г) гербовый щит с литерами AV, Черчилль № 287, 1638 г.; д) двуглавый орел типа Хивуд № 1303, 1644 г.; е) шут; ж) кувшин типа Гераклитов № 309, но имеет одну, а не две ручки, как гераклитовский, изменена и форма основания кувшина, отсутствует и изображение сердца; встречаются также два типа гербовых щитов, которым не удалось найти соответствия в известных нам альбомах водяных знаков.

Обнаруженные нами водяные знаки позволяют отнести рукопись к середине XVII в., а не к концу XVI — началу XVII в., как это сделал А. Е. Виктор²⁸.

В сборнике имеется 24 главы, среди которых: Мучение Дионисия Ареопагита (глава 3); Слово Кирилла Философа на собор святого архистра-

²⁴ А. И. Яцимирский. Григорий Цамблак. СПб., 1904, стр. 344, 461.

²⁵ Оглавление майской мини («Повесть» помещается в рукописях под 26 мая) Софийского комплекта ВМЧ см.: Д. И. Абрамович. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии, вып. II. СПб., 1907, стр. 92—113; Успенского: А. Иосиф. Подробное оглавление Великих Четых Миней митрополита Макария. М., 1892, стр. 133—202.

²⁶ И. И. Калиганов. Там же, стр. 76—77.

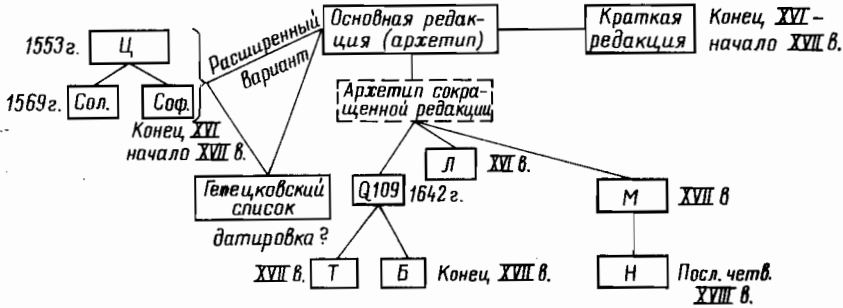
²⁷ Рукопись кратко описана А. Е. Викторовым: Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890, стр. 63. Рукопись хранится в Гос. архиве Архангельской области в собрании Холмогорского Спасопреображенского собора под № 223.

²⁸ А. Е. Виктор. Там же, стр. 63.

тига Михаила (глава 6); Житие Филиппа митрополита Московского (глава 11); Житие Саввы Сербского, списанное игуменом Хилендарского монастыря Доментианом (глава 15); Житие Димитрия Прилуцкого (Вологодского) (глава 17); Житие Всеволода Мстиславича (глава 18); Слово на обретение мощей князя Всеволода (глава 19); Преставление Алексея митрополита Московского (глава 20); Повесть о Георгии Новом (глава 22).

На основе нашей классификации списков «Повести» по редакциям и текстуального сопоставления списков получается следующая схема:

ПРИЛОЖЕНИЕ

Публикуем Краткую редакцию по списку конца XVI — начала XVII в. (ГПБ, Титов № 239):

л. 407 об.

Стра/сть святаго великомученика/Георгия Новаго. Съи/великий/страсторынецъ бысть рождение/и възпитание славнаго Средца/града българскаго, благородну/и благочестиву родителю отрасль/в царство злочестиваго Сели/ма царя турскаго. Его же глаголють/лютейша древних гоните/лии на христианы. Съкровено бо/ухитри гонение. Елици бо/в области его сут христианы./Отемя у них дети мужь/скаго полу в детском возра/сте сущя. И вдая в учи/лица, учаше зловерию своему/и творяша их не токмо кре/щение и веру христианскую за/быти, но ниже родителя/своя помнити, ꙗко злеишем/срациньскаго роду быти на хри/стианы. В юношьском же//или в мужьском же възрасте/аще узрять злочъстивии до/бровъзрастна/суща христианина,/сего ложны клеветами и мука/ми умрети или благовериа от/ступити нещадно творяху. Тогда и сего великаго Георгия,/благородна и лепа суща, начаша/ласкати и нудити отврещися/христианьскыя веры и прелестней/их службе причаститися./Не покоривъся, мучен желез/ным по нагу телу биением быва/ет, и в темницу вметаем./Наутриа же резавше по всему те/лу его раны глубоки и вжегше/свещи салны възниши в раны/тыя. И вожаху по граду ругающе/и до некоего места дошедше/и велику скраду запаливше вве/ргоша святаго. Вметаху же в/огнь тыи пес множество/да кости мученика непознаны бу/дут верным. Но бог внезапу/великим дождем огню уга//снуги сътвори. Страшными же/млъниями и громом нечъстивых/ужасив, отгна. Благовернии/же с епископом и с всем священным с/ събором пришедше. С подобною/честию мощи святаго вземше, в на/рочите раце вложивше, в собо/рную внесоша церковь. Постра/да же съи великомученик в лето/зкъ-е в граде его же, и выше/рехом, Средце болгарском.

л. 4 лс

л. 408 об.

Л. СОФРОНОВА

ОБ АНАЛИЗЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЭПОХИ БАРОККО

Литературное произведение представляет собой сложное целое, состоящее из элементов, принадлежащих различным уровням: языковому, собственно литературному, уровню значения, которые не только разграничены, но и связаны между собой определенными отношениями. Все они, так же как и уровни в целом, вступают во взаимодействие друг с другом и со всей структурой произведения, создавая таким образом его значение. Так проявляется динамическая природа литературного произведения. Между его элементами никогда «нет статического знака равенства и сложения, но всегда есть динамический знак соотносительности и интеграции»¹. Они активно взаимодействуют, борются между собой, в результате чего любой элемент произведения выдвигается как доминанта. Соотношение элементов непостоянно как при переходе от одного жанра к другому, так и в пределах жанра. Оно меняется и в диахроническом и в синхроническом планах. При изменении этого соотношения доминанта и подчиненные ей элементы меняются местами, их подчиненное положение сменяется главенствующим. Перестройка структуры произведения влечет за собой изменение его значения и функции, которая также не является постоянной величиной. Динамические изменения структуры, трансформация общественной функции произведения становятся особенно очевидными при изучении целостных литературных систем и их сопоставлении. Учитывая эти изменения, мы можем описать и оценить различные литературные системы, не приписывая им мнимых достоинств и недостатков, несуществующих художественных особенностей.

Попробуем с этой точки зрения рассмотреть некоторые общие черты литературы барокко, в этом аспекте показать ее специфичность, представить эту специфичность как перераспределение литературных элементов, как усиление или ослабление, перестройку связей между ними, как особые виды взаимодействия литературы и общества.

Остановимся вначале на отношении писателей и поэтов эпохи барокко к своему творчеству. Известно, что существует два возможных подхода к литературному произведению: с точки зрения синтеза (у создателя произведения) и с точки зрения анализа (у исследователя литературы, читателя). Всякий исследователь на первых этапах своей работы бывает читателем, субъективно воспринимая произведение, переводя его «на язык своей страны, своей эпохи, свой личный язык»². Затем он анализирует его природу, его связи вне искусства, создает его модель. Владея этой

¹ Ю. Н. Тынянов. Проблема стихотворного языка. М., 1966, стр. 28.

² А. Г о р н ф е л ь д. О толковании художественного произведения. Путь творчества. Пг., 1922, стр. 147.

моделью, он представляет устройство произведения в целом, выявляет замысел автора, скрытый или явный, вскрывает многозначность художественных приемов и пр. До сих пор можно встретить мнение, что анализ разрушает продукт вдохновения, что схемы подменяют живое искусство, обедняют его, хотя в задачи анализа не входит реконструкция процесса синтеза. Считается также, что исследователь приписывает художнику свои представления о структуре литературного текста, художник же не отдает себе отчета в том, что работает на уровнях, выделяемых учеными в процессе исследования. Действительно, аналитический подход у художника может не присутствовать и часто не присутствует³. Но в эпоху барокко, как и в средние века, как и в XVIII в., аналитический подход художника к своему произведению был неизменным условием творчества.

Поэт и писатель XVII в. — одновременно и литературовед, он — *artifex doctus*. Его искусство — это одновременно и точная наука о прекрасном, наука с определенной системой правил. Он должен был свободно ориентироваться в литературной технике своего времени, что предполагало обучение «тайнам ремесла» и упражнения в области версификации, метафоры, выборе и развитии тем. Помимо овладения техникой, обращение художников барокко к анализу прослеживается непосредственно в творческом процессе. В этой связи представляется интересным высказывание автора московской школьной поэтики И. Хмарного о синтезе поэзии: сначала поэт создает и осознает замысел, а затем, корректируя его, реализует в продуманной, удачной форме⁴. А вот как выглядит синтез драматического произведения с точки зрения автора черниговской поэтики «Амфион»: сначала происходит выбор материала, затем разделение его на части и составление синопсиса, в котором бы содержался план драмы⁵. Только после этого пишется сама драма. Создавая художественное произведение, мастер барокко выступал одновременно и как литературовед, теоретик литературы, выполняя заданные поэтиками правила построения текста. «Немногое дозволено совершенному поэту. Ни тема, ни слова, ни соединение слов или метров не могут быть случайными»⁶. Поэтика барокко требовала следования образцам. Подражание (*Imitatio*) было важнейшей частью оригинальной литературы XVII в. Образцами служили античные авторы и признанные достойными современники. Кроме того, поэт и писатель барокко должны были уметь анализировать уже созданный ими текст: знать значения тропов, принципы расстановки гласных, линии поведения героев. Особенно это требовалось в школьном искусстве.

Таким образом, анализ литературного произведения в эпоху барокко корректировал синтез. Эти два процесса, будучи противопоставленными, тем не менее соприкасались; более того, между ними существовала и прямая связь. Поэтому мы можем утверждать, что литература XVII в. строилась по принципам порождающей грамматики.

Отношение к литературе не только как к искусству, но и как к науке, которой можно овладеть и которую следует совершенствовать, определяло подход к литературному материалу как к ряду научных объектов. Поэт должен был в своем творчестве представлять мир с точки зрения

³ Р. Якобсон. Поэзия грамматики и грамматика поэзии. В сб. «Poetics, Poetyka, Поэтика». Warszawa, 1960, s. 397—417.

⁴ P. Lewin. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722—1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972.

⁵ В. И. Резанов. Школьные действия XVII—XVIII вв. и театр иезуитов. М., 1910, стр. 14.

⁶ J. Scaliger. Poetices libri septem. Цит. по: E. Sarnecka. Teoria poezji Macieja Kazimierza Sarbiewskiego. В кн. «Studia z teorii i historii poezji». Wrocław, 1967, s. 131.

теолога, физика, астронома, зоолога, т. е. владеть основами различных наук⁷.

Не только писатели и поэты, но в известной мере и читатели осуществляли аналитический подход к литературе. Пользуясь лингвистической терминологией, мы можем сказать, что литература барокко была ориентирована на «говорящего», причем «слушающий» пытался совместить свои позиции с позициями «говорящего»⁸, т. е. читатель должен был владеть художественным языком своей эпохи и, следовательно, основами литературоведческого анализа. В противном случае восприятие и оценка литературы читателями была бы невозможна. Следствием этого было столь широкое распространение интереса к литературе в среде образованных и просто грамотных людей того времени, что из читателей они превращались в писателей: вели дневники, обширную корреспонденцию, составляли альбомы, силльвы, занимались поэзией. Поэтому исследователи часто обвиняли эпоху барокко в графомании и без интереса относились ко многим литературным памятникам того времени, важным для реконструкции как системы литературы, так и литературной жизни эпохи.

С особенностями соотношения синтеза и анализа в литературе XVII в. связан вопрос об оригинальности и неповторимости литературного произведения. Обычно исследователь выявляет в произведении те черты, которые обособляют его от других, и оценивает их наличие как достоинство. При этом очень часто оценка подменяет собой анализ или нечетко отделяется от него. Неадекватность такого подхода становится явной при анализе литературы барокко, произведения которой при поверхностном знакомстве с ними могут быть оценены как неповторимые. Но исследователь, имея в виду соотношение синтеза и анализа, в первую очередь отметит сходство литературных текстов, однообразие их тем, сюжетов, приемов и вытекающую отсюда сложность атрибуции текстов. Индивидуальное было возможно в барокко, но в пределах заданной системы, о чем свидетельствует, например, теория концепта⁹. Оно не доминирует над повторяющимися схемами построения литературных произведений на различных уровнях. Поэт и писатель барокко стремились не к созданию своего языка, а к свободному владению одним из художественных языков эпохи, к умению создавать варианты уже известных высказываний. Новизны и неповторимости обычно не требовалось в плане выражения в отличие от плана содержания, хотя и здесь действовали свои каноны, в связи с чем литературный текст барокко мог быть мало информативен и повторял известные темы, сюжеты, почерпнутые из библии, античной истории и мифологии. Читатель сам в результате знакомства с текстом создавал информацию, а текст служил лишь информационным возбудителем. Автор был инспиратором его воображения¹⁰.

В пользу утверждения о безотносительности индивидуального в эпоху барокко говорит распространенная анонимность литературы XVII в., причины которой, конечно, различны. Они могли носить общественно-политический характер, могли объясняться социальным бытованием отдельных жанров. Но для нас важным представляется прежде всего сам факт анонимности. Поэты и писатели отнюдь не всегда фиксировали свое

⁷ Это не означает, что в XVII в. не существовал образ поэта-пророка, осененного божественной идеей. Виднейший теоретик польского барокко М.-К. Сарбевский неоднократно приравнивал акт творчества к божественному акту создания.

⁸ В. В. Иванов, Ю. М. Лотман, А. М. Пятигорский, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский. Тезисы к семиотическому изучению культуры. В кн. «Semiotyka i struktura tekstu». Warszawa, 1973, s. 16.

⁹ М. К. Sarbiewski. De acuto et arguto. Wykłady poetyki. Wrocław, 1954.

¹⁰ Ю. М. Лотман. Каноническое искусство как информационный парадокс. Проблема канона. М., 1973, стр. 19—21.

имя и даже не всегда издавали свои произведения. Остались анонимами авторы, чьи произведения входили в многочисленные силльвы. Неизвестны имена авторов сборников песен, танцев, падуанов. Не были изданы медитативная лирика Семпа-Шажиньского, «Морали» В. Потоцкого. В большинстве случаев анонимна рыбалтовская драматургия и проза, школьное искусство.

Находясь на позициях синтеза, мы рассматриваем любое художественное произведение как единое целое, важнейшим свойством которого является законченность. Его невозможно воспринять, рассматривая попеременно тропы, сюжет, лексику. Находясь на позициях анализа, мы находим возможность членения его на составные части и исследования их в отрыве от целого. В барочной поэтике литературное произведение также рассматривалось как единое, неделимое целое, подчиняющееся в своем развитии собственно литературным законам. М. К. Сарбевский образно описывал его структурное единство, сравнивая произведение с «особым животным», «которое растет не столько вследствие питания, сколько само порождает себя посредством постоянного размножения и растет само в себе в результате какой-то таинственной силы, или скорее само себя неустанно порождает, сохраняя единство»¹¹.

При анализе литературного произведения теоретики литературы этой эпохи вычленяли в нем отдельные уровни. На уровне языка они более всего интересовались фонологической и морфологической структурами и тропами, на уровне собственно литературном — построением сюжета и системой героев. Уровень значения разрабатывался очень подробно — устанавливались постоянные значения целых сюжетов, эпизодов, отдельных метафор и т. д.¹² Такая направленность исследований соотносилась с интересами поэтов и писателей.

Как известно, язык литературного произведения выполняет как коммуникативную, так и эстетическую функцию, что учитывали теоретики литературы эпохи барокко, которые воспринимали язык как материал и как чисто эстетическое явление, различали разговорный и поэтический язык.

Изучение произведения на уровне языка — это анализ его фонологической, ритмической, морфологической, грамматической синтаксической и лексической структур в общем литературном контексте, определение их эстетической функции. Обнаружить и описать такие приемы организации языка, как строфическое построение, рифма, повтор, нетрудно. Гораздо сложнее обстоит дело с такими приемами, как инструментровка, сочетание слов, выявляющее скрытые значения текста, ритмическое строение прозы. Они обнаруживаются только в процессе анализа. Таким образом, анализ поэтического языка вскрывает как явные, так и скрытые принципы его организации. В различные художественные эпохи разрабатываются и доминируют — явно или скрыто — различные языковые структуры. Поэты барокко работали практически со всеми языковыми структурами. В продолжительном споре между *-res* и *-verba*, между темой и ее словесным воплощением, в XVII в. победило слово. Оно выдвинулось как основной элемент литературы, как ее доминанта, что подтверждается как усиленной разработкой словесных приемов в самой поэзии, так и трактатами о ней. Известный школьный теоретик М. Радау считал, например, что темы и аргументы занимают менее значительное место в поэзии, чем

¹¹ М. К. S a r b i e w s k i. O poezji doskonałej. Wrocław, 1954, s. 76.

¹² Л. С о ф р о н о в а. Некоторые проблемы поэтики польского барокко. «Советское славяноведение», 1974, № 1.

выбор соответствующих слов и сентенций¹³. Поэты XVII в. обращали внимание на звуковую сторону стиха, что предписывалось нормами поэтики. Так, уже упоминавшийся И. Хмарный писал, что при создании стихов следует выбирать звучные слова, сильнее из которых должны заключать период. Он советовал избегать стечения согласных, повторения одного и того же слова, нагромождения односложных слов. Поэты барокко широко использовали возможности морфологии, о чем свидетельствуют такие стихотворные формы, как раки, коррелятивные стихи, протейческие, змеевидные, грамматические, анафорические, эпифорические. На лексическом уровне основывались поэтические ребусы; чрезвычайно распространенные в XVII в. макаронические стихи, обнаруживаемые у Ст. Ожельского, Ст. Г. Любомирского. Литература барокко, таким образом, была лишена случайностей в своей языковой организации.

Входя в состав поэтического произведения, предложения, слова, части слов вступают в сложные семантические соотношения, образуют систему значений, «невозможных в обычной языковой конструкции. Слова, предложения, высказывания, которые в грамматической структуре находятся в разных, лишенных черт сходства, и, следовательно, несопоставимых позициях, в художественной структуре оказываются сопоставленными и противопоставленными в позициях тождества и антитезы, и это раскрывает в них неожиданное, вне стиха и невозможное, новое семантическое содержание»¹⁴. В литературе барокко языковые приемы осознавались только как связанные со значением. Ни одно слово не может быть вычеркнуто из произведения без потери его значения; «...сколько слов... столько смысла», — писал в трактате «Новый поэт» Л. Опалинский. В поэтике И. Хмарного указывалось, что темы имеют только им соответствующие размеры, ритм поэтического языка.

Анализ языка связан с установлением авторского «я» и адресата поэтического текста. Определение субъекта и объекта барочного произведения раскрывает многие его особенности. Автор эпохи барокко не был столь безличен, как, например, автор эпохи Ренессанса, более всего стремившийся к беспристрастности. Напротив, он выдвигал себя, делал свою точку зрения элементом поэтического произведения, зачастую создавал образ лирического рассказчика, поэта. Адресат поэтического текста почти всегда указывался, и, что особенно важно, он мог свободно меняться по мере развития произведения, как, например, в «Вертограде, или цветах рифм духовных...» Ст. Гроховского (перевод из Понтагуса).

Только опираясь на отношение к поэтическому языку, представленное на страницах барочных поэтик, имея в виду глубокую разработку проблем, связанных с ним, и общее усиление интереса к эстетической функции языка в XVII в., мы можем адекватно описать литературу барокко, увидеть в ней не склонность к формальным ухищрениям, к словесной эквилибристике, а огромные достижения словесного искусства.

И для современного исследователя и для исследователя XVII в. очевидно, что язык не исчерпывает художественного произведения, что не только единицы языка являются носителями смысла произведения. Важнейшей составной частью литературного произведения, во многом создающей его специфику, является сообщение, которое делается на поэтическом языке. Не только язык служит материалом произведения, но и все явления реальной действительности, о которых говорится в произведении. «Есть два элемента, составляющих поэзию: вещь и слово»¹⁵.

¹³ Z b. R y n d u c h. Nauka o stylach w retorykach polskich XVII w. Gdańsk., 1964, s. 35.

¹⁴ Ю. М. Л о т м а н. Лекции по структуральной поэтики. Тарту, 1964, стр. 65.

¹⁵ J. S c a l i g e r. Ibid., s. 142.

«Под материалом... следует разуметь все то, что поэт взял как готовое — житейские отношения, истории, случаи, бытовую обстановку, характеры...»¹⁶. Он использует их не для того, чтобы рассказать о каких-нибудь событиях, заинтересовать ими читателя или выразить в занимательной форме идеи, а чтобы решить общие эстетические задачи в построении художественного произведения.

В произведении может говориться о любых явлениях действительности, но всякая литературная эпоха предпочитает один материал и накладывает запрет на другой. Выбор материала различает литературные эпохи и направления. Эпоха барокко допускала очень разнообразный литературный материал. Он мог черпаться из повседневной жизни: деревенская жизнь, сеймы и пр. Наряду с этим эпоха барокко заинтересовалась внутренним миром человека с его противоречиями, взаимоотношениями человека с природой и богом (в XVII в. бесконечно разрабатывались оппозиции: бог / человек, жизнь земная / жизнь небесная). В это же время относительную самостоятельность приобрело изображение природы. Литературный материал мог не только браться из жизни, но и «выдумываться», сохраняя, однако, при этом правдоподобие. С другой стороны, существовали и чисто литературные источники материала, широко используемые еще со средних веков, — это античность. Она была представлена в литературе барокко и самостоятельно и в качестве «прикладов», как у С. Твардовского, служила материалом для противопоставления христианской религии и философии: противопоставлялись богородица и музы, парнасский источник и источник на горе Кальварии, Парнас и Сион. Библия также была неисчерпаемым источником для поэтов и писателей барокко.

Сам по себе материал может стать основой и слабых и выдающихся произведений, ибо все зависит от его организации. Но для эпохи барокко типична очень высокая оценка выбора материала. В зависимости от него рассматривалось и оценивалось литературное произведение авторами поэтик и читателем. Понятие темы входило в понятие — *descriptum*. Ее важность определяла достоинства произведения. Например, драма с агиографическим сюжетом не могла быть плохой. Это исключалось обращением к жизнеописанию святого.

Материал соотносился со способами его обработки, которая осуществлялась по строгим правилам. Каждый литературный жанр и вид мог разрабатывать только ему присущий материал — драма, эпос, лирика различались по литературному материалу. В зависимости от него выбирался средний, низкий или высокий стиль.

Материал свободно преобразовывался в произведении. Допустимая степень отдаленности художественного произведения от действительности была велика. По барочным нормам не требовалось ни копирования действительности, ни преднамеренного ее искажения без особой цели. К литературному произведению относились как к явлению искусства, противопоставляя его действительности, видели в нем сделанное, искусственное. В единстве противоположных требований, предъявляемых к искусству, — подражание природе и отталкивание от нее — эпоха барокко предпочитала второе.

Если поэт копировал действительность, он переставал быть поэтом. Пересказывать события может историк, но не поэт, который сам создал свой мир, «новые формы уже известных идей» (И. Хмарный), — таково было распространённое мнение в XVII в. Оно доминирует в трактате М. К. Сарбевского, который призывал следовать не тому, что есть в действитель-

¹⁶ Л. С. Выготский. Психология искусства М., 1968, стр. 187.

ности, а тому, что может или должно быть, объявлял основным заданием поэзии не познание мира, а конструирование нового, более совершенного. При этом поэзия не могла быть столь удалена от действительности, чтобы становиться ложью. Искусство поэта состоит не в том, чтобы лгать, а чтобы выявить соответствия в несходном — таково одно из основных положений теоретиков искусства барокко.

Преобразование материала осуществлялось в той мере, в какой художник собирался воздействовать на читателя или зрителя. Оно не было бесцельным и объяснялось тем, что природа — это только часть истины, подчиненной божественному началу, которое организует иной мир, с иным пространством и временем. Поэтому поэт объяснял реальный мир в соответствии с этим высшим миром и свободно обращался с его элементами в произведении. Материал, попав в произведение, мог организовываться, таким образом, по иным законам по сравнению с реальной действительностью, что не исключало и того, что его расположение и обработка имитировали действительное положение вещей. Он мог обрабатываться так, что его обработка скрывалась от читателя, или так, что читатель мог следить за ней. И в том и в другом случае автор оформлял, распределял материал, работал с ним, так же как с языком: расположение событий требует такой же работы, как создание рифм, тропов, выбор лексических средств. При этом поэт мог использовать как усложненную литературную форму, так и простую, в зависимости от стоящих перед ним художественных задач. Так, С. Г. Любомирский, следуя первоисточнику, писал «Книгу Экклезиаста» «нагими словами», а в драме «Эрмида, королева пастушек» дал образцы маринистического стиля. Таким образом, по отношению к литературе барокко только положительная оценка простых произведений несостоятельна. Эта литература сознательно могла отказываться от «простоты» и сознательно к ней обращаться. Мы всегда должны видеть преднамеренность в трансформации действительности и в сложности литературной техники барокко.

Принципы обработки литературного материала могли сосуществовать в одном барочном тексте: абстрагированное зло и добро в виде аллегорических фигур присутствовали на сцене или в стихах рядом с реальными персонажами и вступали с ними во взаимоотношения. Это одна из главных черт поэтики барокко, которую мы можем проследить, например, на таких драмах, как «Hercules» (Wilno, 1574), «De Munde vanitatibus» (Poznań, 1565)¹⁷. Эти принципы иногда могли действовать таким образом, что элементы материала, сочетаясь, теряли свои подлинные связи и создавали произведения гротескные или фантастические. Этот принцип более всего действует в барочном романе (см., например, «Супружеские колкости» и «Филомахия, или выражение аффектов горячей любви» Я. Морштына)¹⁸.

Благодаря способности материала не только служить основой для создания художественного произведения, но и быть его составной частью, обладать многими значениями, в восприятии и даже исследовании материал часто лишается своих структурных особенностей как художественный элемент, хотя он всегда организован на литературном уровне. Включенный в произведение, он только кажется неразрывным потоком событий и идей. На самом деле он стал таким в результате организации и может таким не быть. Он состоит из множества элементов, связанных между собой различными способами. Он представляет собой не непре-

¹⁷ J. K o o Ń. Poetyka Sarbiewskiego i niektóre problemy baroku w dramacie szkolnym jezuitów w Polsce w XVII w. «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego», 1968, zesz. 14.

¹⁸ J. R y t e l. Z. problemów barokowej fantastyki i groteski. «Przegląd Humanistyczny», 1972, № 3.

рывную линию, а цепь, состоящую из множества звеньев, элементов, которые можно вычленить. Эти звенья, элементы организованного материала являются единицами собственно литературного уровня.

Единицы собственно литературного уровня не существуют изолированно от языковых единиц. Напротив, они связаны функциональными отношениями. Последовательность слов, предложений литературного произведения не только обеспечивает понимание текста, но и имеет эстетическую функцию. Она непременно участвует в сложном процессе образования высших единиц. Эти единицы как бы надстраиваются над ними, в результате чего образуется сложная литературная структура. Создавая внеязыковые единицы, языковые элементы не позволяют им иметь особую реализацию. Они скрывают их в себе. Таким образом, они призваны выполнять очень сложную задачу, части которой противоречат друг другу: они создают и одновременно скрывают результаты своего созидания. Языковый уровень произведения зафиксирован. Его единицы можно обнаружить в тексте. Единицы собственно литературного уровня даны неявно и скрываются в языке. Дело усложняется еще тем, что иногда языковые и внеязыковые единицы внешне совпадают. Чаще всего единица высшего уровня может быть равна фразе, группе фраз, реже — слову, в результате чего единицы собственно литературного уровня до сих пор строго не определены и не описаны и употребляются то в различных, то в одном и том же смыслах.

Для теоретиков литературы барокко и ее создателей необходимость анализа произведения на собственно литературном уровне не подлежала сомнению. Они продолжали разрабатывать положения Аристотеля о восприятии «единого и притом цельного действия», о соединении частей, при котором «при перестановке или пропуске какой-нибудь части изменилось бы и потрясалось целое»¹⁹, и следовали им в своем творчестве. Они рассматривали единицы собственно литературного уровня с точки зрения их соотношения друг с другом и с произведением в целом, т. е. с функциональной точки зрения. Так, М. К. Сарбевский подробно развивал идею о взаимозависимости элементов произведения. Все части его зависят от основного действия и в то же время все, за исключением начальной, являются одновременно причиной и следствием, так как связаны с предшествующими и последующими частями²⁰. С точки зрения функции в поэме, вычленились, например, следующие части: *-propositio*, *-invocatio*, собственно изложение темы, которое могло дополняться дигрессиями, эпизодами²¹. Комедия состояла из протасиса, эпитасиса, катастрофы и т. д. В трагедии выделялась фабула, и как приемы ее организации выдвигались: перипетия, страдание, узнавание²². М. К. Сарбевский предлагал также классификацию литературных единиц по их строению и содержанию, разделяя эпизоды на эпизоды контемплиции и действия, но такой подход к собственно литературному уровню встречается реже.

Как все научные понятия, понятия литературных элементов эволюционируют, исчезают и заменяются новыми. Обращаясь к литературе барокко, мы не только анализируем ее современными, привычными нам

¹⁹ А р и с т о т е л ь. Поэтика. Л., 1927, стр. 52.

²⁰ М. К. S a r b i e w s k i. O poezji doskonałej, s. 73—76.

²¹ P. L e w i n. Wykłady poetyki..., s. 30.

²² В. И. Р е з а н о в. Школьные действия..., стр. 18. Интересно отметить, что временные методы анализа литературного текста во многом сходны с теми, которые предписывались поэтикой XVII в. Многие исследователи уже обращали внимание на это сходство. Так, П. Левин, например, видит его в современных исследованиях латинской лирики и в московских поэтиках XVIII в., продолжающих традиции польской поэтики XVII в. (см. цит. соч., стр. 48).

методами, но и обращаемся к теории литературы XVII в., так как в то время теория оказывала существенное влияние на литературную практику. Композиция произведений эпохи барокко во многом определялась требованиями поэтики, многие их структурные особенности могут быть объяснены, исходя из ее положений.

Как слова и предложения на уровне языка, так и ситуации, эпизоды на собственно литературном уровне имеют значения, которые, сочетаясь, являют смысл произведения в целом, его идейное содержание. Это не значит, что оно складывается из последовательно расположенных частных значений и образуется путем наращивания. Оно реализуется в динамическом взаимодействии значений мелких и крупных единиц собственно литературного уровня. Изучение значения литературного произведения требует изучения значения всех его компонентов, так как оно выражается во всей художественной структуре. Все единицы литературного уровня, а также их распределение, взаимодействие играют важную роль в создании значения произведения. Их перестановка или исключение ведут не только к затруднению восприятия текста, а изменяют, искажают его значение.

В эпоху барокко этому уровню текста предъявляли огромные требования и давали большие права. Ему могли подчиняться и языковый и собственно литературный уровни. Он очень часто доминировал в произведении, и поэтому все, что художник барокко делал в области формы, почти всегда служило раскрытию значения, которое предполагалось скрытым. Существовала разработанная система поисков и раскрытия значений, система их корреляций. При изучении значения литературы XVII в. мы сталкиваемся с повторяющимися рядами постоянных значений-символов, которые время от времени могли «проникаться динамикой и возвращаться в образность»²³, но, в основном, они неизменны, как символы религиозной поэзии, — голубь, роза, пеликан всегда выступают как символы Христа и девы Марии, как символы любовной лирики, основанные на образе влюбленного-раба²⁴.

С постоянством отдельных значений контрастирует непостоянство произведения в целом. Значения единиц собственно литературного уровня выявляются при соотношении единиц друг с другом, с произведением в целом. Одна и та же единица, слово, как и эпизод, ситуация, может иметь не одно значение. Некоторые из них сосуществуют, выдвигая последовательно одно значение как основное и оставляя другие дополнительными. Перед художником не обязательно стоит задача создания множества значений. Он может добиваться создания одного из них, но само произведение никогда не останется однозначным за счет взаимодействия его элементов и его собственного взаимодействия со средой. Ряд его значений не постоянен. Он меняется с изменениями читательской среды, по мере эволюции литературного процесса. Старые значения исчезают, появляются новые, иногда возникают давно забытые. Множественность значений произведения — явное требование барочной поэтики, что мы учитываем в ходе ее исследования. В противном случае мы значительно упрощаем картину литературы XVII в. Сами теоретики, поэты и писатели осознавали это требование, писали о нем и выполняли его, продолжая традиции средних веков, по которым всякий текст рассматривался как имеющий четыре значения: буквальный, аллегорический, тропологический, анаго-

²³ Цит. по: В. В. Иванов. Значение идей М. М. Бахтина. В сб. «Semiotyka i struktúra tekstu». Warszawa, 1973, s. 17.

²⁴ Z b. M o r s z t y n. Muza domowa, t. I — II. Warszawa, 1966; J. A. M o r s z t y n. Wybór poezji. Warszawa, 1963.

гический²⁵. М. К. Сарбевский утверждал, что всякий художественный образ должен отсылать к более глубинным семантическим структурам, что ни один из этих образов не может быть однозначным. Он показывает действие этого правила, анализируя «Энеиду». Вскрывая значения Юпитера среди других мифологических фигур, он определяет его историческое, философское, теологическое и политическое значение²⁶.

Детальное изучение значений позволяет вскрыть не только синтагматическое, но и парадигматическое строение барочного произведения, которое было для него очень существенным. Часто оно противопоставлялось преднамеренной запутанности, сложности синтагматического строения.

Установление значения произведения — очень сложная задача, решение которой во многом зависит от художественного вкуса и широты знаний исследователя. На первом этапе своей работы он не выходит за пределы литературного текста, оперирует только его элементами. Затем для проверки полученных результатов и их дополнения он непременно обращается к литературному процессу в целом, а также к внелитературным факторам, к материалу других наук, особенно в случаях, когда смысл произведения бывает преднамеренно скрыт, затруднен или просто забыт. Иногда, правда, главным становится не исследование значения произведения, а его соотнесение с исторической эпохой, общественной мыслью, психологией, хотя это соотнесение должно быть только вспомогательным. При изучении значений барочных произведений мы обращаемся к религии, философии, так как без знания их основ содержание литературного произведения этой эпохи останется нераскрытым. С тем чтобы увидеть их подлинный смысл, мы обращаемся также к материалу живописи и театра — искусств, главенствующих в ту эпоху. Без них останется непонятным такой жанр XVII в., как эмблематика, обнаруживающий связи с этими двумя видами искусств, не будут ясны особенности художественного языка многих поэтов, например, К. Мясковского, С. Твардовского, использующих пластические образы своего времени с целью большего воздействия на читателя. В силе воздействия живописи XVII век был вообще уверен и многократно подчеркивал — в научных трактатах, в поэзии, в проповедях — преимущества изображения перед словом²⁷. Элементы изобразительного искусства широко применялись в театре.

Изучение произведения было бы неполным без изучения его функции в обществе. Анализ языка, формального построения, значения приводит к определению места произведения в литературе: как по горизонтальной оси, т. е. в синхронном плане, в какой-то один момент литературного развития, так и по вертикальной, т. е. в диахронном плане, в литературном развитии в целом. Но всякое произведение — это и общественное явление, так как оно выполняет определенную функцию в литературе и в общественной жизни, так как между текстом-адресантом и адресатом всегда существуют отношения. Эти отношения обязательны, и каждая из сторон проявляет в них различную меру активности²⁸. Для поэта барокко поэзия в первую очередь была воздействием, а не выражением собственных эмоций. Теория воздействия была главенствующей в эстетике XVII в. Так, Л. Опалинский в трактате «Новый поэт» писал, что произведение оценивается не по соответствию с поэтическими правилами, а по силе воздействия на читателя. Он, как и другие авторы поэтик и сами соз-

²⁵ Ср. примеры из «Обеда душевного». С. Полоцкого, приведенные А. М. Панченко в кн. «Русская стихотворная культура XVII в.», Л., 1972, стр. 178.

²⁶ E. S a r b e w s k i. Ibid., s. 144.

²⁷ A. F. B i r k o w s k i. O ̇tych obraziech. В кн. W. T o m k i e w i c z. P i s a r z e p o l s k i e g o O d r o d z e n i a o s z t u c e. W r o c ł a w, 1955, s. 243, 245—248.

²⁸ M. G ł o w i ń s k i. Wirtualny odbiorca w strukturze utworze poetyckiego. В кн. «Studia z teorii i historii poezji». W r o c ł a w, 1967, s. 7—32.

датели художественных текстов, видел цель искусства в моральном воздействии на общество и в создании эстетического эффекта. В поэтиках беспрестанно повторялась формула Цицерона — *docere, movere, delectare*. Функции литературного произведения обязательно отводилась особая глава. Подробно описывал цели подражания природе М. К. Сарбевский. И. Хмарный называл поэзию «первой философией», так как она направляет нас на правильный путь, учит добродетели и достойным чувствам. Добродетели учит поэзия и по мысли другого теоретика — Г. Кветницкого, автора учебника, по которому учился Ломоносов. В. Коховский определял функцию поэзии как укрепление веры, наблюдение за историей человечества и личный пример.

Осознание функции произведения влияло на структуру литературного произведения, его значения. Автор должен был, строя произведение, предвидеть реакцию читателя. Его душа могла склоняться то к гневу, то к печали, то к восхищению (И. Хмарный). Он не должен испытывать трудности при освоении тем, но они не должны быть и слишком легки для него — это всегда имеет в виду поэт, выбирая тему своего произведения, по мнению М. Тихорского, автора курса лекций по поэтике. Все поэтические жанры выполняют определенные функции. Эпика должна заставить видеть рассказываемое, лирика — пробуждать чувство, сатира — создавать впечатление, что более правдивого ничего нет на свете. Все части произведения имеют свою задачу. В *dispositio* автор убеждает и захватывает читателя, объединяет слушателей и облегчает восприятие поэзии, пролог — подготавливает к драме. Каждый стиль также целенаправлен. В лекциях Базиловича говорится о том, что высокий, великодушный стиль должен растрогать читателя, средний — доставить приятное и т. д.

Художник барокко знал своего читателя, знал среду, для которой он пишет. Это, кстати, влияло на структуру произведения, как в случае с фациями, предназначавшимися для устного исполнения, что повлекло за собой изменения в интонации, стиле ранней польской прозы. Автор эпохи барокко обращался к своему читателю непосредственно, часто знал его лично. Он иногда прямо называл, его, как в «Ладье — юным...» К. Твардовского, в посланиях З. Морштына Александру Меженьскому, в «Б-минуциях» Яна из Киян, адресованных простакам. В этом раскрытии читателя есть своя условность, обязательность, продиктованная риторическими правилами, но для нас оно важно как указание на адресат непосредственно в художественном тексте, как указание на строгое соотношение адресата и адресанта в литературной жизни XVII в.

Литературное произведение XVII в. имело прямые указания не только на возможного читателя, но и на функцию, которая предназначалась этому произведению. Так текст проявлял свою активность во взаимодействии с читателем. Она могла непосредственно фиксироваться в тексте. Например, А. Корчинский в стихотворении, предшествующем роману «Измена, позлащенная дружбой», указывает, что роман — не образец для подражания, а предостережение; З. Морштын объясняет цели своего поэтического сборника «Домашняя муза» в предисловии. Почти всякой драме XVII в. был предпослан аргумент, который не только излагал ее краткое содержание, но и пропагандировал дидактический смысл.

Функция литературного произведения — зависимая величина, она не существует вне его структуры, структуры литературы в целом. Строгому определению функции соответствует строгое определение поэтических правил. Поэтому мы видим связь между правилами построения текста, вынесенными на обсуждение читателей, и функцией литературы XVII в. (как и теоретики XVII в., включавшие функцию в понятие — *decorum*).

О. А. ТЕРНОВСКАЯ

ПОНЯТИЕ ДИАЛЕКТА И ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ СЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Современные опыты диалектного членения и диалектной классификации каждого отдельного славянского языка базируются на одном из трех представлений о диалекте и, соответственно, на одном из трех определений этого понятия¹. Первое представление можно назвать традиционным, оно крайне абстрактно и включает априорное признание реальности диалекта, интуитивность критерия выделения дифференцирующих черт и неопределенность понятия диалектной границы. Неопределенность понятия диалектной границы создает потенциальную возможность возникновения на основе этого представления множества достаточно произвольных классификаций, преимущества которых трудно доказуемы (ср., например, обзор предлагавшихся классификаций болгарских говоров в книге проф. С. Стойкова²).

Второе, лингвогеографическое, определение диалекта обладает большей конкретностью именно благодаря введению отталкивающегося от реальности понятия диалектной границы, рассматриваемой как пучок изоглосс. Этот взгляд на диалект способствует возникновению представления об относительности понятия диалекта, так как наличие ярко выраженных пучков изоглосс, которые к тому же могут быть крайне разнообразны, свойственно не всем языковым ландшафтам; с ним же связаны попытки применения количественных методов исследования и статистического обоснования релевантности дифференцирующих признаков.

При третьем истолковании термина «диалект» основным критерием отбора существенных черт из их множества выступает степень соответствия их «различиям в материальной и духовной культуре, различиям этническим и социально-историческим»³. Граница диалекта понимается как некое усреднение данных смежных дисциплин, а не приравнивается к пучку изоглосс. Реальность существования диалекта находит поддержку в реальности соответствующих этнографических и / или исторических общностей.

Если считать, что «история диалектологии может быть представлена как последовательное приближение понятия диалекта к понятию языка»⁴, то можно было бы оценить последнее понимание термина «диалект»

¹ Настоящий обзор ограничивается рамками славянской диалектологии и не затрагивает общей истории вопроса, обширную библиографию которого можно найти в работах: И. Йордан. Романское языкознание. М., 1974; «Немецкая диалектография». Сб. ст. под ред. В. М. Жирмунского. М., 1955.

² С. Стойков. Българска диалектология. София, 1968, стр. 6.

³ «Вопросы теории лингвистической географии». Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962, стр. 26.

⁴ Т. М. Судник, С. М. Шур. Диалектология и структурная типология. «Исследования по структурной типологии». М., 1963, стр. 217.

в известном отношении именно как максимально приблизившееся к понятию языка.

Названные определения диалекта, выступающие основанием диалектного членения того или иного языка, можно было бы сопоставить с известными ступенями становления диалектологии в качестве самостоятельной дисциплины (этап первоначального накопления материала, этап широкого распространения методов лингвистической географии и выхода первых лингвистических атласов, этап осознания целей и методов и интерпретации накопленных данных), однако взаимопроникновение способов описания настолько значительно и принимает иногда такие сложные формы, что представляется более оправданным и целесообразным признать их равноправно сосуществующими.

На совещании по общим вопросам диалектологии и истории языка, состоявшемся в октябре 1973 г. в Ереване, Н. И. Толстой, имея в виду преимущественно традиционные классификации, отмечал, что «диалектологические карты отдельных национальных языков и диалектные классификации базируются в основном на двух принципах — чисто лингвистическом и историко-этнографическом. В каждом конкретном случае степень присутствия того или другого момента различна, хотя лингвистический почти всегда превалирует»⁵. Выбор принципа и критерия классификации в работах, основывающихся на традиционном представлении о диалекте, либо интуитивен (в более старых исследованиях), либо традиционен (в более новых).

С лингвистической точки зрения традиционные классификации опираются на так называемые «основные» признаки (при определении такого признака чаще всего пользуются общеупотребительным критерием частоты встречаемости явления в речевом потоке и критерием равномерности расчленения языковой территории). Они могут быть однопризнаковыми (например, классификация македонских говоров на основе замен сочетаний *tj, *dj; классификация болгарских говоров, чакавских и кайкавских говоров сербохорватского языка по видам рефлексов љ; классификация говоров чешского языка по видам замен старочешских долгих гласных ú и ý) и многопризнаковыми. Многопризнаковые классификации бывают «перекрестными», базирующимися на двух признаках, изоглоссы которых, пересекая всю языковую территорию, идут в разных направлениях и поэтому перекрещиваются (такова классификация польских говоров по типу сандхи и мазурению и классификация штокавских говоров сербохорватского языка в книге П. Ивича⁶ — вид замены љ и тип ударения) и «параллельные», основывающиеся на нескольких признаках, изоглоссы которых, пересекая всю территорию, идут в одном направлении (старая классификация русских говоров на первом уровне членения, некоторые классификации белорусских говоров). Количество признаков и характер их территориальных взаимоотношений могут различаться в зависимости от уровня членения. Так, в старой классификации русских говоров каждое из наречий, выделенных на базе трех основных признаков, подразделялось далее уже на основе одного признака: северный континуум — по видам рефлексов љ⁷, южный — по типам яканья. Уровней

⁵ Н. И. Толстой. К вопросу о классификации славянских диалектов. «Совещание по общим вопросам диалектологии истории языка. Тезисы докладов и сообщений». М., 1973, стр. 47.

⁶ П. И в и њ. Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје. Нови Сад, 1959.

⁷ Новый опыт классификации рефлексов старого љ см. в статье: Е. В. Сорokin а. Классификация рефлексов старого *ятъ* в современных севернорусских говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии». Уч. зап. МГПИ, т. 134. М., 1959.

членения бывает, как правило, от одного до трех. При этом одни классификации эволюционируют в сторону сокращения числа уровней и зон (например, польские), другие — в сторону увеличения (например, русские).

Характерной особенностью традиционных лингвистических классификаций является их построение на основе минимального числа признаков — одного, двух («перекрестных»), в русском языке — трех; большее число признаков применяется редко (классификация говоров белорусского языка Е. Ф. Карским в т. I «Белорусов»⁸).

Если суммировать наиболее употребительные лингвистические критерии, которые применялись для классификации говоров в отдельных группах славянских языков, то картина получится достаточно пестрая (повсюду используются национальные варианты транскрипции).

Южнославянские языки: замены Ъ (весь южнославянский континуум), замена носовых (болг.⁹), замены редуцированных (болг.¹⁰, словенский¹¹), замены сочетаний *tj, *dj (болг.¹², макед.¹³; кайк.¹⁴), замены сочетаний *stj, *skj, *zsj, *zgj (макед., сербохорв.¹⁵), ударение (болг., макед.¹⁶, сербохорв.¹⁷) + целый ряд морфологических и лексических признаков¹⁸. Характерной особенностью языковых критериев, используемых для классификации южнославянских диалектов, является преобладание среди них так называемых этимологических различий. К каждому из языков применялось по несколько разных критериев.

⁸ Е. Карский. Белорусы, т. I. Вильно, 1904; позже в «Русской диалектологии» (1924) Е. Ф. Карский классифицирует белорусские говоры по одной черте (наличие р'); по одной черте (глагольная форма 3 л. ед. ч.) он классифицировал их в работе «Обзор звуков и форм белорусской речи» (1885).

⁹ Классификация по заменам *Q (Младенов, Цонев) выделяет пять групп говоров: ъ-говory (сев.-вост., сев.-зап. и вост. часть юго-восточной Болгарии), а-говory (зап. Болгария — центральные говоры), о-, ѓ-говory (Родопы), ê-говory (Тетевенско и два села в вост. Болгарии), у-говory (по болгарско-сербской границе).

¹⁰ По заменам ъ (Вав-Вейк): ъ-говory (вост.), о-говory (зап.); по заменам ъ и ъ (Цонев): ъ > о, ъ > ъ (руско-родопские), ъ > о, ъ > е (юго-зап.), ъ > ъ, ъ > ъ (сев.-вост.), ъ, ъ > ъ (сев.-зап.); по заменам ъ (Кочев): говоры с «мягким рефлексом ъ» — е, ъ (руско-родопские), говоры с «твердым рефлексом ъ» — ъ (перех.), говоры с «твердым и мягким рефлексом ъ» — ъ (а), е (сев.-вост., юго-зап., вост. часть сев.-зап.).

¹¹ По заменам редуцированного в долгом слове (Облак): ъ, ъ > е на севере и востоке (Каринтия с Резьей, Штирия), ъ, ъ > а на юго-зап. (Краина, Приморье).

¹² Также опыт Б. Цонева: шт-, жд-говory (вост. и сев.-зап. часть Болгарии), ч-, ц-говory (по сербско-болгарской границе), к', г'-говory (на сев.-зап. от Кюстендила).

¹³ к', г'-говory (на сев. от линии Дебар — Охрид — Битола — Гевгели и на запад от водораздела между Вардаром и Струмой) и шт-, жд-говory (на юг и юго-вост. от упомянутой линии) (Цонев, Белич, Ружичич).

¹⁴ Сев.-вост. — ѓ, dž; сев.-зап. — ѓ, j; юго-зап. — с, j (Белич).

¹⁵ шћ-, жћ-говory (чак, кайк., шток. — говоры Славонии, зап. и центр. Боснии и некоторые далматинские говоры), шт-, жд-говory (остальные шток.).

¹⁶ Мазинг выделял по этому признаку две группы говоров: вост. (свободное ударение), зап. (постоянное ударение); Ивкович — три группы: вост. (свободное), тиквештско-марювские и костурско-леринские (с тенденцией к ограничению свободы), зап. (постоянное); Цонев — шесть групп и т. д.

¹⁷ Кайк. (Ившич), шток. (Белич).

¹⁸ Подробная библиография и оценка существовавших классификаций содержится в уже упоминавшихся работах Стойкова и Ивича, а также в статье Б. Видоеского (Б. Видоеский. Основни дијалектни групи во Македонија. «Македонски јазик», X—XII, 1—2, 1960—1961), исследованиях Рамовша (F. Ramovš. Karta slovenskih narečij, 1935; «Historična gramatika slovenskega jezika, VII. Dialekti». Ljubljana, 1935) и общем очерке южнославянских диалектов Ф. Славского (F. Sławski. Zarys dialektologii południowosłowiańskiej, z wyborem tekstów gwarowych. Warszawa, 1962).

Западнославянские языки (кроме словацкого и лужицких)¹⁹: польский — мазурение (произнесение *s, dz, z, s* вместо *š, dž, ž, š'* — господствует в говорах Мазовшья, Малопольши, на севере Силезии, отсутствует в говорах Великопольши, Поморья, большей части Силезии) и тип сандхи (озвончение — *brad idzie, brad robi* — характерно для Малопольши, Великопольши и Силезии и не свойственно говорам Мазовшья и Поморья); чешский — замены старочешск. *ý* и *u* (собственно чешские говоры — *ej, ou*, среднеморавские, или ганацкие, — *é, ó*, восточноморавские — *i* или *ú, u*, силезские или ляшские говоры характеризуются полным отсутствием долгих гласных). Классификации на основе этих признаков очень устойчивы.

Восточнославянские языки (кроме украинского): безударный вокализм (весь восточнославянский континуум²⁰), глагольные окончания 3 л. (русс., белорусск.), характер реализации фонемы заднеязычной звонкой (русс.). ступень твердости *p* (белорусск.), цеканье, дзеканье (белорусск.), замены *ř* (русс.), цоканье (белорусск.), протезы перед *o, u* (белорусск.), характер происхождения частицы *-ся* (белорусск.) и т. д.²¹

С практической точки зрения (с точки зрения удобства использования) классификации, построенные на минимальном числе признаков, неудовлетворительны потому, что поскольку остальные признаки не признаются обладающими классификационной силой и поскольку отсутствие признака не считается признаком, все описание в целом носит избирательный и необязательный характер и не дает представления о предмете.

Как уже отмечалось, однако, традиционные классификации диалектов отдельных славянских языков строятся не только на лингвистических основаниях, но и на историко-этнографических, причем историко-этнографический принцип может преобладать (поэтому некоторые языки не упоминались, когда говорилось о лингвистических критериях диалектной классификации). Так именно дело обстоит в западнославянских языках (чешском, польском, словацком) и в украинском языке. Примыкает сюда и классификация говоров словенского языка.

Отношение к взаимосвязи лингвистического и историко-этнографического моментов в классификации наглядно видно из рассуждения Б. Гавранка о классификации чешских говоров. Б. Гавранек пишет: «Западную группу чешкословацких говоров (*nářečí*), говоры Чехии, Моравии и Силезии мы бы могли разделить на говоры чешские, моравские и силезские на основе старого административного деления. Однако если

¹⁹ Обширную библиографию можно найти в следующих работах: K. Dejna. *Dialekty polskie*. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1973; J. Bělič. *Nástin české dialektologie*. Praha, 1972; Z. Stieber. *Zarys dialektologii języków zachodniosłowiańskich*. Warszawa, 1956. Важнейшие работы по словацкой диалектологии названы в кн. «Slovenština. Vysokoškolská učebnice pro studující českého jazyka». Praha, 1964. Краткий обзор классификаций словацких говоров содержится в исследованиях Важного (V. Vážný. *Nářečí slovenská*. «Ceskoslovenská vlastivěda», díl III. Jazyk. Praha, 1934). К перечисленным Штибером работам о лужицких языках следует добавить монографию Летча (R. Löttsch. *Einheit und Gliederung des Sorbischen*. Berlin, 1965). Вопрос о членении лужицкой языковой территории не затрагивается далее, поскольку лужицкие языки занимают особое место в кругу славянских языков.

²⁰ Эта черта существенна также для словенского, болгарского и македонского языков.

²¹ Библиография и оценка существовавших классификаций содержится в работах: «История русской диалектологии». М., 1961; А. А. Москаленко. *Нарис історії української діалектології*. Одеса, 1961; Ф. Т. Жилко. *Нариси з діалектології української мови*. Київ, 1955; К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. *Диалектное членение русского языка*. М., 1970; П. М. Гапанович, Ю. Ф. Мацкевич. *Питання класифікації сучасних беларуских гаворак*. «Праці Інститута мовознавства АН БССР». Мінск, 1959; а также статья этих же авторов «О классификации белорусских диалектов». «Вопросы языкознания», 1959, № 6.

мы не хотим довольствоваться этим внешним, обусловленным неязыковым критерием, членении, следует искать такие черты самих диалектов (*dialektů*), опираясь на которые можно было бы их различать и определять их границы»²².

Говоры того или иного языка могут быть классифицированы с учетом разных экстралингвистических моментов.

Как в чешском языке (на первом уровне членения), так и в польском традиционные классификации строятся на основе старого административного деления территории. В польской диалектологии издавна принято выделять «земли» и соответствующие им диалектные зоны: поморскую, мазовецкую, великопольскую, малопольскую, хелминско-добжинскую и др.

Классификация украинских говоров, используемая в настоящее время, базируется на классификации К. П. Михальчука, который помимо лингвистических критериев опирался на критерий этнографический и географический. К. П. Михальчук выделял три основных наречия украинского языка в соответствии с устанавливавшимися в то время тремя этническими типами украинского народа, каждый из которых связан с особой географической зоной: полесское наречие (полесский этнический тип, зона лесов), украинское, т. е. юго-восточное наречие (украинский тип, равнина), червонорусское, т. е. русинское, т. е. юго-западное наречие (галицко-волинский тип, горный и предгорный ландшафт)²³. Большое значение в истории украинской диалектологии сыграла также работа В. Ганцова 1923 г.²⁴, которая подводит итоги всему предшествующему периоду развития украинской диалектологической науки, анализируя и уточняя картину диалектного членения украинского языка, созданную прежними исследованиями.

В словацком языке на основе старых административных границ и границ географических выделяли говоры моравско-словацкие и собственно словацкие, причем «с точки зрения этнической и языковой такое разделение словацкого комплекса на словацкую область в Моравии и словацкую область в Словакии не оправдано. Между филологами и этнографами никогда не было разногласий относительно того факта, что прежняя политическая граница между Моравией и Словакией не является границей языковой и этнической»²⁵.

Традиционные классификации, как известно, не удовлетворяют исследователей, пользующихся ими в настоящее время. Применение такой классификации всегда сопровождается всякого рода оговорками, ссылками на недостаточную разработанность соответствующей области, на не-

²² В. Н а в г а н е к. *Vyvoj jazyka československého*. «Ceskoslovenská vlastivěda», III, s. 102.

²³ К. М и х а л ь ч у к. Наречия, поднаречия и говоры Южной России, в связи с наречиями Галичины. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Материалы и исследования П. Чубинского, т. VII, вып. 2. СПб., 1877.

²⁴ В. Г а н ц о в. Діалектологічна класифікація українських говорів. Київ, 1923. Наиболее существенные для классификации украинских говоров диалектные различия рассматриваются в статье Ф. Т. Жилко «Особенности диалектных групп украинского языка» (в сб. «Вопросы диалектологии восточнославянских языков». М., 1964).

²⁵ V. V á ž n y. *Nářečí slovenská*, s. 233. Жанр монографий, посвященных диалектному членению словацкого языка, трудно определить. Они содержат несогласованные списки черт, которые слишком обширны для традиционных классификаций и недостаточны для новейших, и оставляют впечатление, что применение методов лингвогеографии сосуществует в них с традиционным представлением о диалекте. Более или менее компактное перечисление языковых критериев классификации словацких говоров можно найти в упоминавшемся пособии «Slovenština...». Проблемы членения словацкой этно-языковой территории затрагивает работа Пранды (А. P r a n d a. *K otázke vzniku oblastí ľudovej kultury na Slovensku*. Bratislava, 1966).

возможность при существующем положении дел создать классификацию точную, полную, научную (обычно остается неясным, что имеется в виду под полной, точной, научной классификацией). Однако эти классификации в своей основе очень устойчивы и нередко образуют основания классификаций, построенных на нетрадиционных определениях диалекта.

При лингвогеографическом представлении о диалекте возникает возможность совершенно нового подхода к диалектологическому материалу. Формулировку новых принципов обработки данных славянской диалектографии мы находим в работах П. Ивича, посвященных методам анализа лингвистических карт («лингвистическое картоведение», как их характеризуют авторы обзора «О применении некоторых новых методов в работах по общей и славянской диалектологии»²⁶). Как известно, П. Ивич предлагает заняться изучением и классификацией самих изоглосс и ареалов отдельных (преимущественно структурно и статистически²⁷ релевантных) явлений. Им выделяется шесть характеристик, с помощью которых достигается описание лингвистического ландшафта. Это: 1) густота дифференциации (количество изоглосс в различных его участках), 2) распределение изоглосс по направлению, 3) степень концентрации изоглосс (количество изоглосс в различных участках территории), 4) величина ареалов отдельных особенностей, 5) форма изоглоссы (ареала), 6) взаимоотношение между изоглоссами (ареалами)²⁸. Каждая из перечисленных характеристик может быть выражена в форме числа (например, форма ареала вычисляется как степень отступления от круга, густота дифференциации приравнивается к количеству изоглосс на единицу расстояния и т. д.). П. Ивич полагает, что на вопрос о том, существуют ли территориальные диалекты в действительности, факты дают «относительный количественный» ответ: «Существуют языковые ландшафты, где изоглоссы в самом деле концентрируются в пучки, в других эта концентрация менее выразительна, в третьих изоглоссы... совершенно разбросаны». Соответственно «в первом случае введение этого понятия оправдано, во втором оно имеет ограниченную ценность, а в третьем беспредметно». Полагается, что «оправданность введения этого понятия находится в прямой зависимости от индекса концентрации изоглосс»²⁹. Полагается также, что количественные характеристики обеспечат возможность правильного решения в спорных случаях классификации диалектов. Представляется, однако, что при таком подходе сохранение термина «диалект» нецелесообразно (внутренне противоречиво) во всех перечисленных выше случаях и является своего рода данью традиции. Поскольку речь идет лишь о количественных различиях, постольку логично было бы отразить характер этих различий и в используемой терминологии.

Опытам диалектного членения и классификации диалектов, которые основаны на лингвогеографическом представлении о диалекте, в целом нередко свойственна некоторая полемическая заостренность, направленная против традиционализма (происходит переосмысление понятия «классификация диалектов»). Высказывается, например, точка зрения, согласно которой диалекты не могут быть предметом классификации, поскольку они «выделяются не по одной какой-нибудь черте, а как правило, по цело-

²⁶ Т. М. Судник, С. М. Шур. О применении некоторых новых методов в работах по общей и славянской диалектологии. «Вопросы языкознания», 1963, № 4, стр. 118.

²⁷ За пределами славянской диалектологии известны попытки противопоставления статистического и географического критериев; см., например, статью Г. Б. Джукьяна в «Вопросах языкознания», 1972, № 4.

²⁸ П. Ивич. Основни аспекти дијалекатске диференцијације. «Македонски јазик», XI — XII, 1—2, 1960—1961, стр. 84, 99.

²⁹ Там же, стр. 89.

му комплексу черт»³⁰. В русской диалектологии в связи с этим в настоящее время употребляются даже два термина. — *г р у п п и р о в к а г о в о р о в* (выявление диалектных зон на основе анализа лингвистических карт и определение пучков изоглосс) и *к л а с с и ф и к а ц и я г о в о р о в* («сопоставление ряда величин по одной соотносительной и для всех этих величин характерной черте»³¹). Протест против однопризнаковых традиционных классификаций, конечно, вполне оправдан (поскольку, например, при традиционной классификации болгарских говоров по видам рефлексов Ъ один и тот же говор во всех других отношениях, кроме замены Ъ, единый, попадает, как известно, в разные наречия), однако сам по себе он совершенно никак не сказывается на практике описания диалектного членения того или иного языка. В работах, основанных на лингвогеографическом представлении о диалекте, такое описание может строиться как в форме многопризнаковой «параллельной» классификации, отличающейся от традиционной формы такой классификации значительно ббльшим числом черт (признаки подбираются таким образом и в такой последовательности, что все они в равной степени выступают в качестве основания сравнения единиц одного уровня³²), так и в форме выборочного описания, которое можно считать либо предварительной, либо редуцированной формой классификации. В форме соизмеримого описания строится обычно лишь характеристика крупных языковых массивов (диалектов), более мелкие объединения, как правило, даются с помощью выборочного описания. Например, группировка говоров белорусского языка в уже упоминавшемся исследовании по лингвистической географии белорусских говоров строится в форме классификации (17 черт различают полесские говоры и основной массив белорусских говоров; северо-восточный диалект основного массива отличается от юго-западного 33 чертами). Описание главных диалектных зон македонского языка в статье Б. Видоеского осуществляется с помощью выборочно-классификационного принципа. Северные македонские говоры характеризуются 47 чертами, список которых не предназначен для сопоставления со списками черт двух других наречий, — отсутствие или меньшая характерность их для южных наречий македонского языка подразумевается. Характеристики же восточных и западных говоров (36 черт) даются в сравнении друг с другом. Это описание можно было бы превратить в двухступенчатую (как упомянутая выше белорусская) классификацию введением промежуточного понятия о южном наречии македонского языка.

Новое диалектное членение русского языка, которое авторы интерпретируют как группировку, а не как классификацию говоров, в форме классификации строится только на уровне наречий (20 черт).

Несмотря на известное усовершенствование классификаций, базирующихся на лингвогеографическом определении диалекта (многопризнаковые классификации более точны, более мотивированы и поэтому более адекватны объекту), они вносят и некоторую неясность в вопрос о классификации диалектов, поскольку стирают различия между так называемыми «основными» и неосновными признаками. Стремлению к превращению максимума признаков в классификационные и точке зрения,

³⁰ «Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак». Мінск, 1968, стор. 179.

³¹ К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Диалектное членение русского языка. М., 1970, стр. 17. Определение, конечно, не совсем точное, поскольку оно не охватывает даже всех традиционных классификаций.

³² Так называемая «скользящая классификация». Подробнее см. «Общее языкознание. Методы лингвистических исследований», М., 1973, стр. 244—248; Р. И. Аванесов. Описательная диалектология и история языка. «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963)». М., 1963, стр. 304.

согласно которой требованиям науки языке отвечает лишь учет «всей совокупности фактов и всего важного в языковом отношении на данной территории»³³ (это, бесспорно, необходимая предпосылка построения той или иной системы знания), противостоит ряд исследований, ставящих своей целью выработку критериев оценки релевантности дифференцирующих признаков и «веса» отдельных изоглосс³⁴.

Практически опытом многопризнаковой классификации диалектов всего языка, построенной на базе различия «основных» и второстепенных признаков, проверенных и лингвогеографическим методом, является работа Я. Белича о чешских диалектах.

«Основная общая характеристика всех диалектных групп (самая крупная единица членения. — *О. Т.*), — пишет Я. Белич, — включающая 20 пунктов, упорядочена таким образом, что в каждой группе под тем же номером приведены соответствующие варианты того же явления. Такая структура глав облегчает сравнение»³⁵. В следующем разделе главы, посвященной той или иной диалектной группе, даются свойственные ей менее характерные черты. Работа Я. Белича представляет собой образец очень гармонического сочетания новшеств и традиции и занимает в этом отношении совершенно особое место, однако метод построения диалектного членения языка на основе детального анализа истории каждого отдельного явления, используемый в этой книге, практическое применение лучших достижений теории лингвистической географии, свободное и обильное привлечение экстралингвистического материала сближают ее с исследованием К. Дейны о диалектах польского языка³⁶.

В работах К. Дейны постулируется и, что особенно ценно, осуществляется на практике вполне оригинальный (в рамках славянской диалектологии) подход к проблеме диалектного членения и классификации говоров. Он опирается на представление о диалекте, которое можно назвать историко-культурным (третье определение диалекта).

В отличие, например, от П. Ивича, К. Дейна не уделяет столь большого внимания количественной стороне дела. Он считает, что «нанесение на карту огромного числа детально локализованных изоглосс... дает возможность разного ее (языковой территории. — *О. Т.*) членения в зависимости от того, какие изоглоссы и какие их скопления мы примем во внимание»³⁷. «Наиболее оправданным и целесообразным представляется осуществление членения этническо-языковой области не на основе пучков изоглосс, а на основе выделения регионов формирования отдельных диалектов, понимаемых как объединения диалектных черт, концентрирующихся на значительных частях этой территории»³⁸. К Дейна предлагает вместо сопоставления «огромного количества диалектных черт, отличающих одни говоры от других», заняться диахроническим рассмотрением «значительно меньшего числа наиболее типичных и существенных для создания отдельных видов языка диалектных черт или таких инноваций в

³³ Й. Х а м м. Некоторые замечания к диахроническим исследованиям. «Вопросы языкознания», 1965, № 1, стр. 26.

³⁴ Подробная библиография содержится в указанных выше обзорах Т. М. Судник и С. М. Шур. См. также: П. И в и ч. Опыт структурной классификации диалектных различий в славянской языковой области. «Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования». М., 1965.

³⁵ J. B e l i č. Nástin české dialektologie, s. 362. Это подразделение сохраняется на всех уровнях членения, что выгодно отличает работу Белича от других работ такого характера.

³⁶ См. K. D e j n a. Dialekty polskie.

³⁷ K. D e j n a. Zasady i podstawy dialektologicznej regionalizacji teritorium etnicznego. «Łódzkie towarzystwo naukowe», R. XXVI, 3, Łódź, 1972, s. 2.

³⁸ Ibid., s. 3.

области структуры и системы языка, возникновение и территориальное распространение которых было обусловлено родоплеменной, культурной, географической или политико-административной обособленностью отдельных групп населения»³⁹.

Аналогичный принцип выявления существенных для классификации диалектов черт из их множества в отечественной литературе сформулирован Р. И. Аванесовым⁴⁰. Сходные мысли, однако в менее стройной форме, были высказаны и в уже цитировавшейся статье Й. Хамма. Й. Хамм писал, что тот факт, что некоторые языковые особенности чакавских говоров сербохорватского языка «обладают различными ареалами, не имеет никакого значения.... Важно лишь то, что чакавские элементы во всем их разнообразии образуют единую общую систему, живую и актуальную для носителей языка. Важно также, что речь идет здесь не о чем то привнесенном..., а о системе, которая... остается на своей территории неизменной и автохтонной»⁴¹. Однако опытом классификации диалектов всего языка в целом с преимущественным учетом указанных критериев является по существу лишь исследование К. Дейны. Это, вероятно, обусловлено, в частности, высоким уровнем развития диалектографии и смежных дисциплин в Польше, потому что в других славянских странах достаточно детальное сопоставление лингвистических и экстралингвистических данных в рамках всей территории пока что не всегда возможно, хотя, конечно, такие исследования ведутся повсюду. К. Дейна пишет: «На территории современной Польши в результате доисторических перемещений части праславянской народности возникло пять особых и, вероятно, изолированных племенных объединений, которые стали центрами возникновения своеобразных черт культуры и языка» (поморян, мазовшан, полян, висян, слезян). «По объединении этих племенных союзов в государство Пястов... чувство региональной обособленности традиционно сохранялось и было углублено факторами географическими, политико-административными, культурными т. п. В результате... сформировалось пять областных комплексов диалектных черт (т. е. диалектов): кашубский, мазовецкий, великопольский, малопольский и силезский»⁴².

На близких, хотя и не тождественных, основаниях строится классификация говоров словенского языка, предпринятая Ф. Рамовшем. Ф. Рамовш считал, что несмотря на то, что диалекты не имеют четких границ, они реально существуют в качестве «определенных и определяющихся единиц», отличающихся друг от друга «по типу и акустическому облику» («tu „rojejo“, tam „vlečejo“, drugod „sekajo“»⁴³). Говоря о классификации говоров как о чисто технической операции, цель которой заключается в том, чтобы нарисовать достаточно общую внешнюю картину различий в развитии языка (точную картину дает лингвистический атлас) и опираясь на «более или менее пластичную» группировку явлений, а также на «акустический облик» диалекта, Ф. Рамовш выделяет в словенском языке семь основных диалектных баз или диалектов (каринтийский, приморский, ровтарский, горенский, доленский, штирийский, паннонский). Отмечая, что «территория словенского языка со времени появления на ней славян разделялась естественными преградами и путями сообщения на семь относительно изолированных зон (bazenov), население которых образовало семь активных социальных и вместе с тем языковых единиц, семь эволюционных языковых центров, которые — принимая во внимание их

³⁹ Ibid.

⁴⁰ «Вопросы теории лингвистической географии...», стр. 26.

⁴¹ Й. Х а м м. Некоторые замечания..., стр. 26.

⁴² К. Д е j n а. Dialekty polskie, s. 235.

⁴³ F. R a m o v š. Karta slovenskih narečij, s. 12—13.

позднейшую экспансию — в XIV столетии дали все теперешнее разнообразие диалектов», Ф. Рамовш делает вывод о том, что «социальные факторы, зависящие от географических, политических, хозяйственных и др., крайне точно согласуются с предлагаемой группировкой диалектов, и именно эта их согласованность придает... классификации смысл»⁴⁴.

Новейшие опыты классификации диалектов того или иного славянского языка, построенные на нетрадиционных определениях диалекта, в смысле выбора классификационного принципа не противоречат традиционным — русская, белорусская, македонская классификации строятся на основе лингвогеографического представления о диалекте и, соответственно, чисто лингвистическом принципе выделения диалектов, польская — на основе историко-культурного определения диалекта, чешская занимает некое промежуточное положение. Использование лингвогеографического определения диалекта нельзя признать прямым образом связанным с уровнем лингвогеографической изученности территории (если зависимость есть, то она скорее обратная), поскольку работы Дейны появились именно в Польше, занимающей, как известно, первое место среди славянских стран по количеству лингвистических атласов. Возможно, объяснить отсутствие противоречия между традиционными и новейшими классификациями можно исходя из того, что традиционные классификации, как и новейшие, отражают определенную закономерность лингвистического ландшафта того или иного языка.

Такой особенностью, вероятно, является особенность, которой соответствует сформулированный П. Ивичем индекс «дистрибуции изоглосс по направлению». В языках с равномерным распределением изоглосс по направлению (например, польский, словенский⁴⁵) мы сталкиваемся с историко-этнографическим принципом классификации диалектов. В языках с преобладанием изоглосс в каком-нибудь одном направлении (белорусский, русский, южнославянские языки) мы сталкиваемся с лингвистическим принципом классификации диалектов. Иногда можно говорить и о связи того или иного принципа с индексом концентрации изоглосс. В этом отношении, например, польский язык принадлежит, вероятно, к языкам со сравнительно невысоким показателем степени концентрации изоглосс. К. Дейна пишет: «Отдельные инновации (древние и позднейшие), возникая в разное время и распространяясь с разной интенсивностью, редко охватывают идентичную территорию... Поэтому территориальные границы отдельных инноваций редко создают выразительный пучок изоглосс, который можно было бы принять за наименее спорную границу диалекта»⁴⁶. Русский язык в этом отношении представляет собою противоположность польскому. «Для русского языка наиболее характерным является тот тип размещения ареалов, при котором определенные ареалы, обладая сходством очертаний, находятся в общем на одной и той же территории, полностью или частично совмещаясь друг с другом»⁴⁷. Что касается чешского языка, то он занимает положение промежуточное между русским и польским, так как в нем картина меняется от наречия к наречию (пользуясь русской терминологией). В собственно чешском наречии границы отдельных черт большей частью постепенны, и точное их определение часто затруднительно. В моравских говорах и говорах силезских границы дифференцирующих явлений обычно достаточно четки и образуют пучки изоглосс.

⁴⁴ Ibid., s. 17.

⁴⁵ П. И в и ħ. Основни аспекти, стр. 91.

⁴⁶ К. Д е j н а. Dialekty polskie, s. 84.

⁴⁷ «Русская диалектология». Под ред. П. С. Кузнецова. М., 1973, стр. 238.

Соответственно, как мы видели, и традиции разные — в польской и чешской диалектологии, с одной стороны, и русской диалектологии — с другой (причем позиция Я. Белича хорошо сочетается с характером ландшафта чешского языка).

Помимо того, что традиционные классификации, на которых базируются и новейшие опыты диалектного членения отдельных славянских языков, отражают некоторые реальные особенности лингвистического ландшафта соответствующих языков, они достаточно обоснованы также потому, что, как показывают новейшие исследования лингвистов и этнографов, традиционно выделяемые диалектные массивы, как правило, совпадают с этническими (в широком смысле этого слова)⁴⁸.

Таким образом, в настоящее время в славянской диалектологии существует три основных практических подхода к проблеме диалектного членения языка и классификации диалектов. Все они в той или иной степени связаны с традицией, которая оказывается достаточно мотивированной.

Как показывают работы К. Дейны и Я. Белича, вопреки точке зрения П. Ивича, выделение диалектов на территории языка с недостаточно отчетливым лингвистическим ландшафтом не только возможно, но и крайне продуктивно, поскольку обеспечивает возможность использования результатов исследований в смежных областях (истории, этнографии, археологии).

Представляется, что историко-этнографический принцип выделения диалектов в той форме, в которой мы находим его в работах К. Дейны (обращение к диахронии), является более общим, чем принцип выделения диалектов на базе лингвогеографического определения этого понятия, потому что он применим к любым языковым ландшафтам, в то время как принцип выделения диалектов на основе пучка изоглосс применим только к языкам с достаточно высоким показателем концентрации изоглосс. Вероятно, сохранение самого термина «диалект» не избыточно, а необходимо и незаменимо в том значении, которое вкладывает в него К. Дейна.

Практическое осознание славянской диалектологией существенности экстралингвистических факторов для определения территорий и границ диалектных зон повышает роль лексических данных, в частности, данных народных терминологий, при классификации диалектов, поскольку именно лексика является тем слоем языка, который наиболее тесно и непосредственно связан со всем комплексом традиционной культуры. «Будущее истории культуры, — писал еще Р. Мерингер, создатель известного метода „слова и вещи“, — лежит в объединении науки о языке с наукой о вещах». «Науками о вещах, из которых лингвист может почерпнуть больше всего для своих целей, являются этнография и этнология»⁴⁹. Создание лингвистами и этнографами комплексных или сопоставимых лексико-этнографических атласов, которые обеспечили бы возможность детального сравнения изоглосс и изопрагм⁵⁰, — вот одна из насущных задач современной славистики и один из источников уточнения и дополнения существующих членений этнолингвистических территорий.

При чисто лингвогеографическом понимании диалекта возникают значительные сложности, о которых говорил Н. И. Толстой: «Трудность вы-

⁴⁸ Ср., например, работы Хр. Вакарелского и С. Стойкова, посвященные болгарскому материалу (С. Стойков. Основното диалектно деление на български език. «Славянска филология», III, 1963; S h. W a k a r e l s k y. Etnografia Bulgarii. Wrocław, 1965).

⁴⁹ Цит. по книге: Й. Йордан. Романское языкознание..., стр. 106.

⁵⁰ Термин, предложенный Н. И. Толстым, см. Н. И. Толстой. Некоторые вопросы соотношения лингво- и этногеографических исследований. «Проблемы картографирования в языкознании и этнографии». Л., 1974, стр. 22.

членения отдельных славянских диалектов или диалектных зон заключается в их неоднородности — лингвистической, этнологической, демографической... С точки зрения лингвистической различно расстояние (по ДП) ⁵¹ между диалектами и различна степень четкости (очерченности) диалектных границ (из-за разной плотности изоглоссных пучков, а иногда и их разных направлений)... К этому следует добавить неразработанность в славистике вопроса о доминантных изоглоссах, о соотносительном „весе“ отдельных изоглосс в типологическом и диахроническом аспектах и т. п.» ⁵².

Возможно, плодотворному решению ряда вопросов будет способствовать работа над Общеславянским лингвистическим атласом. Представляется, однако, что было бы целесообразным введение каких-то функциональных оценок для диалектных классификаций. В этом отношении большой интерес представляет опять-таки опыт К. Дейны. Мотивируя необходимость построения диалектной классификации необходимостью популяризации накопленных данных, К. Дейна пишет: «Проблема языковой обособленности отдельных регионов этнической территории интересует не только диалектолога, она интересует каждого, кто изучает своеобразие этнической группы, создаваемой на очерченной территории особенностями языка, характерной материальной культурой и выросшей на ее основе формой общественных отношений... В связи с этим основания и принципы... популяризации научных достижений должны быть по мере возможности едины во всех отраслях общественных наук» ⁵³. Таким образом, способ построения классификации мотивируется ее функцией. Степень удовлетворительности классификации измеряется степенью ее соответствия своему назначению. Выяснение назначения диалектных классификаций, возможно, помогло бы находить оптимальные варианты решения в тех или иных ситуациях.

В заключение следует отметить, что если прежде вопрос о классификации диалектов по существу сводился к поиску критерия членения языковой территории, то в настоящее время операция определения диалектной границы (выявление «группировки говоров») как бы обособилась от операции классификации. Классификация осуществляется *post factum* и сводится к классификации различий и упорядочиванию списков дифференцирующих явлений (например, по принципу бинарности, и тогда мы получаем такое определение классификации: «Деление диалектного языка по принципу бинарности и есть классификация говоров» ⁵⁴). Вопрос о «весе» отдельных изоглосс нельзя считать тождественным традиционному вопросу о выборе критерия классификации, поскольку границы диалекта в настоящее время, как правило, не определяются как границы одного (пусть максимально релевантного) явления.

⁵¹ Т. е. по дифференцирующим признакам.

⁵² Н. И. Толстой. К вопросу о классификации славянских диалектов, стр. 46—47.

⁵³ К. Дейна. *Zasady i podstawy...*, s. 1.

⁵⁴ Г. П. Клепикова, Т. В. Попова. Пучки изоглосс как один из критериев диалектного членения. «Совещание по общим вопросам диалектологии истории языка. Тезисы докладов и сообщений». М., 1973, стр. 18.

А. Е. СУПРУН

К ИЗУЧЕНИЮ ПОЛАБСКИХ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ СОЧЕТАНИЙ

(Сочетания с причастиями настоящего времени)

Основная задача современной полабистики — подготовка нового синтеза сведений о полабском языке. Так, как сто лет тому назад А. Шлейхер обобщил собранные Й. Юглером воедино материалы первоисследователей — Хеннига, Пфеффингера, Парум-Шульце и других, так, как полстолетия спустя, базируясь на издании источников П. Роста и ряда специальных исследований, Н. С. Трубецкой и Т. Лера-Сплавинский дали блестящее описание звуковой и морфологической системы полабского языка, — так и теперь мы стоим перед аналогичной задачей. Образцовое издание полабских источников, осуществленное Р. Олешом, целый ряд специальных исследований как источниковедческого, так и собственно лингвистического плана делают своевременной упомянутую задачу. В определенных аспектах ее выполнил «Полабско-английский словарь» К. Полянского — Дж. Зенерта, а особенно выполняет этимологический словарь полабского языка, начатый еще при участии Т. Лера-Сплавинского и успешно продолжаемый К. Полянским. Но этим не будет исчерпано описание полабского языка. Среди тех внутренних резервов, которые могут быть почерпнуты в самом полабском языковом материале и которые дают тем самым пищу для проникновения в некоторые еще недостаточно ясные явления полабского языка, важное место принадлежит изучению полабских сочетаний слов.

В полабских источниках зафиксировано 480 атрибутивных сочетаний. 15 из них, записанные Христианом Хеннигом¹, — это сочетания существительных с действительными причастиями настоящего времени. Кроме того, к таким сочетаниям относят² выражение *Z u r l e t z a u t z*, транскрибируемое как *carv lezacě*, т. е. 'червь лезущий'. Слово это со значением «Schnecke», т. е. 'улитка', приведено в записях для месье де Бокёра³. Прочтение его в указанном виде как причастного сочетания требует, на

¹ «Vocabularium Venedicum von Christian Hennig von Jessen». Nachdruck besorgt von Reinhold Olesch. Köln — Graz, 1959.

² T. L e h r-S p ł a w i ń s k i. Gramatyka Połabska. Lwów, 1929, s. 218; T. L e h r-S p ł a w i ń s k i, K. P o ł a ń s k i. Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich, zeszyt 1. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962; K. P o ł a ń s k i. Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich, zeszyt 2. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1971, s. 71, 325.

³ Fontes lingvae Dravaeno-Polabicae minores et Chronica Venedica J. P. Schvltzii von R. Olesch. Köln — Graz, 1967, S. 82, 92.

наш взгляд, излишнего количества допущений: выражение получается семантически тавтологичным; порядок слов такого типа (определение после определяемого) отмечен лишь в трех случаях из 480; в звуковом отношении с трудом можно принять чтение первого слова, а во втором — принять невероятное чтение *tz* для звука *z* (во всех остальных случаях, а их в записях де Бокёра несколько десятков, *tz* последовательно употребляется для передачи звука *s*, а звук *z* передается буквой *s*), последнее *u* надо, согласно Леру-Сплавинскому, читать как *n*, что не исключено, но обращает на себя внимание тот факт, что Олеш в обеих копиях словарика вновь прочитал *u*. Исходя из этих соображений, в данной статье это выражение в дальнейшем не рассматривается. В порядке предположения, к сожалению, трудного для обоснования, укажем на возможность связи неясного полабского слова с приведенным Лоренцом поморским *čurlac* 'мешкать, медлить' и/или словенским *curljati* 'медленно течь, просачиваться'.

Полабские причастия настоящего времени действительного залога образуются при помощи суффикса *-qc-*, отразившего как старое *-qtj*, так и старое *-ętj-*, уединообразившиеся в результате действия аналогии. В написаниях Хеннига суффикс передается буквосочетаниями *-anz-* (один раз), *-angs-* (одиннадцать раз) и *-ans-* (три раза). Так же передается у Хеннига этот суффикс и в изолированных причастиях. Окончание причастия в шести случаях записано как *-a*; три из них при существительных женского рода (*mauxo*, *süřă*, *vădă*), два мужского (*mesăk*, *skopě*) и один — при существительном в родительном падеже ед. ч. м.р. (*krüd'au*). В восьми случаях записано окончание *-e*, шесть из них — при существительных мужского рода, один — при существительном среднего рода (*porsq*) и один — при существительном женского рода (*kăuco*). В одном³ из употреблений слова *pulver* причастие при нем зафиксировано без окончания (в другом случае — *-e*). Во всех случаях речь идет об отражении на письме редуцированных гласных; для женского рода окончание реконструируется как *-ă*, а для остальных случаев — *-ê*⁴.

Едва ли следует придавать излишне большое значение тому обстоятельству, что все пятнадцать примеров, интересующих нас, засвидетельствованы Хеннигом. Можно добавить к этому, что и все пятнадцать случаев уотребления одиночных причастий настоящего времени обнаруживаются в том же словаре. Лишь один случай встретился, наряду с Хеннигом, у Парум-Шульце⁵. Можно добавить и то, что 30 из зафиксированных в источниках 32 сочетаний с причастиями прошедшего времени, также имеются у Хеннига. Но надежно это свидетельствует лишь о том, что значительно больший по объему словарь Хеннига требовал использования подобных образований, в то время как прочие словарики, меньшие, чем словари Хеннига, в десять — двадцать раз, их не включили. Не следует, вместе с тем, упускать из виду эту сосредоточенность примеров в одном источнике⁶. Но с чем ее связывать — то ли с несомненно большей подготовленностью Хеннига как составителя словаря, то ли с лучшей под-

⁴ Об образовании причастий и родовых окончаний см. Т. L e h r - S p l a w i ŋ s k i. Gramatyka Połabska. Lwów, 1929, s. 217—218; К. P o l a ŋ s k i. Połabica I. Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego, № 9, Filologia, z. 2. Kraków, 1956, s. 119—121.

⁵ Это — обозначение нарыва, рожи или вообще ранки: *bălaçă* [bŭlaŋgs die Rose (erysipelas?) у Парум-Шульце, Fontes, 180; *bilaŋgsa* Geschwür у Хеннига, 175]; ср. поморск. *вцолсэ* у Лоренца, белор. *балычка*, укр. *болячка* 'ранка'.

⁶ Это отмечала Э. Кайзер: E. K a i s e r. Typen innerer Lehnprägungen im Dravānopolabischen. Slavistische Studien zum VII. Internationalen Slavistenkongress in Warschau 1973. München, 1973, S. 225.

товленностью его информанта Г. Енишге, то ли с большим объемом словника и большим временем, затраченным на подготовку словаря и большей ее тщательностью, то ли с диалектными чертами в языке полабских древян, то ли с другими факторами — сказать затруднительно.

Приведем теперь весь фактический материал в транскрипции, принятой в «Полабско-английском словаре» К. Полянского — Дж. Зенерта⁷ (легко соотносимой с транскрипцией полабского этимологического словаря), с указанием значений сочетаний слов по Хеннигу на немецком языке и в русском переводе, а также словарных статей и страниц, в указанном издании Хеннига.

1) *büdqǎ mauxo* Stechende Fliege (Hennig 156: Fliege) — овод, жигалка («бодучая, бодающая муха»);

2) *codqǎ pulver* Räucher-Pulver (Hennig 282: Rauch) — дымный порох («чадающий порох»);

3) *düjqǎ vř borǎk* Melck-Eimer (Hennig 250) — подойник («доящее ведро»);

4) *kosǎjqǎ pǎs* beißiger Hund (Hennig 95: beißen) — злая собака («кусающий пес»);

5) *mǎucqǎ skřpř* Stille Freytag (Hennig 160: Freytag) — страстная пятница («молчащая пятница»);

6) *merqǎ klac* Meß-Stab (Hennig 252: meßen) — измерительная планка («меряющая палка»);

7) *paistqǎ mesǎk* Sack-Pfeiffe (Hennig 291) — волынка («пищащий мешок»);

8) *sǎpacě komār* Schlaf-Kammer (Hennig 301) — спальня («спящая комната»);

9) *sǎsqǎ porsq* Spanfercken (Hennig 152: Fercken) — молочный поросенок («сосущее порося»);

10) *strel'ǎjqǎ pulver* Schieß-Pulver (Hennig 298) — порох («стреляющий порох»);

11) *t'aipqǎ vǎdǎ* Kochend Waßer (Hennig 225: kochen) — кипяток («кипящая вода»);

12) *vijqǎ šřpǎ* Worff-Schippe (Hennig 372) — лопата для веянья («веющая лопата»);

13) *viňojqǎ krüd'au* Riechende Kräuter (Hennig 287: riechen) — пахучие травы («вонючие травы»);

14) *zǎzqǎ kǎuco* Glüender Brandt (Hennig 108: Brandt) — горящая головня («жгущая головня»);

15) *zǎzqǎ vřd'él* glüende Kohle (Hennig 225: Kohle) — горящий уголь («жгущий уголь»).

Существительные этих сочетаний в полабском материале разновалентны: семь существительных встретились только с рассматриваемыми определениями-причастиями, остальные имеют в полабских материалах от двух до пяти определений, причем слово *pulver* 'порох' получило два определения анализируемого типа: *codqǎ* и *strel'ǎjqǎ*.

Определяемые причастиями существительные довольно разнообразны по семантике. Это, с одной стороны, три названия живых существ (*муха*, *пес*, *поросенок*), далее — названия веществ (*порох*, *уголь*, *головни*, *вода*, возможно, *трава*), названия конкретных предметов (*палка*, *лопата*, *мешок*, *ведро* и, возможно, *комната*, а также *трава*), наконец, особняком стоит название отрезка времени *пятница*. Стоит отметить, что, как мы увидим далее, эта классификация существительных коррелирует с функциональным значением причастий.

⁷ K. P o l a n s k i, J. A. S e h n e r t. Polabian-English Dictionary. The Hague—Paris, 1967.

Семантически сгруппировать причастия затруднительно. Валентность их в сохранившемся материале невысока: только в последних двух сочетаниях повторяется причастие; остальные причастия отмечены в сочетаниях по одному разу. Причастие *ksǎjqǎĕ* в той же словарной статье (*beiben*) дано и отдельно как перевод нем. *beißig*. Для всех причастий кроме *tǎiscǎĕ* и *viĵqǎĕ* зафиксированы соответствующие глаголы; для причастия *tǎiscǎĕ* можно указать однокоренное наречие *tǎiuckr* 'тайно' («молчком»).

Как известно, полабские записи Хеннига представляют собой произведенную им фиксацию ответов его информанта Г. Енишге. При этом Енишге, видимо, был биглотом, владел как полабским, так и немецким языком, а Хенниг, хорошо владея немецким, вероятно, в какой-то мере за свою сорокалетнюю жизнь в полабском селе познакомился с особенностями полабского языка. Кроме того, Хенниг использовал доступные ему письменные источники, из которых он перенес в свой словарь отдельные слова и выражения; поскольку, однако, в других дошедших до нас источниках причастия настоящего времени не зафиксированы, можно думать, что наши сочетания — результат речевой деятельности Енишге и Хеннига ⁸.

В пяти случаях Хенниг задавал своему информанту вопрос о полабском переводе немецких сложных слов и получал в ответ интересующее нас сочетание. Это — те случаи, когда полабские соответствия даны прямо в соответствующих словарных статьях (сочетания 3, 7, 8, 10, 12). Весьма вероятно, что подобным образом были получены и некоторые другие выражения, но особенностью их получения является, возможно, то обстоятельство, что эти выражения получались в ходе уточнения и выяснения переводов некоторых заданных уже слов. Так, выяснив, что *поросенок* по-полабски называется *porsq*, установив форму множественного числа, Хенниг уточняет, как назвать *молочного поросенка* (*Spanferken*, у Юглера дан и вариант *Saugferken* ⁹).

Показательны в смысле этих уточняющих переводов случаи, когда славянские причастия даны как переводы немецких причастий. Таких случаев пять (1, 11, 13, 14, 15). Два из них даны в статьях о глаголах (*riechen* и *kochen*), причем оказывается, что причастие в сочетании дано от другого глагола, т. е. идиоматично по отношению к переводу основного глагола. Записав полабский перевод для глагола *пахнуть* (*riechen*), Хенниг уточняет, что *riechende Dinge* (пахнущие вещи) обозначаются причастием *vsǎjqǎĕ* от того же глагола *vsǎt*, а вот *riechende Kräuter* (пахучие травы, пряности) называются уже словосочетанием с причастием от другого глагола: *viĵojqǎĕ krūd'au* (от глагола *viĵojĕ*, которого, однако, Хенниг не заметил, возможно, смешав его с *vsǎt*; глагол мы знаем по записи Парум-Шульце со значением 'хороший запах': *Fontes*, 178). Идиоматичен и перевод названия *кипятка*. Глагол *kochen* переводится *vogĕ*, а причастие от него в этом случае — от другого славянского глагола, причем соответствующего употребления других славянских языков (воду *кипятят*, а не *варят*). Можно думать, что полабское обозначение *кипятка*, таким образом, имманентно по отношению к немецкому выражению.

Дважды как перевод немецкого причастия *glühend* дано в сочетаниях полабское *zǎzqǎĕ*. Причастие это, в общем соответствующее русскому *жгущий*, употребляется с существительными *vǎd'el* 'уголь' и *kǎiso*, этимологизируемою вслед за Ф. Лоренцом из слав. *klĭca, представленного

⁸ Попытку схематического представления этой деятельности см. А. Я. Супрун у п. Лексічная спалучальнасць у полабскай мове. Мінск, 1973, стар. 27.

⁹ «Juglers lüneburgisch-wendisches Wörterbuch von Reinhold O l e s c h e». Köln—Graz, 1962, S. 203.

польским диал. *kietcz* 'сосна, ель', русск. *колча, колченогий* и др.¹⁰ Полабск. *káico* употребляется в источниках в соответствии с многозначным нем. Brand, которое Хенниг счел нужным уточнить лат. *totigis* 'головня', встречается кроме сочетания с *zázqčā* еще в сочетании с причастием прошедшего времени *voigāsēnā* 'угашенная'. Нем. *glühend* приводится Хеннигом и в статье *glüen*, но здесь переводится немецким заимствованием *glüenē*; это же заимствованное слово используется в одной из копий Хеннига (B₁) для перевода сочетания *glühende Kohle*: *glüenē vōd'el*. Независимо от решения дискуссионного вопроса о точном немецком этимоне этого заимствованного слова¹¹, следует отметить, что в случае *zázqčē* полабское причастие лексически идиоматично относительно немецкого.

К независимым от немецкого выражения относит Э. Кайзер полабское *būdāčā taušo*¹². Оно помещено у Хеннига в статье *Fliege* 'муха' как эквивалент немецкого причастного сочетания *Stechende Fliege*. Предметное соотношение выражения не вполне ясно, хотя общее направление сопоставления и бесспорно. К. Полянский и Дж. Зенерт полагают, что в данном случае речь идет об *оводе* (*gadfly*), а Э. Кайзер приводит без оговорок в качестве немецкого эквивалента полабского выражения слово *Stechfliege* 'жигалка'. Если действительно для Хеннига речь шла о переводе сложного слова, то приведение им немецкого сочетания причастия с существительным означало бы еще одно проявление стремления растолковать полабское выражение более точно по-немецки. Однако такие толкования Хенниг давал обычно, поясняя корень, а не суффиксальную часть слова. Поэтому вполне вероятно, что именно так, как записано, и ставился вопрос информанту, а информант, следовательно, дал точный полабский перевод заданного ему немецкого выражения. Надо отметить при этом, однако, что выбор причастия вполне может быть объяснен на славянской почве: русск. *бодень* — название жала насекомого (Даль) — образовано с тем же корнем.

Причастия настоящего времени не фигурируют у Хеннига в качестве заглавий словарных статей. Но, как мы видели, внутри статей в пяти случаях полабские сочетания, образованные из причастия и существительного, даны в качестве эквивалентов немецких причастных сочетаний. Из пятнадцати изолированных причастий настоящего времени лишь одно отвечает немецкому причастному сочетанию — это уже приведенное *vōsājqčē*; другое *gornāčē* соответствует у Хеннига немецким причастным образованиям прошедшего времени *beredet, beschwätzt* (97); в остальных тринадцати случаях полабским причастиям соответствуют заглавные однокорневые существительные и прилагательные. Показательно однако, что в 20 из 32 сочетаний существительных с причастиями прошедшего времени полабским причастиям соответствуют причастия и в немецких эквивалентах. Это позволяет высказать предположение, что информанты составителей полабских словарей (в частности, Г. Енишге) соотносили полаб-

¹⁰ См. K. P o l a ŋ s k i. Słownik etymologiczny języka..., s. 242; F. S l a w s k i. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. 2. Kraków, 1958—1965, s. 145.

¹¹ К. Полянский усматривает в слове возможность славянского суффикса *-en-* (K. P o l a ŋ s k i. Morfologia zapożyczeń niemieckich w języku Połabskim. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962, s. 68, 141); Ф. Хинце, напротив, склонен считать *-n-* немецкого происхождения (F. H i n z e. Beiträge zur deutsch-polabischen Etymologie. «Zeitschrift für Slawistik», Bd. IX. 1964, H. 5, S. 691) и приводит как источник уккермаркское *glōnix*. Представляется вполне допустимым, что *-n-* было в источнике, но затем было осмыслено как полабский образующий элемент; при этом источником вполне могло быть и нижнегерманское причастие настоящего времени, в ряде форм не имеющее элемента *-d-* (См. A. L a s c h. Mittelniederdeutsche Grammatik. Halle, 1914, S. 224, 227).

¹² E. K a i s e r. Ibid., S. 225.

ские причастия с немецкими, т. е. еще понимали определенную связь этих слов с обозначениями глагольного действия. Это позволяет считать, что именно понимание в причастии действительного компонента значения дало возможность использовать его в глагольных статьях словаря для передачи отглагольного прилагательного (*beißig*) и отглагольного же компонента сложного слова (*Meiß*). Подобным образом объясняется, видимо, и использование причастия в переводе сложного слова *Schieß-Pulver*. В этих трех случаях полабские переводы не идиоматичны к немецким выражениям. Но, особенно применительно к двум выражениям (*kpsǎjčǎ řás* и *merčǎ klas*), это едва ли может служить основанием утверждения о калькированном характере выражений: подобная мотивация представлена достаточно широко и в других славянских языках (ср. русск.: *кусливая собака, кусачий; мерная сажень*). В большей мере о калькировании можно говорить относительно выражения *strel'ǎjčǎ pulver*.

Выражение *düjčǎ vřböräk* представляет собой, видимо, перевод нем. *Melkeimer*, на что указывают Б. Шидловская-Цеглѐва и Э. Кайзер¹³. Важно подчеркнуть и здесь глагольный характер первого компонента немецкого сложения. Интересно при этом отметить другое определительное сочетание со словом *vřböräk* — *mláčeně vřböräk*, в котором первому именованному компоненту немецкого сложения (*Milcheimer*) соответствует прилагательное в полабском сочетании.

Вполне вероятно, что при построении сочетания *sǎpčǎ komár* с причастием в соответствии с нем. *Schlafkammer* определенную роль играло понимание первого компонента немецкого сложного слова как глагольного. Б. Шидловская-Цеглѐва совершенно справедливо приводит в связи с рассмотрением этого выражения его почти буквальное сербско-хорватское типологическое соответствие — *снаваћа соба*¹⁴.

Полабское обозначение *волынки paistǎčǎ mešǎk* по первому компоненту соотносимо с обозначением детской дудочки — *paist'olkǎ* букв. «пищалка», связанным (как и серболуж. *pišćalka*, польск. *piszczalka* 'дудочка') с общеславянским обозначением дудочки-свирели — *пищаль*. Немецкое слово *Sackpfeife*, приведенное Хеннигом как эквивалент полабского, при калькировании должно было бы, видимо, превратиться в «мешковую пищалку», а не, как это случилось, в «пищаний (дудящий) мешок». Этим, очевидно, объясняется отказ Э. Кайзера от рассмотрения данного выражения как кальки немецкого¹⁵. Однако в немецком употребительно и другое название волынки со славянским по происхождению первым элементом *Dudelsack*, известное уже с XVII в. (зафиксировано, по Клюге, с 1691 г.); если это слово не было немецкой калькой с полабского и ко времени записей Хеннига было уже известно в люховско-данненбергском округе, можно допустить, что записанное полабское сочетание представляет собой кальку немецкого обозначения волынки. Следует отметить, что в серболужицких языках одно из обозначений волынки по корню связано с существительным — элементом рассматриваемого сочетания: *měchawa*.

Обозначение страстной пятницы *mǎucǎčǎ škřpě* идиоматично (в отличие, например, от серболужицких, где *šichy pětik, čiči pjatk* точно соответствуют немецкому *stille Freitag*) по отношению к немецкому. Это дает некоторое основание предполагать, что такое обозначение было в какой-то мере употребительным в полабском, причем свойственным именно этому язы-

¹³ B. Sz y d ł o w s k a-C e g ł o w a. Materialna kultura ludowa Drzewian połabskich w świetle poszukiwań słownikowych. Lud, t. 48. Wrocław, 1963, s. 62; E. K a i s e r. Ibid., S. 225.

¹⁴ B. Sz y d ł o w s k a-C e g ł o w a. Ibid., s. 50.

¹⁵ E. K a i s e r. Ibid.

ку¹⁶. Возможно, что подобным образом обстоит дело и с названием дымного пороха, идиоматичным по отношению к заглавному Rauch — *dâim*; здесь, однако, может быть и соотнесение с глаголом *codét* «*gauchen, räuchern*»¹⁷.

Молочный поросенок обозначен у Хеннига как *sâsqč porsq*. Можно, пожалуй, согласиться с мнением о том, что полабское сочетание представляет собой кальку нем. Saugferkel¹⁸, хотя у Хеннига представлено именно Spanferkel, но необходимо учитывать и возможность самостоятельного появления подобного сочетания, поскольку мотивация значения характерна и для многих славянских языков (ср. белор. *сысун*, русск. *сосун* и под. 'молочный детеныш животных'). Если рассматривать полабское выражение как кальку немецкого (причастие могло соответствовать глагольному первому компоненту немецкого сложного слова), то следует, видимо, признать, что такое полабское выражение не явилось творчеством информанта Хеннига, а бытовало в полабской речи, а информантом было приведено несмотря на его идиоматичность по отношению к первому компоненту заданного слова.

А. Брюкнер полагал, что обозначение специальной лопаты для веянья *viřcǎ šŭřǎ* представляет собой искусственное сочетание, придуманное информантом¹⁹. Б. Шидловская-Цеглѐва возражает против такого мнения, отмечая, что причастные сочетания такого типа (например, *сидячее место*) встречаются в славянских языках²⁰. Дело, однако, не только в типе сочетаний причастий, но прежде всего в том, насколько было такое выражение присуще полабскому языку. Что касается изменения в значении причастия, то едва ли оно может служить препятствием для признания названия лопаты для веянья *viřcǎ šŭřǎ* реальным полабским словосочетанием. Слово *šŭřǎ* представляет собой заимствование из нем. Schippe 'лопата, заступ', известного и средненижнемецкому (с обычной либиализацией корневого гласного), который и был непосредственным источником. Оно засвидетельствовано и в других полабских источниках (Пфеффингер, Домейер, Копенгагенская рукопись — Fontes, 24, 32, 42). Причастие представляет собой рефлекс формы *vějptja от известного всем славянским языкам глагола *vějati; значение «веять зерно» присуще этому глаголу во всех славянских языках²¹. Можно отметить польск. *wiejaczka*, семантически эквивалентное рассматриваемому полабскому выражению, а также названия соответствующей машины (нижнелуж. *wějawa*, русск. *веялка* и под.). Полабское выражение соответствует нем. Worfshippe, первый компонент которого вполне мог быть воспринят как глагольный, что и дало основание для передачи его в виде причастия. Таким об-

¹⁶ Э. Кайзер (там же) полагает, что в данном случае можно говорить о Lehnübersetzung, хотя и признает, что перевод тут свободный. В принципе, конечно, христианская терминология не могла возникнуть на полабской почве без иноязычного влияния, но весь вопрос в том, какова мера этого влияния. Известно, например, что серболужичане-католики сохранили, видимо, взятый ими у других славян термин Wulki pjatk «Великая пятница», в то время как у лютеран распространился приведенный калькированный с немецкого термин (см. A. Fr i n t a. Bohemismy a paleoslovenismy w luzickosrbské terminologii křest'anské a jejich dějepisný význam. Praha, 1954, s. 9).

¹⁷ Э. Кайзер считает целесообразным исключить из числа калек *codqč pulver* (там же).

¹⁸ B. S z y d l o w s k a-C e g l o w a. Ibid., s. 66.

¹⁹ A. B r ũ c k n e r. O narzeczcu «połabskim» słów kilka. Prace filologiczne, t. XIV. Warszawa, 1929, s. 548.

²⁰ B. S z y d l o w s k a-C e g l o w a. Ibid., s. 50.

²¹ Ограничительный перечень нескольких славянских языков, в которых известно такое значение, у М. Фасмера (Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1964, стр. 310) не соответствует его повсеместному распространению.

разом, вполне возможно, что приведенное у Хеннига название лопаты для веянья — не досужая выдумка Г. Енишге, а более или менее часто встречавшийся полабский термин.

Анализ полабских определительных сочетаний с причастиями настоящего времени показывает, что с одной стороны, носители полабского языка (в частности, информант Хеннига — Енишге) довольно ясно осознавали глагольный компонент значения в причастиях. Это видно из того, что в пяти случаях полабское причастие употреблено в соответствии с немецким причастием (сочетания 1, 11, 13, 14, 15), в одном случае оно соответствует отглагольному прилагательному (4), в пяти случаях (3, 6, 8, 10, 12) причастие соответствует первому компоненту немецкого сложного слова, который был понят как глагольный, вполне вероятно, что сюда примыкают и еще два сочетания (7, 9). Менее ясно глагольное понимание немецкого эквивалента в сочетании 2. Наконец, в одном сочетании (5) немецкого глагольного эквивалента не обнаруживается, хотя глагольный характер семантики полабского слова не вызывает сомнений. То, что для двух из входящих в рассматриваемые сочетания (5 и 12) причастий не зафиксирован в источниках полабский глагол, не может считаться, учитывая ограниченный объем материала, противоречащим глагольному пониманию причастий. С другой стороны, анализ использования причастий в сочетаниях показывает, что, сохраняя лексическое значение действия, причастия лишь частично сохраняли грамматические собственно-глагольные категории, благодаря которым они в трети случаев оказались эквивалентами немецких причастий²².

Прежде всего стирается значение грамматического времени. Это оказывается особенно легким благодаря тому, что настоящее время, как известно, способно выступать как немаркированное в функции других времен. В полабском материале наиболее четко сохраняется временное значение в сочетаниях с причастием *zázqčě*; не случайно, что они противопоставлены сочетаниям с причастием прошедшего времени *voigäseně*. В ряде же сочетаний время нейтрализовано, что, в частности, видно на примере сочетания *kpsājčě páš*, где причастие соответствует вневременному прилагательному. Процесс утраты временных значений причастиями характерен не только для полабского, но и для других славянских языков²³. Этот процесс является важнейшей частью адъективации причастий. Стоит обратить внимание и на то, что многие изолированно приводимые Хеннигом формы причастий субстантивированы. Процесс адъективации и субстантивации причастий присущ не только славянским, но и германским языкам, в частности, немецкому, с которым полабский был в тесном контакте (ср., к примеру, происхождение существительного *Freund* из причастия настоящего времени и под.). И здесь начало адъективации связывают с постепенным стиранием временной принадлежности причастия²⁴.

Причастие настоящего времени принадлежит к действительному залогу. Четко принадлежность действия определяемому причастием существительному проявляется в наших материалах в тех сочетаниях, существительные которых обозначают живые существа (1, 4, 9). Действительно,

²² Я. Хейдзянка, рассматривая вопрос о передаче в полабском немецких сложных слов, отмечала переход причастий в прилагательные в ряде сочетаний. J. Hejdzianka. Niemieckie wyrazy złożone w języku Połabskim. «Slavia Occidentalis», t. 3/4. Poznań, 1925, s. 238.

²³ См., например, В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1972, стр. 225; W. Tańczak. Imiesłowy czynne, terażniejszy i przeszły I. w języku Polskim. Kraków, 1924, s. 38.

²⁴ H. Paul. Deutsche Grammatik, Bd. IV. Halle, 1954, S. 68.

«бодание», «кусание» и «сосание» осуществляются мухой, псом и поросенком. В подобном значении употреблены причастия и при названиях веществ (11, 14, 15), где головки и уголь действительно горят, а вода — кипит. Ближе к этому и употребление причастий с другими словами, подводимыми под эту категорию (2, 10, 13). Травы действительно пахнут, а порох действительно дымит. Но уже здесь проявляется первая возможность иного понимания: травы не только пахнут, но и служат для того, чтобы пахнуть. *Viňojacě kriid'au* — не только травы, которые пахнут, но и травы, которые используются для придачи запаха. Еще более ясно становится это с другим сочетанием существительного *pulver*: порох, пожалуй, уже сам не стреляет, а только служит для стрельбы. Но особенно ясно подобный оттенок значения выявляется в сочетаниях, где существительные обозначают конкретные предметы. При этом в одних случаях еще можно сказать, что предмет в какой-то мере является носителем действия, а точнее — действие совершается при помощи этого предмета (6, 7, 12): палка — измеряет (или при ее помощи производится измерение), мешок дудит, а лопата веет. Такого рода отношения характерны в современном русском для сочетания *пишущая машинка*. Но в последней группе сочетаний существительные уже никак не могут быть отнесены к категории носителей действия (3, 8 и 5). Ведро никак не доит, оно лишь может рассматриваться как предназначенное для доения; комната — не спит, а предназначена для сна; пятница — не молчит, а предназначена для молчания. Тем самым причастия утрачивают в этих случаях такую важную глагольную категорию, первоначально присущую им, как залог²⁵.

Схематически изменение семантики подобных сочетаний можно представить так. На первом этапе причастие обозначает действие, совершаемое предметом в данный момент или в момент основного действия. Потом оно уже обозначает действие вообще характерное для предмета как признак вне времени. Далее превращающееся в прилагательное причастие обозначает действие, для которого предназначен этот предмет, причем если сначала предмет служит орудием совершения действия, то затем речь идет о локальных и временных отношениях. Тенденция эта, известная и другим славянским языкам, проявляется также в немецком языке. Поэтому нет ничего удивительного, что она проявилась в полабском языке, славянском по происхождению и находящемся в тесном контакте с немецким языком в процессе своего функционирования.

Характер специфической речевой деятельности, результатом которой явились полабские словари, в том числе и наиболее крупный из них — словарь Хеннига, был таков, что в любом случае информант был нацелен на перевод. Было бы поэтому бессмысленно говорить о непереводам характере полабских материалов (за исключением немногих записей разговоров у Парум-Шульце и свадебной песни, так как тексты трех молитв, известные нам, также представляют собой переводы). Речь может идти о другом. О том, насколько правильно было понято задание (материалы маленьких словариков, в частности, словаря Пфёффингера показывают, что ошибки были явлением не очень редким), насколько соответствовал перевод заданию, насколько он был точен. Можно считать, что в частных сочетаниях ошибок и неточностей не зафиксировано. Речь может идти о том, в какой мере перевод соответствовал полабскому словоупотреблению. Вопрос этот чрезвычайно сложный. Дело не только в том, что

²⁵ Подобные явления отмечались в других славянских языках уже давно (см., например, W. T a s z u s k i. Ibid., s. 39), известны они уже и среднемецкому (H. P a u l. Ibid., S. 68—75).

даже повторение одного и того же выражения в различных источниках, к сожалению, не всегда свидетельствует о его употребительности, ибо известно, что источники не всегда самостоятельны. Дело еще и в том, что иногда вопросы к информанту касались таких вещей, которые, возможно, не имели широкоупотребительных полабских соответствий. Ведь все полабские источники относятся к последнему полувеку существования полабского языка, когда он вытеснялся из различных сфер жизни. А поэтому нередко данный информантом ответ, быть может, и не противоречил «духу» угасавшего языка, но просто был неупотребителен в силу того, что о чем-то по-полабски в то время не говорили. К сожалению, именно этот вопрос о реальном существовании в полабском языке тех или иных выражений решается в очень большой мере предположительно. Между тем, только решив этот вопрос, имеет смысл переходить к вопросу о «калькировании». Немецкое влияние можно проследить, например, в синтаксисе, когда какая-то конструкция повторяется неоднократно. Но решение вопроса о калькировании применительно к лексической сочетаемости достаточно трудно из-за уникальности материала, хотя, разумеется, выяснение возможностей калькирования, параллелей нужно и важно. Пример полабских определительных сочетаний с причастиями настоящего времени показывает небольшую часть той достаточно сложной и интересной проблематики, которая связана с изучением полабской лексической сочетаемости.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Е. Л. НЕМИРОВСКИЙ

ИЗДАНИЯ Ш. ФИОЛЯ, Ф. СКОРИНЫ и И. ФЕДОРОВА В КНИГОХРАНИЛИЩАХ ВАРШАВЫ и КРАКОВА

Каждый экземпляр старопечатной книги по-своему уникален. Еще С. И. Маслов справедливо утверждал, что «при одинаковых элементарных признаках (содержание, титульный лист, формат и размер издания) разные экземпляры одной и той же книги имеют иногда такое количество вариантов, что методика определения дублетов в отношении старопечатных книг никоим образом не может ограничиться лишь сравнением указанных выше элементарных признаков»¹. Особый интерес для исследователя представляют всевозможные маргиналии на страницах книг, содержащие подчас важные сведения об обстоятельствах выхода в свет этого издания, условиях его распространения, о составе читательской среды и т. д. и т. п.

Сводный каталог славянской старопечатной книги кирилловского шрифта, который, мы верим, будет создан в ближайшем будущем, обязательно должен содержать сведения о всех сохранившихся экземплярах той или иной книги². Мы сравнительно неплохо знаем славянскую печатную книжность советских собраний. Этого, к сожалению, нельзя сказать о зарубежных книгохранилищах, в которых таятся сокровища, о каких мы и не подозреваем. Это доказали находки самых последних лет. Достаточно назвать обнаруженную в городе Готе (ГДР) уникальную Азбуку, напечатанную в 1578 г. в Остроге Иваном Федоровым, экземпляр Триоди цветной Швайпольта Фиоля из города Брашова (Румыния), в котором сохранилась гравюра с именем типографа, или наиболее полный экземпляр «Малой подорожной книжицы» Франциска Скорины, найденный в Копенгагене, который позволил отодвинуть дату возникновения первой типографии на территории нашей страны с 1525 г. на 1522—1523 гг.³

Статья призвана познакомить читателя с экземплярами изданий славянских первопечатников Швайпольта Фиоля, Франциска Скорины и Ивана Федорова, находящимися ныне в книгохранилищах Варшавы и Кракова. Многие из этих экземпляров до сих пор не были описаны в литературе.

¹ С. И. Маслов. Определение дублетов в области старопечатных книг. Львов, 1960, стр. 4.

² Ср. Е. Л. Немировский. Славянские икунабулы и палеотипы кирилловского шрифта в книгохранилищах Советского Союза. «Советское славяноведение», 1968, № 1, стр. 11—25.

³ См. Н. Grasshoff, J. S. G. Simons. Ivan Fedorov's griechisch-russisch kirchenslawisches Lesebuch von 1578 und der Gothaer Bukvar von 1578/1580. Berlin, 1969; I.-R. Mircea. De la Cracovia la Braşov: uncunabulul din 1491. «Magazin istoric», 1972, № 8, p. 50—51; A. N. Adson. Skaryna's Prayer book. «The Journal of Byelorussian Studies», 1972, vol. 2, № 4, p. 339—358.

Общий обзор польских собраний старопечатных книг кирилловского шрифта был в свое время сделан Я. Д. Исаевичем⁴. Однако поэкземплярно издания эти он не изучал, а в сведениях об их местонахождении шел от черновой и не свободной от ошибок сводной картотеки Национальной библиотеки в Варшаве⁵.

Давно известны польские экземпляры изданий первой славянской типографии кирилловского шрифта, основанной Швайпольтом Фиодем около 1491 г. в Кракове⁶. Однако по сей день не публиковались сведения об их комплектности, об имеющихся в них владельческих и вкладных записях.

В польских собраниях имеются: один дефектный экземпляр Триоди постной (Национальная библиотека в Варшаве), три экземпляра Триоди цветной (Национальная библиотека в Варшаве, Национальный музей в Кракове и Библиотека Католического университета в Люблине), фрагменты Часослова (л. 267—270, Ягеллонская библиотека), Триоди постной (л. 32, 39, 134, 137, Ягеллонская библиотека) и Триоди цветной (л. 180 — Библиотека Оссолинских во Вроцлаве; л. 102 — Университетская библиотека во Вроцлаве)⁷. Особый интерес представляют хорошо изученные фрагменты из Ягеллонской библиотеки — корректурные оттиски, в свое время извлеченные из старых переплетов.

Речь идет о корректурном оттиске двух полос Триоди, на обороте которого находится оттиск четырех полос Часослова. Оттиск позволяет реконструировать приемы двухкрасочной печати типографии Швайпольта Фиоля, а также высказать предположение, что Триодь постная и Часослов печатались одновременно⁸.

Утверждалось, что экземпляры Национальной библиотеки восходят к собранию Перемышльского греко-католического капитула. На самом деле это не так. Триодь постная (Inc. F. 1349) этого книгохранилища ранее находилась в библиотеке И. Снигурского. На полях книги — большое количество русских, украинских и польских маргиналий. Среди них есть и датированные. Старейшая из них гласит: «Во имя отца и сына и святого духа аминь. Сию книгу зовемую Триодь купил раб божий благородный Василий Волчижский ватага Волошин рохмистр короля ...з села Местновичи за отпущение грехов своих и дал за ню золотых 12... до церкви Ковынской до храму Преображения господа бога и спаса нашего... року 1628 месяца марта дня 30». Польская запись на л. 290 того же экземпляра рассказывает о бесснежной зиме 1756 г. — «niemoz było nie saniamy nie wozem jehas».

В экземпляре Триоди цветной Национальной библиотеки (Inc. F. 1350) — украинские, польские и латинские записи, частично обрезанные и неразборчивые. Одна из них датируется 1788 г. (л. 216). На л. 87 на полях — латинская и славянские азбуки. На поле л. 94 рисунок — женская головка. В начало книги вплетено письмо на латинском языке (1680 г.).

Экземпляр Триоди цветной Национального музея в Кракове (XV.12)

⁴ См. Я. Д. И с а е в и ч. Кирилловские старопечатные книги в коллекциях Польской Народной Республики. «Книга. Исследования и материалы», сб. 8. М., 1963, стр. 291—296.

⁵ В картотеке этой, например, указано семь экземпляров острожского Нового Завета 1580 г. При проверке большинство из них оказалось Библиями 1580—1581 гг.

⁶ См. К. Н e i n t s c h. Ze studiów nad Szwaipoltem Fiolem., cz. 1. W: Rocznik Zakładu narodowego imienia Ossolińskich, t. 5. Wrocław, 1957, s. 233—342.

⁷ См. «Incunabula quae in bibliothecis Poloniae asservantur». Moderante A. Kaweska-Gruczowa. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969, № 1446, 5397, 539 b.

⁸ Ср. Е. Л. Н е м и р о в с к и й. Начало славянского книгопечатания. М., 1971, стр. 117, 196.

восходит к известному собранию Э. Чапского (1828—1896). На обороте верхней крышки переплета этого экземпляра сохранился экслибрис собрания и его индексы (№ 24792 и 587 $\frac{7a}{XV}$).

Экземпляр не полон, первые 48 листов — рукописные. Сохранились листы 70—332, 334—357. От руки воспроизведены и семь листов в конце книги. На подклейке л. 72 — текст, воспроизведенный русской скорописью XVI в. На полях л. 287 и след. неполностью сохранившаяся запись XVII в.: «Сия книга Треот архханilenского (?) попа Евстафья (?) Евсева...».

Изданий Франциска Скорины в польских собраниях немного. Пражская Библия представлена фрагментами в Национальной библиотеке (XVI. Qu. 6049) и в Ягеллонской библиотеке (Сim. 5490). Варшавский фрагмент — восемь небольших листков — извлечен из переплета базельского издания 1525 г. комментариев Мартина Лютера к посланию апостола Павла к галатам. В свете известных сведений о «Франциске Поляке», побывавшем у Лютера в 1529 г.⁹, варшавский фрагмент представляет несомненный интерес.

Настоящая драгоценность — конволют с избранными акафистами и канонами из «Малой подорожной книжицы» Ф. Скорины, который хранится в Ягеллонской библиотеке (Сim. 561). Он содержит следующие издания: Акафист гробу господню. Канон живоносному гробу. Акафист св. архангелу Михаилу. Канон Иоанну Предтече. Акафист Иоанну Предтече. Канон св. Николе. Акафист св. Николе. Акафист св. Петру и Павлу. Акафист честному и животворящему кресту. Канон Богородице. Акафист Богородице. Канон Иисусу. Акафист Иисусу (мы перечислили акафисты и каноны в том порядке, в каком они переплетены).

В 1624 г. конволют принадлежал иезуитской коллегии при краковском костеле св. Барбары — об этом свидетельствуют записи на титульном листе и на л. 4 Канона св. Николе: «Domus Professae Crac. SJ ad S. Barbaram»; «Inscriptus Catol. Societatis Jesu Domus S. Barb. Crac 1624».

Акафисты и каноны Франциска Скорины очень редки¹⁰. Экземпляры наших собраний некомплектны. В них нет, например, л. 1 Канона Иоанну Предтече с гравюрой «Святый Иоан Предтечи крещиеть во Иордани господа нашего Исуса Христа», л. 1 Канона Иисусу с гравюрой «Господь наш Исус Христос во храме навчаеть законовчителей иудейских».

Издания Ивана Федорова в польских книгохранилищах встречаются часто. Все это, однако, книги, выпущенные на территории Великого княжества Литовского, Галиции и Волыни. Московские издания первопечатника в Польше пока не обнаружены.

В Университетской библиотеке Варшавы мы нашли Учительное евангелие, напечатанное Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем в 1569 г. в Заблудове (№ 28.20.2.1151); это — экземпляр с интересной судьбой. Когда-то он принадлежал собирателю Д. И. Образцову, печати которого сохранились на нескольких листах книги. В дальнейшем экземпляр попал в Научную библиотеку Саратовского университета, где числился под №24. Так как в библиотеке был еще один экземпляр (№ 25) Учительного евангелия 1569 г. (ныне он находится в Научной библиотеке Львовского государственного университета), экземпляр № 24 в 1932 г. был списан¹¹ и

⁹ См. В. И. Пичета. Белоруссия и Литва XV — XVI вв. М., 1961, стр. 741.

¹⁰ См. Е. Л. Немировский. Заметки о славянском старопечатании. В кн. Книга и графика. М., 1972, стр. 102.

¹¹ Сведения извлечены нами из рукописного каталога славянских старопечатных книг Научной библиотеки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

передан в «Международную книгу». Отсюда он попал в Прусскую государственную библиотеку в Берлине (продан за 50 руб. — см. помету на переплетенных листах), а затем — уже в Университетскую библиотеку Варшавы. Экземпляр — полный, нет лишь листа с гербом Г. А. Ходкевича.

Учительное евангелие 1569 г. было когда-то и в знаменитом собрании Красинских, погибшем в годы войны.

В библиотеках Варшавы и Кракова нам удалось обнаружить четыре экземпляра львовского Апостола 1574 г. — первой точно датированной украинской печатной книги, 400-летие которой отмечалось в 1974 г. В Национальной библиотеке находятся два экземпляра (XVI. F. 742 и XVI. F. 745). В первом из них — запись XVI в., представляющая исключительный интерес: «Изволением отца, съспосътшением сына и съвршением святого духа скончашась сия книга тьтр Апостол в великом граде Лвове при великом короли полском семиградском Баториим Стефаном и великим князи Литовском и при епископе нашом кир Гедионе пана Болобана богом спасаемых градов Галича и Лвова... рукою моногрешного Ивана Федоровича друкаря из Москвы а за працею и накладом богобоина мужа именем Павла сына Фомина мешкаючого в селе Диках сию книгу купил тьтр Апостол за золотых пять и прида ей до села Дичей богом спасаемого в церковь и в храм святого... Въскресения при державе на той... пана Журдиньска пана... подкаморего Галицкаго...»

Одна из загадок этой записи состоит в том, что она относит окончание печатания Апостола к времени правления короля Стефана Батория, который, как известно, был избран королем 1 мая 1576 г. Гедеон Балабан занял епископскую кафедру также в 1576 г. — после смерти Ивана Лопатки-Осталовского. Апостол же был окончен печатанием 25 февраля 1574 г. Быть может, в этом случае речь идет о допечатке, о повторном тираже, возможность которых исследователями не исключается¹².

Что касается села Дики или Дичи, то это может быть село Диково Ровенского уезда Волынской губернии, в церкви которого издавна находился Апостол 1574 г.¹³

Я. Д. Исаевич в письме ко мне от 27 ноября 1973 г. высказал предположение, что в данном случае следует говорить о селе Дички ныне Рогатинского района Ивано-Франковской области. По его мнению, очень заманчиво связать судьбу экземпляра Национальной библиотеки с кругом Ивана и Юрия Рогатинцев — в дальнейшем активных деятелей Львовского братства. Отметим, кстати, что нам известен экземпляр другого издания Ивана Федорова — острожского Нового Завета с Псалтырью 1580 г., принадлежавший Ивану Рогатинцу¹⁴.

Вернемся, однако, к Апостолу 1574 г. Национальной библиотеки в Варшаве. В том же экземпляре есть и другие — более поздние записи. Одна из них сделана в конце XVII в.: «Сию книгу рекомую Апостол купил раб божий Василий Зверкевич (?) мещанин... до храму святого апостола Филиппа села Чоловичи спасения ради своего за золотых 16 рока божого 1689 месяца июля дня 1». В этой церкви книга находилась и позднее, о чем говорит запись на л. 3: «Сей Апостол есть церкви Чоловецкой святого апостола Филиппа». На обороте верхней крышки переплета помечено карандашом: «Чоловичи ад Клицко».

Второй экземпляр Апостола 1574 г. Национальной библиотеки (XVI.

¹² Ср. Е. Л. Немировский. Документальные материалы львовских архивов о последнем периоде жизни и деятельности Ивана Федорова. «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 232.

¹³ См. Н. Н. Теодорович. Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии, т. 2. Почаев, 1889, стр. 478.

¹⁴ Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, 1.5.37Г.

Ф. 745) сохранился плохо — переплет книги утрачен, корешок обнажен. Вкладных и владельческих записей здесь нет.

Экземпляр Апостола 1574 г. Ягеллонской библиотеки (Cim. 8684) был куплен в 1972 г. О его принадлежности церкви в Чарна Липского повята свидетельствует латинская запись конца XVIII в.: «1781 A^o die 18 Augusti V. S. In. Actu Visitationis Ecclesiae in Czarna (pow. Lipsko) per me Joan Chrys. Bernakiewicz Delegatum Visitatorem revisum». В том же экземпляре на обороте герба Ходкевича среди многочисленных проб пера читаем: «Василий Процевичъ з Одрехвъ Родичъ рукою своею власною»; *Od Rzechowa, pow. Sarok. Sl. Georg. VII. 393.*

Четвертый польский экземпляр Апостола 1574 г. находится в Библиотеке Национального музея в Кракове (Cim. 27/III). Происходит он из знаменитого собрания Чарторыйских, о чем свидетельствует экслибрис на лицевой стороне верхней крышки переплета. В книге — ряд записей на польском языке (XIX в.). На л. 110 помета: «Петр Курпелевич».

Из библиотеки Чарторыйских происходит и экземпляр Четвероангелия, напечатанного в 1575 г. в Вильне соратником Ивана Федорова Петром Тимофеевым Мстиславцем. Экземпляр ныне также находится в Национальном музее (Cim. 782/III); он интересен записью, которую мы приводим в извлечениях: «Року от создания миру семь тысячи сто пятого, а от воплощения господа бога и спаса нашего Исуса Христа тисеча пятсот девяносто шестого месяца марта 26 дня на собор святого архистратига Гавриила я Хриштофор Лабунский Богухвалович посполъ з жоною моею ея милость панею Еленюю Ивановною Чарториской надали есмо сие Евангелие на престольное тетр в имену нашом Лабунуи ку церкви мурованой храма Въскресения господня вечно и непорушимо. В котором Евангелии надаем теж то ку церкви божей абыся множила хвала господа нашего Исуса Христа тое ж выховане священникови нашему благославленному и смиренномуудрему послушенства святой всходнее Ерусалимской церкви и по нем будучи благочестивым священником, то теды надаемо ставок и з млынком на реце Поганце, которые с перший по млынку Ходаковском зо всем на всем и з спустом и з вымерками, а арендар Лабунский зо млынув моих Лабунских мает давати на каждый рок полтрети пшена на шпиталь две коле в Лабунуи в пятницу на каждый тыж ден священникови день и ночь, а третее коло на шпиталь. Переднее (далее другим почерком) Так тыж из гумна моей Лабунской и Титкунской мают давати на шпиталь сорок куп... (далее тем же почерком) две волоки на все три руки на поли нашом Лабунском священникови и сыноват на плоском всю десятина з места Лабунского старого или хто хлебу робит по копе жита. Та теж из села моего Новоселы по копе жыта мают давати на кождый рок. Ку тое ж церкви нашей надали есмо дякунови три коле в пятницу в Титкове две пятницы на попа а третюю пятницу на дякуна все три коле мают молоти день и ночь и до того еще мают ... давати з аренды Лабунского по три копы грошей и сукъна по чотыри аршина Любского... бараней на два роки. А з села моего Крычановки мает каждый по копе жыта дякунови давати на каждый рок вълока поля на все три рока. А хто бы тое надане наше от сего храма святого Воскресения господа нашего Исуса Христа отдалити албо отняти мел, тот розсудит ся мает нами на страшном суде пред милостивоом боге».

Запись представляет интерес для характеристики крестьянских повинностей и имущественного положения духовенства на землях Великого княжества Литовского после аграрных преобразований второй половины XVI в.

Нам удалось познакомиться с тремя экземплярами острожского Нового Завета с Псалтырью 1580 г., находящимися в книгохранилищах

Варшавы и Кракова. Экземпляр Национальной библиотеки (XVI. 0.684) восходит к собранию Перемышльского греко-католического капитула, о чем свидетельствует экслибрис: *Ex Bibliotheca Capituli Ritus grasso-catholici Premisliensie*. На последнем листе книги запись: «Поновил рок 1608 Игнатий... в Нефанковичох». В книгу вплетен достаточно редкий алфавитно-предметный указатель «Книжка собрание вещей нужнейших...», напечатанный Иваном Федоровым в Остроге в 1580 г.

В экземпляре Библиотеки Варшавского университета (№ 28.I.5.34) записей нет.

Экземпляр Библиотеки Национального музея в Кракове ранее принадлежал собранию Чапского. И в этот экземпляр вплетена «Книжка собрание вещей нужнейших...». Оба издания — полные, нет лишь титульного листа «Книжки...».

Острожская Библия 1580—1581 гг. издавна имелась во многих польских собраниях. Каролю Эстрейхеру в 1894 г. были известны экземпляры Краковской Академии, Краковского капитула, Курницкой и Ягеллонской библиотек, собраний Дзедушицких, Красиньских, Павликовского, Потоцкого, Сангушко, Чарнецких, Чарторийских, Оссолинских¹⁵. С. Л. Пташицкий в 1902 г. познакомился с экземплярами гр. Хрептовича-Бутенева, гр. Баворского, Чарторийских, Замойских, Красиньских, а также с двумя экземплярами Варшавского университета¹⁶. Имелась Острожская Библия и в библиотеке К. Свидзиньского¹⁷. В военные годы многие из этих экземпляров были утеряны. Тем не менее и сегодня знаменитое издание Ивана Федорова можно увидеть во многих собраниях. Нам удалось познакомиться с 11 экземплярами.

Один из экземпляров (XVI.F.808) Национальной библиотеки в прошлом принадлежал Университетской библиотеке Львова (экслибрис: *Ex Bibliotheca Caesareo — Regiae Universitatis Leopoliensis*, № 4655). На первом листе книги — зачерненная украинская запись 1614 г.

Другой экземпляр (XVI.F.158) хранит следующую запись: «Сия книга рекомая на имя Библия принадлежит... монастыреви Креховскому ввечне и непорушне и немах быти отдалена от обители тоя святая святых и богоподобных отец 350». На последнем листе книги — дарственная запись 1825 г. Яну Феликсу Тарновскому (1780—1842), основателю известной родовой библиотеки в Дзикове.

Третий экземпляр (XVI.F.750) принадлежал церкви села Белая, о чем свидетельствуют записи: «Гр. кат уряд Парохияльный Бела»; «Экз. церкви в Белой дек. Потелицкой о. Осьмоловский». Судя по шифру (LXII. b. Vi), книга, видимо, восходит к собранию Перемышльского греко-католического капитула. В том же собрании, по-видимому, находился и четвертый экземпляр Национальной библиотеки (XVI.F.751).

В Библиотеке Варшавского университета сохранились те два экземпляра Острожской Библии, которые в 1902 г. видел С. Л. Пташицкий. Один из них (№ 28.18.3.26) — особенно ценен, ибо содержит так называемые виленские листы, напечатанные другим шрифтом. Листы эти известны нам лишь в пяти экземплярах¹⁸.

¹⁵ См. К. E s t r e i c h e r. Bibliografia polska, t. 13. Kraków, 1894, s. 38.

¹⁶ См. С. Л. П т а ш и ц к и й. Иван Федоров. Издания Острожской Библии в связи с новыми данными о последних годах его жизни. «Печатное искусство», 1903, июль — авг., стр. 293.

¹⁷ См. Т. Ł o s k i. Biblioteka i muzeum Swidzińskiego. Warszawa, 1857, s. 25.

¹⁸ Фрагмент В. М. Ундольского — ныне в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина; экземпляр И. Н. Царского — ныне в Государственном историческом музее; экземпляр № III. 14224 Научной библиотеки Львовского университета — ранее находился в Библиотеке Саратовского университета; 2-й экземпляр Библиотеки Саратовского университета, местонахождение которого неизвестно.

Второй экземпляр (№ 28.18.3.20) с новым факсимильно воспроизведенным титульным листом начинается с л. 7 книги Бытия — каких-либо интересных особенностей он не имеет.

Есть в библиотеке и третий экземпляр, по сей день не описанный (№ 28.20.2.282). Это — фрагмент, включающий лишь Деяния апостолов и Апокалипсис. О его происхождении говорит печать: *Własność Biblioteki Zboru Ewangelicko — Reformowane Warszawskiego*.

Один из экземпляров Ягеллонской библиотеки (Cim. 8313) ранее находился в собрании Четвертинских. В Ягеллонскую библиотеку он попал в 1884 г., о чем свидетельствует запись К. Эстрейхера на переплетных листах: «*Zamienono z Friedleinem Bartynowskim za Syreniusza z dopłata 20 zł. Reńsk. 1884. I. 22. На л. 7 второго счета — владельческая помета Федора Любенецкого*».

Еще один экземпляр (Cim. 8451) поступил в Ягеллонскую библиотеку из собрания Чарновских. В книге сохранились записи XVI—XVII вв.: «Се муж богоразумный Иоан Сахнович с отцем своим Сахно и з материею Мариєю родил»; «Сия глаголемая книга Библия Еуфимья Лодыженскаго». На обороте верхней крышки — карандашная польская запись о покупке книги 10 января 1856 г. у львовского антиквария Зельмана Игла (1813—1870) за 450 серебряных рублей.

Экземпляр Библиотеки Национального музея в Кракове (Cim. 10.III) примечателен тем, что в нем имеются два выходных листа — один с датой 1580 г., а второй — с датой 1581 г. Такие экземпляры достаточно редки. В книге имеются следующие записи: «Сия Библия обители Печерския з книгохранилици отца уставника»; *Ex libris sacrae Laurae Pieranensis*.

Экземпляр Библиотеки Академии наук в Кракове (Cim. 4026) сохранил польские записи 1608 и 1678 гг., а также следующую запись: «*In Nomine Domini Amen. Ego Paulus Swidzijskj Presbiter Vołodzensio hujus libri possessor*». Аз иерей Павел Сведзейский презвитер парахиалный веси Володза купил сию книгу глаголемую Библию ветхаго и новаго завета за золотых тридцать осмь власных. До которой книги глаголемой Библия не мает никто ничего опрочь потомков иерей Павла Сведзейского и сукцесоров его на веки вечные аминь... Року 1733 августа во имя отца и сына и святаго духа аминь. Сия книга глаголемая Библия... есть власная пречестнаго отца Павла Сведзейскаго презвитера Лодинскаго куплена за власные его гроши за сумму выш выраженную, которая не мает быти отдаленная от едиnorodных чад его во род вечный, аминь. Аз иерей Павел Сведзейский презвитер парохальный веси Лодиной рукою власною подписуюся для ведомости чителнику абы никто не бавился сей книги себе присвоити...».

Кроме указанных нами 11 экземпляров Острожской Библии, с которыми мы могли познакомиться, нам известно о существовании еще трех экземпляров, находящихся ныне в польских книгохранилищах — в Библиотеке им. Оссолинских¹⁹, в Публичной библиотеке Варшавы²⁰ и в Библиотеке Польской академии наук в Курнике.

Экземпляр из Библиотеки им. Оссолинских (XVI.F.4528) восходит к собранию известного историка, библиографа и библиофила Юзефа Максимилиана Оссолинского (1748—1826); его рукой написан старый инвентарный номер книги. В книге отсутствуют титульный лист, семь листов в начале и семь в конце.

¹⁹ См. M. B o h o n o s. *Katalog starych druków Biblioteki Zakładu narodowego im. Ossolińskich. Polonica wieku XVI*. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, s. 55, № 163.

²⁰ См. A. K a w e s k a - G r u c z o w a. *Katalog starych druków Biblioteki Publicznej m. st. Warszawy. cz. 2. Polonica XVI w. Warszawa, 1957, s. 21—22, № 17.*

В. И. ЗЛЫДНЕВ

ДОПОЛНЕНИЕ К «НЕИЗВЕСТНЫМ ПИСЬМАМ И. ВАЗОВА»

В 1961 г. в сборнике «Славянский архив» была помещена публикация автора этих строк «Неизвестные письма И. Вазова». В публикации содержалось 12 писем И. Вазова (одно из них без начала) к его русскому переводчику и популяризатору славянской поэзии в России В. В. Уманову-Каплуновскому¹. Эти письма охватывали период с 1887 г., когда И. Вазов как политэмигрант проживал в Одессе, до конца 1909 г. При публикации нами были использованы фонды ЦГАЛИ (ф. 512), Рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина (ф. 218) и Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ф. 800). Во вступительной части к публикации отмечалось: «Можно с уверенностью указать, что обнаруженные письма составляют основную массу переписки Вазова с Умановым-Каплуновским, длившейся с перерывами в течение 23 лет, но это не все письма. Очевидно, некоторые из них попали в другие места или утеряны»².

Впоследствии мысль эта подтвердилась, и уже в конце 60-х годов автору этих строк стало известно, что у советского литературоведа Ю. Г. Оксмана (1895—1970) имеются новые неизвестные письма Вазова к Уманову-Каплуновскому от 1909 г. (одно из них — концовка). Совершенно очевидно, что новые письма из частного собрания являются недостающей частью, о которой сообщалось в нашей публикации. Оригиналы писем переданы в ЦГАЛИ, где они в настоящее время обрабатываются. Пользуюсь случаем выразить признательность и благодарность вдове ученого А. П. Оксман за предоставленную возможность ознакомления с письмами и согласие на их публикацию.

На двух письмах из этого частного собрания стоят даты 21 июня 1909 г. и 15 октября 1909 г. Половина же третьего письма представляет собой недостающую часть того письма, которое публиковалось нами в 1961 г.; в конце письма стоит дата — 21 сентября 1909 г. Таким образом, теперь мы имеем возможность впервые дать третье письмо полностью.

Основное внимание в этих письмах уделяется изданию на болгарском языке произведений В. Уманова-Каплуновского, а также изданию на

---

¹ Уманов-Каплуновский, Владимир Васильевич (1865—1939) — прозаик, поэт и переводчик. Литературной деятельностью занимался с 1884 г.; печатался во многих петербургских журналах и газетах. К числу его оригинальных произведений относятся: сборник рассказов «Незаметные драмы» (1899), поэмы и стихотворения «Мысли и впечатления» (1899), роман «Фарисей» (1905), повесть «Логово» (1909). Выступал также с переводами из славянской поэзии — «Баян» (1888), «Славянская муза» (1892), с небольшими статьями о болгарской и сербской поэзии.

² «Славянский архив». Сборник статей и материалов. Изд-во АН СССР, 1961, стр. 241.

русском языке рассказов и повестей болгарской писательницы Евгении Марс³. С нею Вазов был близок с 1905 г. В доме Е. Марс периодически собирались болгарские писатели, артисты, ученые. Постоянным посетителем этого своеобразного литературного салона был Вазов⁴. Судя по письмам, которые публикуем, болгарский писатель положительно отзывался о Е. Марс в своих беседах с болгарскими коллегами и с Умановым-Каплуновским.

Письма содержат некоторые биографические сведения, которые могут быть полезны при изучении творческой биографии И. Вазова.

Все письма написаны на русском языке. Полностью сохраняя стиль автора, мы все же сочли необходимым внести в некоторых случаях исправления с учетом грамматических норм русского языка.

П и с ь м о 1

Дорогой коллега,

Я опять опоздал [с] ответом на Ваше любезное письмо от 27 марта текущего года. Очень благодарю Вас за добрые пожелания о моем здоровье. Оно теперь, слава Богу — идет лучше.

Мои «Легенды у Царевца» еще не вышли в свет⁵.

В последнее время я был очень занят окончательной обработкой моей исторической драмы «Борислав» (из эпохи Ивана-Асеня II)⁶, которую приняли в Народный театр и ею откроют сезон.

Госпожа Евгения Марс переводит теперь некоторые из Ваших рассказов для помещения в журнале «Българска сбирка»⁷. Она сделает это недурно думаю, судя по переводу Вашей статьи. Я намереваюсь приложить к ее переводу краткие литературные заметки о Вас.

Если я понял хорошо, Вы обещали в своем письме перевести на русский что-нибудь из нее. Я просил бы Вас сделать это. По-моему, самые хорошие ее рассказы это «Майка», «Еловото клонче», «Фарисейство», «Наследство» «Убий се», «Идилия на младостата». Появление на русском языке некоторых из ее работ доставит большое удовольствие этой талантливой и многообещающей писательнице и послужит ей смелым поощрением.

В скором времени пришлю Вам новый мой портрет и прошу Вас прислать мне такой же Ваш.

С дружеским поклоном

И. Вазов

София

21 июня 1909 г.

³ Марс Евгения (Елмазова, 1879—1945) — болгарская писательница, автор психологических рассказов и повестей. Ее рассказ «Светские фарисеи» был переведен Умановым-Каплуновским и опубликован в журнале «Исторический вестник» (1910, кн. 1, стр. 204—209). В архиве русского переводчика хранятся титульные листы повестей Е. Марс с автографами — «Лунна нощ» (1909) и «Буря» (1910).

⁴ Подробнее о взаимоотношениях И. Вазова и Е. Марс см. в кн.: В. В ъ л ч е в. Иван Вазов. Жизнен и творчески път. София, 1968, стр. 452—455.

⁵ «Легенди при Царевец». Баллади и поеми. Впервые опубликованы отдельным изданием в 1910 г. в издательстве «Игнатов».

⁶ «Борислав» — историческая драма в пяти действиях, опубликована в 1909 г. в издательстве «Чижев».

⁷ «Българска сбирка» — общественно-литературный журнал, выходивший в Пловдиве с 1894 по 1925 г. под ред. С. Бобчева. В журнале постоянно сотрудничал И. Вазов.

П и с ь м о 2

Многоуважаемый коллега,

Получил своевременно Ваше письмо от 7/20 июня, вместе с Вашим портретом и оттиском «Логово».

«Българска сбирка» не выходила до 1-го сентября (имела вакансию), потому и помещение перевода из Ваших рассказов опоздало. В ноябрьском номере будет напечатан перевод «Встречи в снегах», очень мило написанная вещь, где так мастерски и духовито⁸ очерчен отставной генерал... Г-жа Евг. Марс выбрала этот рассказ и потому еще, что он короче. Журнал «Българска сбирка» очень маленький по объему, [поэтому] редакция не принимает длинные вещи и имеет правилом не прерывать рассказы для их продолжения в следующем номере. По этой причине «Логово»⁹ не пойдет там, а постараемся поместить его в другом каком-нибудь издании.

Заметкой о Вашей 25-летней литературной деятельности непременно воспользуюсь.

На днях пришлю Вам мой новый фотографический портрет¹⁰.

Не знаю, переводили ли Вы уже что-нибудь из Евгении Марс. Я Вам рекомендовал бы некоторые из следующих ее рассказов: «Елового клонче», «Убий ся», «На молитва», «Наследство» и прочие, пропитанные социальной идеей и духом гуманности. Будьте добры прислать автору оттиск из журнала, где будет помещен Ваш перевод.

Вместе с ноябрьским номером «Българска сбирка» пришлю Вам и экземпляр моей драмы «Борислав» (теперь в печати), имевшей на сцене полный успех.

Будьте добры извинить меня за плохой почерк моего письма, как и за плохой мой русский язык.

С дружеским приветом

Вам преданный И. Вазов

София, 21 сентября 1909

П и с ь м о 3

Многоуважаемый и дорогой г. Каплуновский,

Получил Ваше письмо от 29 сентября.

Рассказ «Логово» переведен Евгенией Марс. По напечатании перевод будет послан Вам, как и другой («Встречи в снегах»), который будет помещен в «Българска сбирка».

По Вашему желанию присылаю вам биографически-литературную заметку о Евгении Марс. Вы ее поместите от Вашего имени, предварительно исправив шероховатости языка и стиля.

Высылаю тоже и мой последний портрет, а «Борислава» по — напечатании.

Сердечный привет

Вам преданный

И. Вазов

София

15 октября 1909

⁸ Духовито — остроумно.

⁹ Повесть Уманова-Каплуновского «Логово», опубликованная в журнале «Нива» (1909, № 7), вышла на болгарском языке в журнале «Светлина» (1910, № 3).

¹⁰ Фотография И. Вазова 1909 г. (хранится в альбоме Уманова-Каплуновского, л. 134).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Советско-польские отношения. 1918—1945. «Сборник статей. М., «Наука», 1974, 295 стр.

Авторы рецензируемого сборника — научные сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР и Института социалистических стран ПАН — затронули в своих статьях обширный круг вопросов, касающихся политических, экономических и культурных взаимоотношений между СССР и Польшей со времени Великой Октябрьской социалистической революции до конца второй мировой войны.

В сборнике обобщен большой фактический материал по истории советско-польских отношений, рассмотрены слабо разработанные или мало освещенные в нашей историографии вопросы. Этому в большой мере способствовали использованные при написании статей материалы советских и зарубежных архивов.

В статье И. А. Хренова «Коммунистическая рабочая партия Польши в борьбе за нормализацию польско-советских отношений (1918—1921 гг.)», которой открывается сборник, показывается выдающаяся роль КРПП, как революционного авангарда польского пролетариата,

организации движения солидарности с Октябрьской революцией в России и всемерной поддержки Страны Советов трудящимися Польши. Прослеживается самоотверженная борьба польских коммунистов в защиту Советской страны в годы польско-советской войны. Автор рассматривает основные средства политического воздействия польских коммунистов на массы — печатную и устную пропаганду, организацию забастовок и антивоенных демонстраций под лозунгом: «Руки прочь от Советской России!». Усилия КРПП, направленные на развитие добрососедских, дружественных отношений между польским и советским народами, не ослабевали и после подписания Рижского мирного договора (март 1921 г.), когда изменилась политическая обстановка. В этот период, показывается в статье, польские коммунисты центр тяжести своей политической деятельности переносят на пропаганду достижений советского народа в строительстве социалистического общества.

Отдельным недостаточно изученным сторонам вопроса о возвращении польских трудящихся из Советской России на родину и их роли в общественно-политической жизни Польши посвящена статья И. С. Яжборовской «О некоторых аспектах влияния Октября на содержание, направление и формы классовой борьбы в Польше (1918—1923 гг.)». Используя, в частности, методику анализа и терминологию социальной психологии, И. С. Яжборовская сделала успешную попытку более подробно выяснить социальный состав, а также изучить влияние различных категорий репатриантов на развертывание польского рабочего движения. Автор статьи закономерно приходит к выводу, что деятельность многих категорий польских репатриантов (революционеры-марксисты из СДКПиЛ, члены ППС-левицы, часть ППС-фракции и беспартийные польские интернационалисты), участвовавших в Великой Октябрьской социалистической революции, стала «существенным компонентом революционного подъема 1918—1919 гг. на польских землях, что влияние Великого Октября сказалось также на тех слоях польских трудящихся (в основном беженцев), которые оставались в стороне от политической борьбы. Исследовательница, характеризуя исторические события в рассматриваемый период, приводит интересные материалы, раскрывающие отношение к революционным событиям правящих классов Польши, в том числе клира.

Ценный обобщенный фактический материал по развитию торгово-экономических связей между Советской Россией и Польшей содержит статья П. Н. Ольшанского «О советско-польских торгово-экономических связях в 1921—1924 гг.». Автор ее аргументировано показывает отрицательное отношение польского правительства к налаживанию экономических связей с первой в мире социалистической державой. Уже в 1921 г., отмечается в статье, польскую экономику все больше охватывал промышленный кризис, основной причиной которого явля-

лось отсутствие рынка сбыта. Объективная необходимость в восстановлении экономических связей и товарообмена в равной степени признавалась как советской, так и польской делегациями в Риге. Правительство СССР и в дальнейшем прилагало много усилий к расширению торговли с Польшей. В ряде случаев эти усилия имели положительный результат. Однако в целом, подытоживает автор статьи, торговый оборот на протяжении всего межвоенного двадцатилетия осуществлялся в мизерных размерах и регулировался кратковременными соглашениями. П. Н. Ольшанский отмечает последовательную борьбу Коммунистической рабочей партии Польши за развитие экономических связей между Польшей и Советским Союзом.

Интересное исследование о культурном сближении между польским и советским народами в 30-х годах, после заключения между обеими странами пакта о ненападении, сделала С. М. Фалькович. В своей статье «Из истории советско-польских культурных связей» она констатирует определенную активизацию (вопреки яростному сопротивлению реакционных кругов Польши) культурных отношений между двумя странами, выразившуюся в организации различных выставок, книгообмене, постановке пьес советских и польских драматургов, демонстрации советских фильмов, в гастролях артистов и т. д.

Важным вопросом нормализации советско-польских отношений посвящены статьи Е. Куманецкого «К вопросу о реализации статьи V Рижского мирного договора» и И. В. Михутиной «Советско-польский пакт о ненападении и внешняя политика Польши в 1931—1932 гг.». Обе работы представляют собой систематизированную, углубленную разработку двух важнейших событий в истории советско-польских отношений. В этом же плане написана статья Ф. Г. Зуева «Советско-польские отношения накануне и в период европейского кризиса 1938 г.», в которой подробно освещаются мало разработанные аспекты советско-польских отношений в связи с польско-литовским конфликтом и Мюнхеном.

Следует отметить статью Г. В. Макаровой «Поездка делегации трудящихся Польши в СССР (1929 г.)», раскрывающую важную роль интернациональных связей, солидарности между трудящимися СССР и Польши. К сожалению, это — единственная в сборнике статья непосредственно на подобную тематику.

В сборнике не нашли должного отражения материалы о многогранной деятельности советской и польской секций МОПР, об интернациональной работе различных общественных организаций СССР, во многом способствовавшей укреплению польско-советской дружбы.

Авторами рецензируемого сборника рассмотрены также вопросы советско-польских отношений в годы совместной борьбы с гитлеровскими захватчиками и в первые послевоенные годы. Этому посвящены статьи В. Т. Ковальского «Борьба Советского правительства за установление границы по Одре и Нисе Лужицкой» и Э. Басиньского «Помощь СССР в развитии западных и северных земель народной Польши».

В первой статье детально освещаются позиции Советского Союза и его союзников по антигитлеровской коалиции в годы второй мировой войны при решении вопросов послевоенной европейской безопасности, в частности, вопроса о польской государственной границе на западе. Во второй статье говорится об успехах, которых добилась народная Польша на воссоединенных землях в ходе социалистического строительства.

Э. Басиньский убедительно показывает огромную роль поставок советских товаров, капитального оборудования, а также кредитов на основе долгосрочных соглашений для процесса индустриализации Польши. Развитию польской промышленности на западных и северных землях, как и во всей стране, отмечает автор, способствовало укрепляющееся сотрудничество Польши и Советского Союза в области науки и техники. Последовательная, твердая позиция Советского Союза в вопросе нерушимости западной границы Польской Народной Республики стала важнейшей предпосылкой успехов, достигнутых трудящимися ПНР.

В заключительной статье рецензируемого сборника — «Вопросы польско-советских отношений межвоенного периода на страницах польского серийного издания» К. В. Большаковой дается квалифицированный обзор материалов, опубликованных в шести томах серийного польского издания «Из истории польско-советских отношений. Исследования и материалы».

Несмотря на отдельные недостатки, рецензируемый сборник — значительное явление в научной жизни историков-полонистов.

П. М. Калениченко, В. А. Герод

Как уже указывалось выше, наибольшей популярностью у крестьян пользовался извоз. Крестьяне стремились к приобретению лошадей, так как это давало им возможности для систематических побочных заработков. По мнению Ю. Смяловского, в этом проявлялась уже капиталистическая инвестиция в орудия труда с целью получения прибыли. По-видимому, это утверждение не совсем точно отражает суть данного явления.

Мотивы, которые побуждали крестьян к дополнительным заработкам, были различны. Это зависело от размеров земельного надела. Зажиточные крестьяне стремились таким путем укрепить свои хозяйства в экономическом отношении. Владельцам же мелких земельных наделов дополнительные заработки давали возможность для получения прожиточного минимума, так как их карликовые участки не обеспечивали средств существования крестьянской семье. Именно внутри этого слоя крестьян наиболее четко проявлялось стремление к переходу в ряды городского пролетариата. Органы государственной администрации не только поощряли, но и пропагандировали побочные заработки крестьян, так как, с одной стороны, видели в этом средство, отдаляющее радикальное разрешение аграрного вопроса. С другой стороны, государство, являясь собственником промышленных предприятий, стремилось обеспечить их дешевой рабочей силой, эксплуатируя крестьян, занятых на собственных операциях, а также при транспортировке сырья, топлива и готовой продукции. Такую же позицию в отношении побочных заработков крестьян занимали и частные предприниматели.

Отношение помещиков к неземледельческим заработкам крестьянства, как указывает автор, определялось рядом факторов. Как правило, одобительно относились к ним те помещики, которые сами являлись владельцами промышленных предприятий или проводили интенсивную вырубку лесов. Положительное отношение наблюдалось и со стороны землевладельцев, переводивших своих подданных на чинш или на выкуп, для уплаты которых крестьянам нужны были деньги. Напротив, помещики из аграрных районов Королевства Польского, где крестьяне обрабатывали барщину и где ощущался недостаток рабочей силы в фольварках, относились негативно к неземледельческим заработкам крестьян.

Интересна четвертая глава монографии, посвященная вопросу о значении неземледельческих заработков для крестьянского хозяйства. Неземледельческие заработки крестьян несомненно способствовали развитию товарно-денежных отношений в польской деревне. В то же время Ю. Смяловский подчеркивает, что они оказывали в определенной мере отрицательное влияние на развитие капи-

талистического рынка, ограничивая применение наемной рабочей силы пролетариев, которые вынуждены были все покупать на рынке. Крестьяне же, занятые на промышленных предприятиях, свои основные потребности в продуктах питания удовлетворяли за счет земельного надела.

Пятая глава исследования посвящена проблеме формирования классового и национального сознания рассматриваемой категории крестьянства. Автор отмечает, что основной формой борьбы крестьян против эксплуатации являлся отказ от низкооплачиваемой работы. В первую очередь здесь следует отметить занятия, связанные с перевозками сырья и различных материалов для промышленных предприятий, которые, как правило, не располагали собственными средствами транспорта. Сознвая это, крестьяне бойкотировали работу, зачастую вынуждая предпринимателей или органы государственной администрации выплачивать заработную плату. Ю. Смяловский определяет эти действия крестьян как сознательную форму классовой борьбы, близкую по своему характеру к забастовке рабочих, с той только разницей, что отказывающиеся от работы крестьяне не находились еще в трудовых отношениях с предпринимателем. По-видимому, это различие в положении рабочего, участвующего в забастовке из-за низкой заработной платы, и крестьянина, бойкотирующего побочное занятие по той же причине, было весьма существенным. Как известно, у рабочего в отличие от крестьянина, имевшего земельный надел, труд на фабрике был единственным источником существования. Поэтому указанные формы классовой борьбы тех и других были несколько различны. У пролетариев эта борьба носила более принципиальный характер.

Иную, менее зрелую форму борьбы крестьян против эксплуатации представляли хищения материалов и сырья, как например, леса, руды, древесного угля, полуфабрикатов и готовых изделий. Это было, по мнению автора, своеобразным дополнением к заработной плате.

Ю. Смяловский пытается также проследить влияние неземледельческих заработков крестьян на их позицию в период национально-освободительного «восстания» 1863—1864 гг. Отдельные данные свидетельствуют об активной поддержке повстанцев этой категорией крестьян. В целом, однако, можно признать обоснованным утверждение автора о том, что положительное влияние неземледельческих заработков крестьян на уровень их классового и национального сознания в рассматриваемый период прослеживается еще недостаточно четко.

В рецензируемой работе проблема неземледельческих заработков крестьян несколько искусственно ограничена и, по-

видимому, в определенной мере навязана автору спецификой основного источника — престабионными табелями 1846 г. Как известно, они содержат данные только о той категории крестьян, наделы которых превышали три морга. Впрочем, автор указывает, что объектом его исследования являлись прежде всего крестьянские хозяйства с крупными и средними земельными наделами, т. е. по крайней мере свыше 12 моргов.

Книга снабжена иллюстрациями, таблицами, составленными автором на основе статистических данных, тщательно выполненными картами, отражающими неzemледельческие заработки крестьян в различных регионах Королевства Польского.

Монография Ю. Смяловского несомненно представляет большую ценность для исследователей.

Е. Е. Станкевич

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ТРУДОВ О. ГОСТИНСКОГО

Рецензируемый сборник избранных работ известного чешского ученого XIX в. Отакара Гостинского¹ представляет читателю статьи, посвященные различным вопросам развития чешского искусства и литературы. Составители (Д. Голуб, Г. Грзалова, Л. Лантова) провели огромную, кропотливую исследовательскую и разыскательную работу, чтобы отобрать из богатого творческого наследия ученого все наиболее ценное, в том числе статьи и заметки, никогда не переиздававшиеся после их первоначального опубликования в журналах 80—90-х годов прошлого века или оставшиеся в рукописи и пролежавшие до сего времени в архивах. Все эти материалы помогают более полно и отчетливо представить себе место О. Гостинского в современной ему литературной теории и критике и его роль в развитии чешской эстетики.

Первая часть книги содержит статьи и исследования общего характера, которые характеризуют взгляды автора на искусство и науку (статьи «О прогрессе искусства», «Искусство и общество», «О художественном реализме» и др.).

Во второй части сгруппированы статьи, в которых Гостинский исследует теоретические проблемы развития литературы как одного из видов искусства, в частности поэтику.

В третьей части опубликованы критические статьи и рецензии на отдельные художественные произведения. Эти, казалось бы частные, сугубо конкретные, статьи не менее отчетливо, чем большие теоретические исследования, обнаруживают принципиальные позиции ученого, его приверженность искусству реализма.

Послесловие к сборнику написано Г. Грзаловой, перу которой принадлежит ряд плодотворных исследований различных этапов и аспектов развития чешской эстетики и литературной критики. Автор подчеркивает живую преемственность чешской демократической критики прошлого века и современной критики: «Обращение к наследию является не формальным актом, но необходимым

обновлением памяти о нашей социалистической критике, использованием традиции, способной помочь ей в возрождении внутренней силы и единства» (стр. 515).

Не случайно обращение к наследию именно О. Гостинского — крупнейшего представителя чешской демократической эстетики, человека широко эрудированного во всех видах искусства. Современные чешские литературоведы, как говорится в послесловии, видят в Гостинском не только своего предшественника, но и верного соратника. Издание избранных статей Гостинского имеет своей целью облегчить более углубленное знакомство с тем звеном чешской критической мысли, которое служит как бы переходным мостом между демократической критикой и теорией XIX в. и современным марксистским мировоззрением.

Совершая краткий экскурс в историю чешской критической мысли, Г. Грзалова выделяет первый этап — статьи Тыла, Гавличка, Сабини, в которых складывался патриотический идеал прогрессивного, демократического толка, убеждение в активной общественной роли литературы.

Следующий этап развития чешской прогрессивной литературоведческой и эстетической мысли, которая связывала патриотизм с борьбой за общественный прогресс и глубокое познание действительности и стремилась к идеалу социальной справедливости, как верно отмечает автор предисловия, представлен Я. Нерудой. Его противники (Я. Малый, Ф. Закрейс, Ф. Шульдц и др.) были выразителями охранительных тенденций так называемой чистой чешской литературы, призванной провозглашать идею единства нации, но отнюдь не акцентировать ее внутренние социальные противоречия. Грзалова подчеркивает, что Гостинский сумел оценить не только труды своих единомышленников, но отдать должное и творчеству своих противников, в частности И. Дурдика, опиравшегося на формалистическую эстетику Гербарта. Так, Гостинский высоко оценил попытку Дурдика найти общий знаменатель для литературных боев своего времени, выработать единые научные эстетические критерии,

¹ O. H o s t i n s k ý. Studie a kritiky. Praha, 1974.

Автор предисловия убедительно доказывает, что эстетическая программа О. Гостинского органически связана с его прогрессивными общественными взглядами, вытекает из осознания реакционности иллюзий о единстве наций, из убеждения, что национальное искусство развивается в неразрывной связи с реальной действительностью. Г. Грзалова соотносит многие положения теории Гостинского с современными взглядами на литературу, подчеркивая актуальность эстетической концепции классика XIX в.

Источником искусства, по Гостинскому, является сама реальная действительность, именно в ней заключен положительный идеал, именно она рождает идею художественного произведения, органически вытекающую из самого материала, действия, психологии героев, а не привносимую художником извне. Это открывает дорогу для понимания других важных принципов его эстетики. Гостинский считал проблему правдивости в искусстве эстетически столь же важной, как и категорию прекрасного. По его мнению, правда в искусстве всегда связана с реальной действительностью, с прогрессивной позицией художника. Критик проводил четкий водораздел между реализмом и псевдореалистическим искусством, которое имеет лишь внешнее подобие реализма, но не способно на глубокие художественные обобщения и то-

пит правду жизни в мелочном описательстве. Он четко различал и учил различать принципиальную разницу между эмпирической описательностью и функциональной ролью художественной детали («Механическое нагромождение правдивых подробностей не может создать правдивого целого»). Гостинский утверждал, что формалистическая эстетика не может быть реалистической прежде всего потому, что спор о реализме — это спор о взаимоотношении правды, действительности и прекрасного, а формалисты терпят правду в искусстве лишь «по милости прекрасного». Критик придавал большое значение активности самого художника.

В предисловии подчеркивается, что З. Неядлы продолжал и развивал многие теоретические положения Гостинского в своей борьбе за реалистическое искусство, за правильное понимание его эстетических принципов (в частности, в статье «О подлинном и ложном реализме» и др.).

Появление данного сборника представляется весьма важным и актуальным. Произведения чешского классика XIX в. заняли достойное место в той борьбе за реалистическое искусство, в том активном наступлении на антимарксистскую идеологию, которые ведет сейчас чешская марксистская критика.

А. Соловьева

«Художественната култура и развитото социалистическо общество»,
София, 1974

«Художественная культура и развитое социалистическое общество»

Рецензируемая книга посвящена 30-летию победы социалистической революции в стране. Это сборник статей хорошо известных у нас деятелей болгарской культуры, в котором дается оценка культурным процессам пройденного 30-летия, глубоко анализируются наиболее актуальные вопросы социалистической художественной культуры Болгарии, а также вопросы, связанные с перспективами ее дальнейшего культурного развития.

В отличие от обобщающих трудов подобного содержания, изданных за последние годы¹, настоящий сборник подводя итоги, является вместе с тем, пожалуй, первым коллективным опытом научно-теоретического осмысления процессов художественной культуры страны в эпоху ее зрелого развития.

Вопросы культурной политики партии, специфика современного художественно-творческого процесса, влияние научно-технической революции на развитие культуры, социология художественной культуры, эстетическое воспитание, роль средств массовой информации в современном культурном развитии, прогнозирование художественной культуры — вот лишь неполный перечень проблем, которые анализируются болгарскими авторами.

Сборник открывается статьей А. Лилова «Партия и строительство социалистической культуры Болгарии». Ретроспективно анализируя политику Болгарской коммунистической партии в области культуры, автор подчеркивает, что лучшим ее деятелям было присуще творческое усвоение марксистско-ленинского учения о культуре, верное понимание места и роли культуры в обществе, ее социальной сущности и классовых функций. Этому во многом способствовало правильное использование ими прогрессо-

¹ «Формиране и развитие на социалистическата култура в България». София, 1971; «Култура и искусство в социалистическа България». София, 1972.

сивных демократических традиций болгарской культуры в новых исторических условиях, а также плодотворное применение и развитие опыта Коммунистической партии Советского Союза.

Одним из важнейших результатов такой политики партии в ходе строительства социалистической культуры А. Лиллов считает формирование преданной партии социалистической интеллигенции. Он отмечает, что современные творческие союзы художественной интеллигенции Болгарии утвердились как авторитетные и влиятельные общественные институты благодаря последовательному проведению партией общественно-государственного принципа управления культурой, сочетаемого с димитровским стилем руководства художественной интеллигенцией.

С 1967 г. по инициативе партии в Болгарии проводится общественно-государственное управление культурой. Результаты его осуществления в сфере художественной анализируются в статьях Л. Живковой², С. Ганева, Л. Димитрова и др. В них раскрываются такие вопросы, как сущность общественно-государственного принципа руководства культурой, условия и формы дальнейшей демократизации культуры, усовершенствование системы ее планирования, специфика управления художественной культурой, функционирование ее органов, анализируются некоторые социологические характеристики художественно-творческих организаций.

Авторы рассматривают общественно-государственную форму управления как наиболее эффективную и гибкую, а общественно-государственные органы управления «как целостную функционирующую систему, покрывающую вертикально и горизонтально всю страну». Существенным является стремление авторов показать, что общественно-государственное начало — где общественное и государственное представляют диалектическое единство и ведут к созданию новой институции в социальном управлении культурой — плод современного социалистического развития страны. Вместе с тем проводится мысль о необходимости четкого определения специфики управления в художественной сфере в условиях развитого социалистического общества.

Авторы не ограничиваются теоретическими декларациями по этому поводу, они приводят ряд конкретных примеров, высказывают интересные соображения. Так, Л. Димитров в статье о социологических аспектах культуры заостряет внимание на политике ориентации дея-

тельности творческих работников. Одним из вариантов такого подхода является комплекс средств управления художественно-творческой деятельностью, в частности применение программно-целевого метода в решении темы современности в искусстве.

Другая, не менее важная, проблема, которой уделено большое место в сборнике, — характер и специфика художественной культуры периода развитого социалистического общества, проблема зрелости этой культуры.

П. Матев в статье «Развитому социалистическому обществу — зрелая социалистическая культура» степень зрелости этой культуры определяет отношением «художник — современность». Здесь он выделяет такие категории, как активная созидательность творчества художника, его ответственность в строительстве современной художественной культуры, стремление к высокому профессионализму, повышение взыскательности при усвоении художественных ценностей, борьба с безвкусицей и др.

В болгарской художественной культуре довольно энергично и естественно проходил процесс овладения эстетикой социалистического реализма. Динамика этого процесса в истории литературы прослеживается в статье Ч. Добрева. В современной болгарской литературе автор видит чрезвычайно богатую панораму творческих индивидуальностей, причем наличие определенных типологических целостностей (таких, например, как тип творческого мышления) говорит об активном присутствии основного творческого метода и его плодотворном развитии.

Специфика современного художественного развития видится авторам сборника и в многовариантности тенденции обращения художников к психологии народа (статья П. Зарева), и в стремлении к строгой научности и планомерности в художественной критике (статья Е. Каранфилова), и в новом уровне сотрудничества болгарской и советской художественных культур (статья В. Колевского).

Не без основания выделяется в сборнике проблема соотношения научно-технической революции и художественной культуры. П. Ничков справедливо обращает внимание на то, что с возникновением эпохи научно-технической революции в культуре создалась новая ситуация, которая ознаменовалась усиленной интеграцией между научно-технической и культурно-идеологической сферами, интеллектуализацией всех областей материальной и духовной жизни общества, увеличением относительного числа интеллигенции. На значении интеграционных процессов в области науки и техники и их влиянии на развитие художественной культуры делает акцент и А. Стойков. Международный характер научно-технической революции, проблема свободного

² Статья Л. Живковой была опубликована в 1972 г. (см. «Работническо дело», № 275, 1 X), когда многие установки по вопросам управления культурой еще не стали реальностью.

времени, художник и научно-техническая революция, роль эстетического воспитания в условиях ее — предмет его теоретического анализа.

Проблема эстетического воспитания с большой глубиной и компетентностью анализируется К. Горановым.

Знаменателен факт, что впервые в Болгарии в такого рода издании анализируется роль радио и телевидения в условиях современного социалистического общества. Эти средства массовой информации рассматриваются авторами В. Кунчевым и А. Ангеловым в их двух важнейших функциях — создании и распространении художественных ценностей культуры.

В книге получили отражение также итоги некоторых теоретических разработок вопросов прогнозирования художественной культуры. Здесь дается серьезная аргументация необходимости прогнози-

рования, приводится ряд его социодинамических параметров, указываются методы прогнозирования, на примере конкретного вида художественной культуры разбираются основные этапы прогностического процесса.

Многообразие затронутых в сборнике проблем — достаточно ясное свидетельство того, что его составители (А. Стойков и К. Попов) стремились дать возможно более полную картину процессов развития современной художественной культуры Болгарии. Достоинство книги в том, что при всей тематической насыщенности ретроспекция, синтез и начертание перспектив оцениваются в единой концепции: зрелость художественной культуры современного социалистического общества — плод ее 30-летнего свободного развития и старт в будущее.

О. А. Северная.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ КАК ОБЪЯСНЯЮЩИЙ ФАКТОР

Трудно, пожалуй, найти другую работу, которая бы так отчетливо отразила методический уровень нашего сравнительного литературоведения, как книга В. М. Казберука «Ступени роста»¹. Общая цель изучения литературных связей (в данном случае белорусско-польских) для автора теоретически ясна, и он раскрывает ее на конкретном материале. Поставив своей задачей «исследовать отдельные аспекты освоения и развития белорусскими писателями XIX — начала XX в. прогрессивных традиций польской литературы» (стр. 6), автор рецензируемой монографии добился значительных результатов. В какой-то мере, правда, ему «помогал» сам материал.

Вследствие неблагоприятных условий исторического развития Белоруссия долгое время не имела своей национальной литературы, которая как таковая стала формироваться лишь в XIX в. В этом процессе ее возникновения и последующего ускоренного развития огромную роль играло то, что зачинатели новой белорусской литературы, а позднее и ее корифеи опирались на достижения братских славянских литератур — русской, польской и украинской. Из этого комплекса литературных отношений Белоруссии В. М. Казберук выделяет ее связи с польской литературой, чтобы по возможности полнее раскрыть значение польского влияния на развитие белорусской литературы на разных ступенях ее эволюции. При этом он выявляет несколько форм литературного общения Белоруссии с Польшей.

Одну из таких форм представляли переводы с польского, которые в период возникновения новой белорусской литературы превосходили ее оригинальные произведения не только более высоким художественным качеством, но и количеством. Для зачинателей белорусской литературы эти переводы с польского являлись не только превосходной школой, помогавшей находить кратчайшие пути к «овладению секретами художественного творчества» (стр. 26), но и чрезвычайно существенным дополнением к отечественному фольклору, служившему для них важнейшим поэтическим арсеналом.

Другой, чрезвычайно любопытной формой польско-белорусских контактов было непосредственное отражение в творчестве некоторых польских поэтов и прозаиков жизни Белоруссии и ее фольклора. К таким писателям принадлежали А. Мицкевич, В. Сырокомля, Э. Ожешко и отчасти Ю. И. Крашевский, сочинения которых были доступны многим белорусским читателям в оригинале, либо распространялись в русских и белорусских переводах. Как доказывает В. М. Казберук, произведения этих польских писателей впитали в себя некоторые элементы белорусской культуры, став вследствие этого особенно популярными в Белоруссии и значительными для формирования белорусской литературы.

Порождением этой формы польско-белорусского литературного общения явилась, в частности, былица. В жанровом отношении она близка польской гавенде, от которой отличается лишь тем, что жизнь преломляется в ней через крестьянское, а не шляхетское мировосприятие. Но обе они сложились на одинаковой разговорно-повествовательной основе,

¹ У. М. К а з б е р у к. Ступени росту. Минск, 1974, 190 стар.

причем гавенда, как установили польские ученые, более всего обязана своим внедрением в польскую литературу именно тем писателям, творчество которых было связано с Белоруссией и Украиной. В белорусскую литературу ближды ввел В. Дунина-Марцинкевич, последователь польских романтиков, у которых гавенда была особенно популярна. Таким образом, изучение литературных связей помогло В. М. Казберуку разобраться в одном из сложных жанровых новообразований белорусской литературы и вместе с тем пролить дополнительный свет на генезис польской гавенды. Анализируя далее сходство и различия между этими чрезвычайно своеобразными жанрами, В. М. Казберук вносит существенную поправку и в представления своих коллег, терявшихся в догадках насчет того, как объяснить необычное соединение в творчестве В. Дунина-Марцинкевича признаков поэмы, повести, баллады и идиллии, а также сентиментальных, классицистических, романтических и даже реалистических тенденций. В. М. Казберук доказывает, что эта проблема решается проще и убедительнее, если привнест в внимание жанровое своеобразие ближды: «природой самого жанра произведений В. Дунина-Марцинкевича объясняются многие их идейно-художественные особенности» (стр. 16). При учете литературных связей более глубокого истолкование получает и творчество крупнейшего белорусского поэта конца XIX в. Ф. Богусевича, сыгравшего исключительную роль в становлении новой белорусской литературы (стр. 37).

Говоря о польских писателях, связанных с Белоруссией, В. М. Казберук особо подчеркивает ту роль, какую сыграла в истории белорусской литературы Э. Ожешко, посвятившая не одно произведение жизни белорусских крестьян и выходцев «из разных сфер». Образ белорусского крестьянина у Ожешко наделен высокими духовными и моральными качествами. Если Дунина-Марцинкевич еще увлекался мечтой о гармонии между благородным паном и селянином, то Ожешко, при всех ее солидаристских иллюзиях, воплощала в образе белорусского крестьянина только его слитность с родной природой и высокую нравственность. Пристальное внимание к внутреннему миру белорусского крестьянина позволило Ожешко нарисовать обаятельный образ Петруси (героиня «Дзюрдзей»), который по мнению В. М. Казберука, «может быть поставлен в ряд с наиболее выдающимися образами белорусской женщины» (стр. 84). Отражая забитость, темноту и суеверность белорусских крестьян, их социальную инертность, писательница стремилась при этом вскрыть обусловленность этих черт обстоятельствами жизни своих героев. Это были не фольклорные обобщенные образы, а типы,

созданные по законам реалистического искусства, и потому молодая белорусская литература, вступавшая в начале XX в. на путь реализма, могла широко опираться на традиции Ожешко. Польская писательница принимала деятельное участие в создании белорусского национального театра, для которого специально написала пьесу по рассказу «В зимний вечер». Нельзя не согласиться с белорусским ученым, что если место Ожешко в польской литературе раскрыто уже достаточно полно, то значение ее наследия для белорусской литературы едва лишь намечено. В значительной мере этот пробел восполняет рецензируемая книга.

В первом десятилетии XX в. белорусская литература, по словам исследователя, стала включаться в мировой литературный процесс. Разрыв, который еще недавно отделял ее от развитых современных литератур, после революции 1905 г. был преодолен. «Сборник „Путем жизни“ Я. Купалы и „Венок“ М. Богдановича, поэмы Я. Коласа „Новая земля“, и „Симон музыкант“, — пишет В. М. Казберук, — явились значительным вкладом в сокровищницу лучших произведений славянских литератур» (стр. 98). Этот замечательный прогресс был достигнут белорусской литературой во многом благодаря интенсивному развитию ее связей, в частности белорусско-польских, которые в XX в. вступили в новую стадию своего развития. В. М. Казберук обосновывает это положение своим анализом отношения Янки Купалы к традициям польской литературы и ее новым веяниям. Он подробно разбирает переводческую деятельность Купалы и в этой связи раскрывает значение М. Конопницкой для развития белорусской литературы.

Хотя переводческая деятельность Купалы уже освещалась, но никто до В. М. Казберука не рассматривал еще, как отразилась она на творческом развитии белорусского писателя. По В. М. Казберуку, Конопницкая была близка прогрессивным литераторам Белоруссии прежде всего своей непримиримостью к общественному злу, своим сочувствием обездоленным и высоким мастерством поэтического выражения их внутреннего мира. Это и влекло к ней Купалу, прошедшего у польской писательницы, в процессе перевода ее стихов, основательную школу мастерства. Исследователь справедливо считает достойным внимания, что оригинальные стихотворения молодого Купалы уступают его поэтическим переводам из Конопницкой. Опираясь на такие наблюдения, сопоставляя ранние опыты белорусского поэта с позднейшими, В. М. Казберук и выявляет ту роль, какую сыграли польские переводы в творческом становлении Купалы. Прежде всего они приучали его по-особому внимательно относиться к смысло-

вым и эмоциональным оценкам белорусского и польского слова. Ограничивая выбор образов, работа над переводом в то же время заставляла сосредоточиваться на поисках поэтического эквивалента в белорусском языке, на усвоении из польской поэзии некоторых метафор, символов, различных стихотворных размеров и т. д. Тем самым переводческая деятельность одновременно и дисциплинировала мысль поэта, и стимулировала ее, побуждая к смелым решениям, которые затем использовались и в самостоятельном творчестве. Сопоставление зрелых вещей Купалы со стихотворениями Конопницкой показывает, что «ученическое прилежание» белорусского певца, ускорившее его поэтическое становление, сменилось вскоре тем идейно-художественным родством, при котором доминирует оригинальность. Так, творческую манеру Конопницкой и Купалы роднит особая романтическая приподнятость их стиля. О стихотворении Купалы «Будь смелым» можно даже утверждать, что оно написано под влиянием стихотворения Конопницкой «Будь сильным», в котором, в свою очередь, переосмысляются мотивы мицкевической «Оды к молодости». Таким образом, оба произведения, восходя к традициям Мицкевича, только как бы перекликаются между собою, являясь вполне самостоятельными, оригинальными по замыслу и содержанию.

Разумеется, влияние Конопницкой на белорусскую литературу начала XX в. не исчерпывалось поэзией Купалы, как не ограничивались и связи самого Купалы с польской литературой творчеством одной только Конопницкой. Автор рецензируемого исследования отмечает, что на белорусскую литературу влияли не только реалистические и романтические тенденции, но и модернистские. Своеобразие этого смешанного влияния заключалось в том, что несмотря на наличие разных стилевых и идейно-эстетических тенденций творчество ведущих белорусских писателей начала нашего столетия «отличалось революционно-демократической направленностью» (стр. 129). Эту мысль В. М. Казберук раскрывает на примере «Извечной песни» и «Сна на кургане». По своей символично-аллегорической образности, особенностям композиции и стилю названные драматические поэмы Купалы явно перекликаются с романтическими традициями, но в той их форме, которая была выработана модернистской литературой (поэтому В. М. Казберук совершенно правильно называет их неоромантическими). В частности, рассматривая связь купаловской «Извечной песни» с «Извечной сказкой» С. Пшибышевского, он убедительно доказывает, что белорусский певец как бы специально

использовал космические образы и художественные приемы, характерные для модерниста Пшибышевского, в целях противопоставления его неверию в народ своей веры в необходимость героической жертвенности во имя народа и истины. В. М. Казберук верно замечает, что купаловскую «Извечную песню» и «Сон на кургане» трудно понять до конца, если оставаться на почве одних национальных традиций. «Правда, именно на этих традициях основывается идейное содержание произведений, некоторые особенности образной структуры. Но все символично-аллегорическое значение драматических поэм Купалы, — поясняет он, — может быть раскрыто только в широком контексте европейского литературного развития, драматургического творчества предшественников и современников Купалы — А. Мицкевича, Ю. Словацкого, И. Мадача, Л. Андреева, С. Пшибышевского, Е. Жулавского» (стр. 152).

Если цель изучения литературных связей достаточно ясна автору, то методика их установления является для него, как, впрочем, и для всего нашего литературоведения, нерешенной проблемой. Хотя попытки разграничить сферы самозарождения и заимствования предпринимались уже давно, однако надежные способы отличать реальный источник от литературного и, следовательно, «свое» от «чужого» до сих пор не найдены. Даже когда доподлинно известно, что один писатель влиял на другого, обнаружить в их творчестве доказательства этой связи бывает нередко делом если не безнадежным, то крайне сомнительным. К чести В. М. Казберука надо сказать, что он в подобных случаях не слишком полагается на сходство как на доказательство, не спешит с заключениями (см. стр. 111, 126 и др.), предпочитая держаться в широких границах вероятного, чем становиться на зыбкую почву сомнительных фактов. Тем не менее объяснить что-либо с помощью литературных связей, не устанавливая их наличие, никому еще не удавалось. Поэтому и у В. М. Казберука появляется то невольное смещение общих целей изучения литературных связей с задачами частного методического порядка, которое характерно для многих статей и книг. Как преодолеть это препятствие на пути движения нашего литературоведения? Думается, что прежде всего надо осознать его и, осознав, строже разграничивать решение этих двух различных задач, особенно в трудах, где их приходится рассматривать совместно.

Поучительное методическое значение книги В. М. Казберука «Ступени роста» как раз и заключается в том, что она подводит к постановке этого вопроса.

И. К. Горский

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ
В 1974—1975 гг.

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

Абрагамовичова И. Некоторые методологические вопросы критики современного ревизионизма. (Из опыта борьбы с ревизионизмом в ЧССР.) Уч. зап. Высш. парт. школы при ЦК КПСС, 1974, вып. 2.

Дзыза О. Буржуазные модели социализма и главные направления их критики. Экон. науки, 1975, № 1.

Матюшек С. «Демократический социализм» — идеологическое и политическое орудие реакционных сил. В кн. «Политико-правовые доктрины современного империализма». М., 1974.

Проблемы идейной борьбы с современным социал-реформизмом и ревизионизмом. Чехословацко-советский симпозиум. Прага, сентябрь, 1974 г. Вопр. истории КПСС, 1974, № 12.

2. Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика

Белецкий В. Пути обеспечения европейской безопасности. В кн. «Проблемы современной Европы». М., 1974.

Капченко Н. Внешняя политика социализма и перестройка международных отношений. Междунар. жизнь, 1975, № 3.

Лощаков А., Цапанов В. Идеологическое сотрудничество социалистических стран. Междунар. жизнь, 1975, № 1.

Милюков В. Международные отношения нового типа. Междунар. жизнь, 1975, № 4.

Наперай В. Яркая страница польско-советской дружбы и сотрудничества. 30-летие подписания Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между ПНР и СССР. Полит. самообразование, 1975, № 4.

Ольшовский С. В интересах мира и социализма. (Внешняя политика ПНР.) «Коммунист», 1975, № 1.

Парсаданова В. Советско-польский договор о дружбе от 21 апреля 1945 г. в оценке советской и польской общественности. Сов. славяноведение, 1975, № 2.

Петров К. Основа братского сотрудничества СССР и ПНР. Междунар. жизнь, 1975, № 4.

Санаков Ш. Внешняя политика

социализма: истоки и теория. Междунар. жизнь, 1975, № 4.

3. Экономика. Экономическое сотрудничество

Ананьев М. Международные туристские связи социалистических стран зарубежной Европы. В кн. «Земля и люди». М., 1974.

Белый Э. Л., Александров А. И. Страны социализма и Латинская Америка. Латин. Америка, 1975, № 2.

Бордадын А. Ф. Международные связи СССР в области труда и социальных проблем. В кн. «Труд и заработная плата в СССР». М., 1975.

Борисов С. Связи стран СЭВ с африканскими государствами. Междунар. жизнь, 1975, № 4.

Борущко В. Социалистическая экономическая интеграция в области электротехники стран — членов СЭВ. Внешн. торговля, 1975, № 3.

Быков А. Н. К итогам IV Всемирного конгресса Международной Экономической Ассоциации. Изв. АН СССР. Сер. эконом., 1975, № 1.

Быков В. Ф. Объективные основы планомерного развития социалистической экономической интеграции. Уч. зап. Высш. парт. школы при ЦК КПСС, 1974, вып. 2.

Васильев В. Совместное планирование отраслей промышленности и видов производств в странах — членах СЭВ. Эконом. науки, 1974, № 12.

Венецкий И., Матюха И. Сопоставление статистиков социалистических стран по вопросам обследования семейных бюджетов. Вестн. статистики, 1975, № 2.

Вишовский Г. Двадцатипятилетнее сотрудничество в химической промышленности — наш вклад в интеграцию стран — членов СЭВ. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Владова Н. Планирование фонда заработной платы в промышленности зарубежных стран — членов СЭВ. Эконом. науки, 1974, № 12.

Габидуллин В., Дунин В., Черкашенинова О. Производительность труда в сельском хозяйстве стран — членов СЭВ. Вопр. эконом., 1975, № 3.

Гарбузов В. Сотрудничество в области валютно-финансовых и кредитных

отношений. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Гоголь Б. Научно-техническое сотрудничество обогащает науку и практику. Сов. торговля, 1975, № 2.

Грозев И., Ганчев К. Концентрация и специализация сельского хозяйства в НРБ. Междунар. с.-х. журн., М., 1975, № 2.

Гусев Б. В. Некоторые вопросы научно-технического прогресса европейских стран СЭВ. В кн. «Проблемы совершенствования управления научно-техническим прогрессом», М., 1975.

Журавлев Ю. СЭВ — Финляндия. Успешный старт. Междунар. жизнь, 1975, № 4.

Зайфрыд М. Основные этапы в деятельности Комиссии по транспорту и современные задачи. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Зубков А. Производственная интеграция стран СЭВ. Вопр. эконом., 1975, № 3.

Иванов И. Сотрудничество в области изобретательства и патентного дела. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Иванов И., Кынчев И. Внутрихозяйственный расчет в сельскохозяйственных предприятиях Болгарии. Междунар. с.-х. журн., М., 1975, № 2.

Иванченко Н. С. О сотрудничестве социалистических государств в области совершенствования рыбопромыслового флота и развития промышленного рыболовства. Вопр. правового регулирования мореплавания и промысла, 1974, вып. 3.

Казанец И. Четверть века сотрудничества в черной металлургии. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Керуль З. Организационные изменения в сельскохозяйственных предприятиях ПНР, их тенденции и причины. Междунар. с.-х. журн., М., 1975, № 2.

Кочка И. Двадцать пять лет сотрудничества в легкой промышленности. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Кочемай И., Бодров В. Критика буржуазных, реформистских взглядов по вопросам специализации, кооперации и экономической интеграции социалистических стран. Эконом. Сов. Украины, Киев, 1975, № 2.

Круль Б. Общественно-политические перемены в сельском хозяйстве Польской Народной Республики. Науч. тр. Моск. ин-та инженеров землеустройства, 1974, вып. 72.

Крыстев Г. Сотрудничество в области сельского хозяйства и пищевой промышленности. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Кунц Я. Развитие концентрации,

специализации и кооперации в чехословацком сельском хозяйстве. Междунар. с.-х. журн., М., 1975, № 2.

Лалаянц А. Два общества — две линии в развитии топливноэнергетического комплекса. План. хоз-во, 1975, № 4.

Лесечко М. Сотрудничество в рамках СЭВ и его значение. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Машенков В., Габидуллин В., Черкашенинова О. Разработка методики сопоставления производительности труда в сельском хозяйстве стран — членов СЭВ. Междунар. с.-х. журн., М., 1975, № 2.

Назаренко В. М. Вопросы многостороннего сотрудничества стран — членов СЭВ в области морского транспорта. Междунар. сотрудничество в области морского судоходства, 1975, вып. 2.

Новый Комитет Совета Экономической Взаимопомощи. Материально-техн. снабжение, 1974, № 12.

Одинокоев Б. Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ. Материально-техн. снабжение, 1974, № 12.

Орландич М. Экономическое сотрудничество СФРЮ со странами — членами СЭВ. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Палаш Л. Концентрация и специализация производства в госхозах Щецинского воеводства. Междунар. с.-х. журн., М., 1975, № 2.

Патоличев Н. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области внешней торговли крепнет и расширяется. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Полачек К. Развитие экономического и научно-технического сотрудничества в машиностроении за 25 лет. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Попов С. Судостроение Народной Республики Болгарии. Мор. флот, 1975, № 2.

Псурцев Н. Сотрудничество в области электрической и почтовой связи. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Рогличек Р. Четверть века плодотворного сотрудничества. (Сотрудничество ЧССР в рамках СЭВ). В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Рохлицер Й. Комплексная программа — важнейшая основа дальнейшего развития сотрудничества в области водного хозяйства. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Рязанов И., Легкоступ С. Об эффективности применения сельскохозяйственной авиации в странах СЭВ. Междунар. с.-х. журн., М., 1975, № 2.

Секер Д. Успешное сотрудничество в области цветной металлургии. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Сенин М. Международный экономический институт СЭВ. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Старовский В. Тесное сотрудничество статистиков стран — членов СЭВ. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Страны — члены СЭВ: основные итоги четырехлетнего развития. «Коммунист», 1975, № 5.

Супрановиц С. Некоторые вопросы совершенствования правовых основ сотрудничества. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Томов Г. Роль болгаро-радянської дружби і співробітництва для індустріального розвитку Народної Республіки Болгарії. (На прикладі Бургаського округу.) Укр. іст. журн., Київ, 1974, № 12.

Трахтенгерц Л. А. Правовое регулирование передачи научно-технических достижений между странами СЭВ. Труды Всесоюз. науч.-исслед. ин-та сов. законодательства, М., 1975, т. 2.

Фаддеев Н. Двадцать пять лет плодотворного сотрудничества. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Хейфец Б. А. Проблемы взаимной адаптации народнохозяйственных структур стран СЭВ. Изв. АН СССР. Сер. эконом., 1975, № 2.

Хоргош Д. Результаты сотрудничества стран — членов СЭВ и СФРЮ в радиотехнической и электронной промышленности. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Циммерманн Э. Развитие сотрудничества в области фрахтования и судостроительства. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Цолов Т. Сотрудничество со странами СЭВ — важнейший фактор экономического развития Народной Республики Болгарии. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Шабунина В. И. Народная Республика Болгария. В кн. «Проблемы экономического развития зарубежных стран социализма». ч. I. М., 1975.

Ширяев Ю. С. О некоторых теоретических проблемах международного социалистического разделения труда. Изв. АН СССР. Сер. эконом., М., 1975, № 1.

Шмелев Н. П. Внешнеэкономические связи как фактор научно-технического прогресса социалистических стран. В кн. «Проблемы совершенствования управления научно-техническим прогрессом». М., 1975.

Шнайдер Э. Повышать эффективность многостороннего сотрудничества в сфере внутренней торговли. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Шупка Л. Научно-техническое сотрудничество на новом этапе. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Эйдельман М. Международный семинар по социальной статистике. Будапешт, октябрь 1974 г. Вестн. статистики, 1975, № 2.

Экономическое и техническое сотрудничество стран — членов СЭВ с развивающимися странами. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Эмериш Г. Стандартизация — важный фактор ускорения технического прогресса. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

Югославия. Экономическое сотрудничество с Кенией, Угандой и Танзанией. 1969—1974 гг. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1975, № 4.

Ягельски М. Польская Народная Республика в Совете Экономической Взаимопомощи. В кн. «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ». М., 1974.

4. Коммунистические партии социалистических стран

Атлас М. Система политического образования в Польской объединенной рабочей партии. Полит. самообразование, 1975, № 1.

Гришин А. В. Решения XIV съезда КПЧ — основа развития чехословацкого общества. Рабочий класс и соврем. мир, 1975, № 2.

Макеев А. В. Деятельность КПСС по развитию производственного сотрудничества советского рабочего класса с рабочим классом стран СЭВ (1966—1970 гг.). Вестн. Моск. ун-та. История, 1975, № 1.

【СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1975, № 1

П. Стойчев. Александр Стамболийский — идеолог мелкокрестьянской демократии; Х. Тодорова. Актуальные проблемы болгарской праистории.

«Литературна мисъл», 1975, № 1

П. Зарев. Два современных поэта; К. Быклова. Пролетарская художественная проза и ранние творческие поиски А. Гуляшки и К. Калчева; С. Ге

чев. Георгиос Сеферис — национальный и современный; П. Юхас. Атанас Далчев; К. Станчев. Поэзия болгарских павликян. Л. дедла Гатта. Европейский символизм.

«*Език и литература*», 1974, № 5

Р. Вечерка. Вклад Кирилла и Мефодия в чехословацкую культуру; М. Матеич. Новоткрытые письменные данные о Паисии Хилендарском; К. Г. Попов. Словесно-художественное мастерство Демьяна Бедного в поэме «Главная улица»; Б. Блажев, Е. Лукич. Сходства и различия между двумя типами конструкций в русском и болгарском языках.

«*Български език*», 1974, № 6

Л. Андрейчин, К. Иванова. К 60-летию проф. Ю. С. Маслова; М. Чукова. Список научных трудов проф. Ю. С. Маслова; Ив. Лекков. Семантическая дифференциация и формальная унификация как причины акцентно-деривационных колебаний в современном болгарском языке; М. Деянова. К вопросу о вторичной префиксации болгарского глагола; Р. Ницолова. К вопросу о транспозиции императива в болгарском и других славянских языках; В. Станков. К вопросу об употреблении форм будущего времени в условных сложноподчиненных предложениях; П. Пашов. Об основах в глагольном формообразовании в современном болгарском литературном языке.

«*Zeitschrift für Slavistik*», 1974, № 3

Э. Генюшене, Р. Лётч. Литовский пассив в сопоставлении с русским и немецким; К. Костов. О препозитивном употреблении притяжательных прилагательных в некоторых балканских языках; Г. Шустер-Шевц. Предложения с мнимым субъектом типа в-луж. *wono so dešćkje* / н.-луж. *to se pada* и их место в славянском синтаксисе; Ф. Хинце. Англосаксонские заимствования в полабском; Г. Бензе. О влиянии научной грамматики на развитие литовского литературного языка; И. Дитце. Об одном кратком и переработанном изложении грамматики Смотрицкого, относящегося к 1638 г.; Х. Шмидт. Эволюция характеристики эпохи; Х. Шулце. Чтение А. Видертсом (1854/55 гг.) Гоголя, Кольцова, Тургенева в берлинском «*Tunnel über der Spree*»; М. Сымомря, Э. Рейсснер. Марко Вовчок и восприятие ее творчества в Германии; М. Бевернис. Л. Н. Андреев и царская юриспруденция.

№ 4

25-летие славистики в ГДР. В. Гладров. О сравнительном славянском языкознании в ГДР; Р. Лётч. Славянские элементы в грамматической структуре идиша; Р. Ружичка, Г. Вальтер. О связи семантики и синтаксиса; Б. Бартшат. Вопросы глагольного вида на VII международном съезде славистов в Варшаве; Р. Эккерт. Этюды по истории именных основ в славянском; Ф. Хинце. О состоянии исследований по полабистике; Х. Юнгер, К. Гейслер, М. Енихен. Литература социалистических стран; Н. Тун. История и реальность; В. Байтц. Теория социалистического реализма и современная советская литература; И. Леманн. О формировании взглядов Ленина на литературу; Э. Рейсснер. Н. А. Некрасов и традиции русского романтизма; А. Гладров. Тенденция развития словацкого романа о национальном восстании.

№ 5

Р. Опитц. Роман Л. Леонова «Русский лес»; Ю. Д. Левин. Достоевский и Шекспир; Х. Шмидт. О творческом методе Ф. М. Достоевского; А. Г. Татарицке. Радщев в Лейпциге; Ф. Вшетичка. Композиция романа А. М. Тильшовой «*Stará rodina*»; Х. Шмидт. «Трудный час» (1919) В. Панина — первый роман о революционной России?; С. Хоппе. О новых повестях Василия Быкова.

№ 6

Э. Эйхлер. Славяно-германские языковые контакты в области фонетики; Ф. Хинце. Германский и славянский в полабских названиях месяцев; Ф. Хинце. Поморско-польск. *rodwoda* 'повозка, телега', русск. *подвода* 'телега' в немецком; Б. Н. Павлов. Об этимологической природе славянского *jako*; М. Бауш. Русск. *калуга* — название большой рыбы; Р. Эккерт. Значение славянского фольклора и изучение фольклорного языка; М. Стоянов. Первые болгарские переводы с немецкого; К. Штедтке. Отжившая классика или живое наследие?; Г. Баро. О связи детских стихов Маяковского с поэмой «Хорошо»; Б. Видера. 500 новгородских берестяных грамот; Р. Эккерт. 10-летие балто-славянской комиссии при Национальном комитете славистов ГДР.

1975, № 1

А. Германн. Предисловие; З. Либера. Адам Мицкевич и традиции польского Просвещения; Я. Кульчиц-

ка я-Салони. Адам Мицкевич и польские позитивисты; Е. Цыбенко. Изучение А. Мицкевича в СССР; Э. Рейснер. Восприятие русского романтизма современниками в Германии; М. Войцик. Поэзия Байрона в современную ему эпоху; М. Шимчак. Изучение Адама Мицкевича и развитие польского литературного языка; С. Скорупка. Разговорные и диалектные обороты в «Пане Тадеуше» Адама Мицкевича; А. Германн. О популярности и влиянии перевода «Пана Тадеуша» на немецкий язык; С. Мозер. К вопросу о переводе произведений польских романтиков; Л. Хайне. Адам Мицкевич и лужицкая литература; Г. Ольшовский. Романтические традиции в польской лирике XX в.; Г.-Г. Вернер. Польское восстание 1830—1831 гг. и немецкая гражданская лирика; В. Энгельке. Польские мотивы в литературе ГДР.

«Z pola walki», 1974, № 4

Идеологическая борьба против антикоммунизма в области истории рабочего движения и задачи историко-партийных журналов; М. Вильк. Рабочий вопрос в политике русской буржуазии в 1915—1917 гг.; Г. Иваньский. Еврейский Коммунистический рабочий союз Комбунд в Польше 1921—1923; Р. Назаревич. Освободительные бои в Польше и восстание в Словакии (август — октябрь 1944); Т. Сероцкий. Восстановление варшавской организации КПС (октябрь 1944 — апрель 1945).

1975, № 1

Т. Тимофеев. Закономерности развития классовой борьбы на современном этапе общего кризиса капитализма; М. Папежиньская-Турек. Идеино-политическая эволюция группы украинских депутатов в сейме II Речи Посполитой в 1922—1927 гг.; Э. Ольшевский. Развитие и деятельность Польской рабочей партии (ППР) и Польской социалистической партии (ППС) на Жешовской земле в 1944—1948 гг.

«Pamiętnik Literacki», 1975, № 1

А. Мартушевская. Время и пространство в современном польском романе зрелого реализма; Я. Прокот. «Озимь» Берента и польский вопрос; К. Яковская. Басенные элементы в межвоенном семейном романе; С. Выслоух. Творчество Хороманьского и межвоенный психологизм; Я. Вальц. Неэпические романы Тадеуша Конвицкого; А. Вежбицкая. В поисках

традиции. Идеи Лейбница в области семантики; М. Плахецкий. Метафора — роман — мировоззрение. На материале «Специалиста» Вацлава Берента; Е. Пашек. О полисемии «Озимь» Берента.

«Język Polski», 1975, № 1

Е. Островская. Кохановский и Тувим; М. Карплюк. О языке поэзии Кохановского (1 часть); Х. Вишневская. Носовые гласные в шпемьшльских цеховых книгах XVIII в.; М. Бжезина. К инвентарю старопольских рифм. Дополнение Е. Островской. Дополнение С. Урбанчика; З. Салони. К вопросу о *się*; А. Ковальская. О функции форм *byłby dał*, *byłby zrobił*; Т. Шиманский. Заметки к польскому словарю. 3. Капшубское *śuląta*.

«Česká literatura», 1974, № 6

П. Петрус. Словацкое национальное восстание и литература; З. Пешат. Противоположности и единство в поэзии Карела Главачека; В. Достал. Диалог молодого Фучика с Нейманом эпохи Красных песен; Г. Кучерова. Карел Чапек в 1974 г. С. Никольский. Роман жанрового синтеза; П. Ващак. Стемы в «Цыганах» К. Г. Махи; Я. Мед. Ярослав Врхлицки и чешский литературный декаданс; В. Форст. Л. Новомеский семидесятилетний.

1975, № 1

Ш. Влашин. Поэзия молодости и сопротивление; В. Достал. Опыт марксистской критики; Д. Лихачев. Внутренний мир художественного произведения; М. Ржепкова. К проблематике так называемого «романетто» в творчестве К. Светлой.

№ 2

Г. Грзалова. Заметки к развитию литературной критики после второй мировой войны; М. Благинка. Свет 9-го мая 1945 года; Ш. Влашин. Тридцать лет борьбы за новую действительность; Л. Будагова. Борющееся искусство; С. Шерлаимова. На пороге тридцатилетия; М. Наушова. Сатирик поколения бунтарей.

Slovenská literatúra», 1974, № 6

В. Кохол. Новомеский и Волькер; А. Багин. Эпические элементы в поэзии Л. Новомеского; В. Турчаны. Вилла Тереза Л. Новомеского; С. Никольский. И. Волькер и Л. Новомеский.

1975, № 1

С. Шматлак. Литература и история; Г. Кауфманн. Из проблематики истории немецкой литературы первой половины XX в.; Д. Шиллер. Социалистическая национальная литература ГДР и наследие литературы антифашистского изгнания; М. Нойманн. К проблеме «эстетики воздействия» в литературной теории; Ф. Мико. Проблемы литературной коммуникации.

«Slovo a slovesnost», 1975, № 1

А. Д. Швейцер. Вариативность языковой нормы в территориальном и социальном аспектах (на материале современного английского языка); Э. Хауген. Stigmata билингвизма; Теоретические основы научной синхронной грамматики чешского языка (проект концепции); К. Горалек. Дискуссионные замечания.

«Slovenská reč», 1975, № 2

Ш. Пецпар. 30 лет развития словацкого языкознания; Е. Йона. Иозеф Грегор-Таевски и его язык; Е. Байзикова. О частице *no* в разговорной речи; Я. Сабол. Двойные формы в

склонении имен женского и среднего рода в литературе 80—90-х годов XIX в.; К. Палкович. Восточнославянская книга по садоводству.

«Jezik», 1974/75, № 2

Л. Енке. Проблемы норм хорватского литературного языка в плане синхронии и диахронии; М. Кравар. О графике ударения литературного языка; В. Локнар. О некоторых медицинских и близких к ним терминах.

«Jezik in slovstvo», 1974/75, № 2—3

Й. Топоришич. К вопросу о частях в словенском литературном языке; Э. Корен. Перечитывая прозу М. Пугеля; Х. Глушич. Техника повествования Ю. Козака; М. Гросман. О чтении поэзии на чужом языке.

1974/75, № 4

Ф. Жагар. Обучение орфографии в средней школе; Я. Плих. О роли искусства слова в воспитательном процессе; Й. Шиффер. Славистическая экскурсия в район Шкофья Лока; Й. Топоришич. Слово о Брезнике; С. Сухадольник. Памяти проф. Павла Калана.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 30-ЛЕТИЮ ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ, СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ МЕЖДУ СССР И ПНР

В научной конференции (24—25 апреля 1975 г.), организованной Институтом экономики мировой социалистической системы, Институтом славяноведения и балканистики и Институтом всеобщей истории АН СССР, приняли участие партийные, государственные и общественные деятели, ученые — историки, экономисты, социологи Советского Союза и Польши.

На конференции были рассмотрены вопросы, касающиеся генезиса, социально-экономических, политических, идейных основ и принципов содружества народов СССР и ПНР. Основанное на идеалах коммунизма и пролетарского интернационализма, это содружество, отметил в своем выступлении секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катусhev, выросло из совместной борьбы многих поколений российских и польских революционеров против царизма и капитализма, из советско-польского братства по оружию, сложившегося под руководством коммунистов в годы второй мировой войны и сыгравшего важную роль в разгроме гитлеровского фашизма. Заложенные в советско-польском договоре идеи дружбы, подчеркнул К. Ф. Катусhev, «превратились в огромную материальную и духовную силу, которая помогает двигать вперед дело социалистического и коммунистического строительства». При этом был отмечен разносторонний и динамичный характер взаимного сотрудничества, способствующего «сближению наших народов, взаимному обогащению культур, формированию единого социалистического образа жизни».

С докладом «Союз, сотрудничество и дружба Народной Польши и СССР — фундаментальный принцип политики ПОРП» выступил секретарь ЦК ПОРП А. Верблян. Он рассказал о традициях мысли польского рабочего движения, роли ленинских идей в выработке авангардом рабочего класса правильной позиции по национальному вопросу, позволившей соединить воедино борьбу за независимость с борьбой за социализм, укрепить интернациональное взаимодействие с российским рабочим классом,

реализовать патриотические стремления и успешно преодолеть национализм. С революцией 1905—1907 гг., Великой Октябрьской социалистической революцией и образованием Советского государства связано укрепление основ солидарности и появление качественно новых перспектив в отношениях русского, украинского, белорусского народов, всех трудящихся прежней Российской империи с народом Польши. В годы второй мировой войны произошел коренной поворот в сознании широких кругов польского общества, вызванный борьбой против общего врага, интернационалистской политикой Советского Союза по отношению к Польше, а также последовательной линией левых сил во главе с ППР.

Рассматривая развитие отношений с СССР в связи с этапами строительства социализма в ПНР, А. Верблян отметил, что от этапа к этапу они углубляются и усложняются и, что каждое поколение в обеих странах обогащало эти отношения новыми ценностями, находя новые средства для их укрепления. На современном этапе, подчеркнул докладчик, эти отношения еще более интенсифицируются, что во многом обусловлено совпадением главных установок XXIV съезда КПСС и VI съезда ПОРП относительно социально-экономической стратегии развития с предпочтением качественных факторов общественного прогресса (соединение социализма с научно-технической революцией, более осязаемый рост материального и духовного уровня трудящихся, формирование социалистического образа жизни). Реализация новых общих задач порождает и во взаимных отношениях качественно новые тенденции к интеграции в хозяйственной и научно-технической сферах, расширению непосредственных связей между коллективами трудящихся и т. д. В докладе показан международный характер советско-польского союза, направленного на укрепление мировой системы социализма, международного коммунистического движения, упорчение всеобщего мира.

С докладом «Братская дружба и сотрудничество народов Советского Союза и

Польша — воплощение принципов социалистического интернационализма» выступил акад. Е. М. Жуков. Исторические предпосылки советско-польского договора 1945 г. рассмотрел д-р ист. наук И. А. Хренов.

«Польско-советское боевое содружество» — тема выступления генерала В. Полянского, ректора Военно-политической академии им. Ф. Дзержинского (ПНР). Наряду с показом идейных и политических аспектов братства по оружию, автор акцентировал внимание на отдельных военно-стратегических моментах освободительной войны. Так например, в боях за освобождение Польши, продолжавшихся девять месяцев, участвовало 70% действующих советских войск. В итоге проведенных ими совместно с польскими войсками операций были полностью разгромлены четыре гитлеровские военные группировки: группы армий «А», «Центр», «Север», «Висла». В. Полянский рассказал о боевых действиях народного Войска Польского, которое, действуя плечом к плечу с Советской Армией, приняло участие в освобождении Варшавы, Колобжега, Гданьска, в сражении за Поморский вал, в форсировании Нисы Лужицкой и Одры. Польские войны «сражались там, где их присутствие и участие было тесно связано с реализацией национальных интересов, с освобождением исконно польских земель, с возвращением Польше побережья Балтийского моря, на берегах Одры и Нисы Лужицкой».

Преемственности боевых традиций посвятил выступление М. И. Семиряга — «Советско-польское боевое содружество как фактор укрепления Варшавского договора».

В сообщении канд. ист. наук А. К. Кавко говорилось о социальном значении советско-польских революционных традиций.

Выявление объективных исторических предпосылок, основ и принципов отношений между СССР и ПНР важно для аргументированного опровержения измышлений по этому вопросу империалистической пропаганды, черпающей материал из буржуазной историографии. Останавливаясь на критике последней, директор Института социалистических стран ПАН проф. Л. Базылев и заместитель секретаря Отделения общественных наук ПАН проф. М. Войцеховский показали, как за жанровым различием такого рода литературы (мемуары бывших политических деятелей буржуазной Польши, издания авторов, связанных с так называемым лондонским лагерем, работы буржуазных историков других стран), внешней противоположностью точек зрения отдельных авторов стоит «один общий знаменатель: эмоциональное, отрицательное, вытекающее из классовых и политических побуждений, отношение к анализируемой в историческом аспекте

политике Советского Союза и польско-советским отношениям».

Вопросам экономического и научно-технического сотрудничества СССР и ПНР были посвящены доклады заместителя председателя Комиссии планирования ПНР проф. Т. Пыки «Взаимодействие СССР и Польши в осуществлении Комплексной программы социалистической экономической интеграции», главного ученого секретаря ПАН проф. Я. Качмарка «Тридцать лет польско-советского научно-технического сотрудничества», чл.-корр. АН СССР О. Т. Богомолова, канд. эконом. наук А. Н. Барковского, канд. эконом. наук Л. С. Семенова «Основные направления и факторы долгосрочного экономического сотрудничества СССР и ПНР». Экономика ПНР при содействии СССР сложилась в развитый современный комплекс, что качественно изменяет хозяйственные отношения между двумя странами с точки зрения их все большей равнозначности и взаимной выгоды. Выравнивание промышленного и научно-технического уровней рождает новые формы сотрудничества (совместные капитальные инвестиции, координация перспективных народнохозяйственных планов), что, по словам Т. Пыки, «свидетельствует об укреплении интеграционных связей и переходе к новому высшему этапу интеграции экономик ПНР и СССР».

В сфере научно-технической мысли, отметил Я. Качмарек, существенной чертой современного этапа является переход от односторонней помощи к многим случаям к равному партнерству, чему способствует рост научного потенциала ПНР. Приведенное положение подтверждено рядом цифр и фактов: в 1974 г. 130 польских и 175 советских научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций вели согласованные исследования по 325 проблемам, имеющим большое значение для экономик ПНР и СССР. Только за один год (с февраля 1973 по март 1974 г.) ПНР передала Советскому Союзу 108 комплектов технологической документации, получив в свою очередь 71 комплект. За этот же период в СССР на консультации и практике побывало 1848 польских специалистов, а 2115 человек из Советского Союза с этой же целью находились в Польше.

Я. Качмарком отмечены положительные результаты взаимного сотрудничества в общественных науках. Более подробно вопросы, связанные с данной областью, были рассмотрены в сообщении секретаря Отделения общественных наук ПАН проф. В. Маркевича и заместителя секретаря этого же отделения проф. Г. Холая «О польско-советском сотрудничестве в области общественных наук». Ученые подчеркнули, что успешно развивающееся сотрудничество польских и советских обществоведов тесно взаимосвязано с идеологическим сотрудничест-

вом между КПСС и ПОРП, а также с методологическим и идейным единством, базирующимся на марксистско-ленинской теории.

В докладе О. Т. Богомолова и соавторов был обозначен ряд новых факторов, которые в перспективе будут влиять на развитие советско-польского экономического сотрудничества: сдвиги в структуре товарооборота (в сторону сближения самой структуры взаимного обмена, увеличения удельного веса продукции обрабатывающей промышленности, включая рост взаимопоставляемых по кооперации узлов и деталей и т. п.); ускорение развития сотрудничества в отраслях, определяющих жизненный уровень населения; координация усилий по рациональному использованию трудовых ресурсов; объединение усилий в решении топливно-сырьевой проблемы.

Директор Института международных проблем проф. М. Добросельский рассказал в своем докладе о сотрудничестве между СССР и ПНР в области укрепления единства мировой социалистической системы, упрочения мира во всем мире, обеспечения безопасности в Европе, помощи национально-освободительным движениям. Касаясь положительных сдвигов, наметившихся в мире и в Европе в процессе реализации принятой XXIV съездом КПСС Программы мира, М. Добросельский отметил, что Польша считает ее «своей программой и стремится в меру своих возможностей действовать так, чтобы как можно действеннее способствовать ее практическому осуществлению».

Широко была представлена на конференции проблематика культурных связей обеих стран. С сообщением «Польско-советские культурные связи и развитие культуры в Народной Польше» выступил директор Института культуры Министрства культуры и искусства ПНР проф. Е. Коссак, осветивший проблему в контексте формирования в Польше новой социалистической национальной культуры на базе сочетания прогрессивных демократических ценностей с ценностями и идеалами польского рабочего класса и его марксистско-ленинского авангарда.

Участники конференции смогли также ознакомиться с представленными текстами сообщений проф. К. Жигульского (ПНР) — «Культурное сотрудничество — фактор сближения между польскими и советскими народами», заместителя министра культуры и искусства ПНР А. Сычевского — «Развитие и совершенствование форм культурного обмена между СССР и ПНР (литература, кино и музыка)», канд. ист. наук Н. И. Бухарина — «Советско-польское сотрудничество в системе культурных отношений социалистических стран».

Тема всестороннего расцвета и сближения наших народов, объединенных общей целью, в той или иной степени рассматривалась во всех докладах и выступлениях. Развивающимся связям по линии партийных и общественных организаций, между породненными областями и городами и т. д. посвящены выступления: канд. ист. наук И. Г. Богомоловой «Некоторые вопросы советско-польского сотрудничества», секретаря Центрального совета профсоюзов ПНР Р. Поспешинского «Сотрудничество между советскими и польскими профсоюзами», председателя Главного правления Союза социалистической молодежи Польши Б. Валигурского «Роль комсомола и польских молодежных организаций в развитии дружбы между советской и польской молодежью», Генерального секретаря Главного правления Общества польско-советской дружбы В. Барщевского «Деятельность Общества польско-советской дружбы», проф. Я. Кличинского «Развитие форм польско-советского сотрудничества в области образования», доц. С. Чайки «Ленинские идеи воспитания, просвещения и развитие социалистической педагогики в Народной Польше», канд. ист. наук В. С. Толстого «Формы сотрудничества между породненными областями Белорусской ССР и ПНР», Ф. Жигараса «Связи между городами-побратимами, пограничными районами Советской Литвы и Народной Польши».

А. К. Кавко

К 30-ЛЕТИЮ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОГО ДОГОВОРА

12—13 мая 1975 г. во Львове в Институте общественных наук АН УССР состоялась научная конференция, посвященная 30-летию Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и ПНР. Конференция была организована Институтом общественных наук АН УССР, правлением Львовского областного отделения Общества советско-польской дружбы, правлением Львовской

областной организации общества «Знание».

Участников конференции приветствовал директор Института общественных наук АН УССР В. П. Чугаев, выразивший уверенность в том, что проведение конференции послужит делу дальнейшего укрепления дружбы с братским польским народом.

В докладе д-ра ист. наук П. М. Калени-

ченко «Советско-польский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи и его роль в укреплении братских отношений между народами СССР и Польши» был дан всесторонний аргументированный анализ развития советско-польских отношений после заключения договора 21 апреля 1945 г. Верный своему интернациональному долгу Советский Союз и его Вооруженные Силы завершили освобождение братского польского народа от гитлеровских оккупантов в боевом содружестве с Войском Польским. В основе советско-польского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи лежат ленинские идеи пролетарского интернационализма, братской взаимопомощи, сотрудничества и единство цели — построение коммунизма.

За 30 лет со дня подписания договора Польская Народная Республика, опираясь на союз с Советским Союзом, добилась огромных успехов в экономическом и культурном развитии. Ее промышленное производство ныне почти в 20 раз превосходит довоенный уровень. Договор полностью отвечает коренным интересам народов СССР и ПНР и способствует дальнейшему укреплению могущества и единства всей мировой системы социализма.

В докладе доц. И. И. Белякевича «Внутренние предпосылки образования ПНР — организатора и руководителя борьбы польского народа за национальное и социальное освобождение» была охарактеризована борьба польского народа под руководством ПНР против фашистских оккупантов. Докладчик подчеркнул, что история подпольной работы ПНР еще недостаточно изучена и требует дальнейших глубоких исследований.

Д-р ист. наук И. М. Теодорович в докладе «Историческое значение договора между Советским Союзом и Польшей о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве» подчеркнул, что это был первый договор, положивший начало развитию взаимоотношений нового типа между социалистическими странами, в основе которого лежат ленинские принципы пролетарского интернационализма. Этот договор способствовал укреплению дружбы между двумя братскими народами, и в 1965 г. в Варшаве был продлен еще на 20-летний срок. Ныне он является гарантией свободы и суверенности Польской Народной Республики.

В докладе В. П. Чугаева «Генезис и исторические корни советско-польской дружбы» дан анализ возникновения и развития дружественных отношений между двумя соседними братскими народами, корни которого уходят в далекое прошлое. Но только с появлением рабочего класса братский союз между двумя народами стал строиться на классовых основах. Пребывание В. И. Ленина на польской земле, его интенсивная рево-

люционная деятельность оказали большое влияние на польское рабочее движение. Несмотря на происки польской буржуазии, польский народ, освобожденный от фашистских оккупантов Советской Армией в боевом содружестве с Войском Польским, совместно с советским народом пошел по пути, указанному В. И. Лениным — по пути социализма.

С интересными докладами, глубоко освещающими ход борьбы за освобождение Польши от фашистских оккупантов, выступили: Л. А. Любимский — «Значение великих битв Советской Армии для развития освободительной борьбы польского народа»; И. М. Мирошниченко — «Политико-воспитательная работа в соединениях Войска Польского в период окончательного освобождения Польши и на заключительном этапе войны в Европе (январь — май 1945 г.)»; Г. В. Гордиенко — «Использование советского опыта организации культурно-просветительной работы в польских воинских формированиях на территории СССР (1943—1945 гг.)»; Л. А. Зашкильняк — «Освобождение Красной Армией восточных польских земель в 1944 г. и некоторые вопросы формирования новых советско-польских отношений».

Борьбу за становление народной власти в Польше после освобождения ее от немецко-фашистских оккупантов хорошо показали в докладах Н. А. Рудой — «Формирование единого рабочего фронта в Польше (1944—1945 гг.)» и Т. Г. Медоварова — «Участие польского крестьянства в создании местных органов народной власти (1944 г.)».

В докладах С. С. Пальводы «Организация польских антифашистов в Бухенвальде в борьбе против гитлеризма» и Г. С. Кручевича «Деятельность польских интернационалистов в укреплении органов Советской власти и их участие в борьбе против белопольских войск в 1920 г.» освещены малоисследованные вопросы, представляющие научный интерес.

В докладе канд. ист. наук В. К. Мороза «Образование мировой системы социализма и коренные изменения в соотношении сил на международной арене» показана роль ПНР в борьбе социалистических стран за мир и международную безопасность. С докладом на тему «Экономика ПНР в системе стран — членов СЭВ» выступил канд. эконом. наук Г. И. Ковальчак. Роль партийной прессы ПНР в строительстве социализма проанализирована в докладе И. Д. Лось «Газета „Трибуна люду“ в борьбе за строительство развитого социалистического общества в народной Польше». Участники секции с интересом прослушали доклады А. Н. Росинского — «Рабочий класс Польши — ведущая сила строительства социализма», Р. А. Зозуляк —

«О современной реформе в системе народного образования в Польше» и др.

На заключительном пленарном заседании участники конференции заслушали аргументированный доклад д-ра ист. наук А. Я. Магусевича «Развитие советско-польского экономического сотрудничества (1944—1975 гг.)». В докладе было подчеркнuto, что заключение договора между СССР и ПНР на ленинских принципах пролетарского интернационализма открыло широкие возможности для развития

всесторонних и многоплановых взаимоотношений между СССР и ПНР. Опираясь на этот договор, польский народ под руководством ПОРП добился выдающихся успехов в развитии экономики, подъеме материального и культурного уровня народа. Это позволило ПНР войти в первую десятку наиболее развитых в промышленном отношении стран мира.

В. К. Мороз

К 30-й ГОДОВЩИНЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ ОТ ГИТЛЕРОВСКОЙ ОККУПАЦИИ

4 мая 1975 г. состоялась научная сессия, посвященная 30-й годовщине освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков и 5-й годовщине Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ЧССР. Она была организована Академией наук СССР, Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Академией общественных наук и Высшей партийной школой при ЦК КПСС, Обществом советской-чехословацкой дружбы.

В работе сессии приняли участие чехословацкие ученые, научные работники указанных институтов, работники посольства ЧССР в СССР и представители прессы.

Открывая сессию, акад. П. Н. Поспелов подчеркнул значение победы советского народа в Великой Отечественной войне для освобождения народов Европы, и особенно Чехословакии, от гитлеровской оккупации.

А. И. Недорезов в докладе «Основные этапы и итоги развития социалистической Чехословакии» рассказал о том, что в результате победы Советской Армии были созданы благоприятные условия для восстановления независимости европейских стран и их свободного развития по избранному пути.

Докладчик рассмотрел этапы развития чехословацкого общества, роль КПЧ в разработке и осуществлении генеральной программы социалистического строительства в стране, в идеологической борьбе с антисоциалистическими силами, в решении национального вопроса.

Особо он подчеркнул значение подписания нового советско-чехословацкого договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, в котором нашли отражение развитие исторических традиций и накопленный опыт дружбы наших народов, их плодотворное сотрудничество в строительстве социализма.

От имени чехословацких ученых вы-

ступил И. Седлак, который говорил о великом подвиге советского народа в Великой Отечественной войне и борьбе народов Чехословакии за построение социализма.

В сообщении «30 лет плодотворного сотрудничества» В. А. Кайе дал характеристику этапов развития сотрудничества двух стран. Особое внимание докладчик уделил вопросам сотрудничества в рамках СЭВ, развертывания социалистической экономической интеграции, которые стали важным фактором социально-экономического и научно-технического прогресса братских стран, укрепления их единства, постоянного усиления позиций мирового социализма.

Экономическому развитию своей страны было посвящено сообщение чехословацкого ученого А. Балек. Докладчик уделил особое внимание чехословацко-советскому экономическому сотрудничеству в послевоенный период, которое имело огромное значение для чехословацкого народа. Автор привел множество примеров, свидетельствующих о значении помощи Советского Союза для развития экономики Чехословакии.

Значительное внимание А. Балек уделил также деятельности СЭВ. Экономическая интеграция стран СЭВ ориентирована на совместное решение прежде всего производственно-технических задач, отметил автор, на формирование современной высокоэффективной структуры экономики стран-участниц, выравнивание уровней их хозяйственного развития, ускорение научно-технического прогресса. Эффективным средством достижения этих целей является совместная плановая деятельность.

И. А. Черкасов выступил с сообщением о роли Общества советско-чехословацкой дружбы в развитии и укреплении дружеских связей между народами СССР и ЧССР.

Т. Комкова

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

15—17 апреля с. г. в Институте славноведения и балканистики АН СССР состоялась научная конференция на тему «Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе». В ее работе приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Киева, Петрозаводска, Минска, Львова, Куйбышева, Кишинева, Ужгорода, Вильнюса, а также зарубежные историки из Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии и Чехословакии.

Открывая заседание, чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков подчеркнул комплексный характер тематики формирования наций, разработка которой требует усилий представителей различных научных дисциплин.

И. С. Миллер в своем докладе отметил, что нигде взаимосвязанность и взаимозависимость многообразных аспектов переходного периода не выражается столь отчетливо, как в проблематике формирования наций.

В двух теоретических докладах: «Этнос — нация — национальность» (Ю. В. Бромлей) и «К вопросу о систематизации, определении и структуре некоторых понятий, применяемых в исследовании национальных и интернациональных процессов» (О. А. Бембель) — рассматривались проблемы терминологии, к которым докладчики подошли с разных сторон, с точки зрения этнографа и философа.

Сравнительно-историческому анализу процессов формирования наций у ряда народов Центральной и Юго-Восточной Европы были посвящены доклады: «О принципах периодизации процесса формирования наций у народов Австрийской империи» (В. И. Фрейдзон), «Сравнительный анализ процессов формирования польской, венгерской и словацкой наций» (Л. А. Обушенкова) и «Сравнение процессов формирования наций в Польше и на Балканах» (Е. Сковронек). В основу этих докладов была положена типологизация процессов формирования наций с выделением специфических особенностей подрегионов и отдельных наций. Эти материалы дополнял доклад Е. Борейши о революционизирующем воздействии французских революций XIX в. и движений за объединение Италии и Германии на развитие национальной мысли и национально-освободительных движений угнетенных народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

В докладах С. М. Фалькович, К. П. Гогиной, Х. Бляйбера, Д. Хурезяну рассматривались специфические особенности формирования польской, чешской, словацкой, немецкой и румынской наций. Своеобразие процесса формирования польской нации в значительной мере зависело от того, что он протекал в условиях расчленения национальной территории.

Чешская нация формировалась в условиях отсутствия национального господствующего класса, но для чешских земель было характерно сравнительно быстрое развитие капиталистических отношений и инациональной буржуазии. Экономическая слабость словацкого общества и неразвитость его социальной структуры (которая и после революции 1848 г. была сильно деформирована непоследовательной ликвидацией феодализма) определили отставание процесса складывания экономической общности, одного из основных признаков нации. Отсюда особенно большая роль борьбы за национальный язык. Отмечалось, что социалистическая нация в ГДР и буржуазная нация в ФРГ имеют общее прошлое, но не имеют общего настоящего. В процессе формирования румынской нации революция 1821 г. выделялась как рубеж в жизни общества, после которого ускорится и завершится формирование румынской нации.

С обобщающими докладами выступили В. А. Дьяков «О социальной структуре общества в период перехода от феодализма к капитализму (на материале стран Центральной и Юго-Восточной Европы)», И. И. Лециловская «Социальные аспекты формирования славянских наций в Австрийской империи. Конец XVIII — середина XIX в.» и С. А. Мадиевский «Различия социальных структур формирующихся наций и некоторые отражения их в политических институтах и культуре общества (Румыния и Болгария)».

Доклады В. П. Чорния и Т. Ф. Федосовой были посвящены социально-экономической проблематике формирования болгарской и польской наций.

В докладе «Создание единого литературного языка — один из факторов консолидации болгарской нации в эпоху Возрождения» Г. К. Венедиктов отметил, что современный болгарский литературный язык сложился на основе говоров, распространенных на довольно обширной территории по обе стороны центральной части Старой Планины. С самого начала он формировался как единый общепольский язык, предназначенный для использования во всех областях болгароязычной территории.

В. П. Гудков сделал доклад «Типы книжно-письменного языка у сербов в XVIII—XIX вв. и вопрос о преемственности сербского литературного языка донациональной и национальной поры». Преодоление многообразия типов книжно-письменного языка и закрепление народной речи в качестве основы литературного языка явилось результатом исторических процессов, обусловивших формирование сербской нации, и в частности результатом роста и утверждения национального самосознания.

Рассматривая языковую ситуацию на польских землях в начале XIX в. и ее воздействие на формирование польской нации, З. Н. Стрекалова пришла к выводу о том, что польский литературный язык достиг к тому времени той высокой стадии развития, которая присуща литературному языку национального периода, и мог стать средством объединения польской нации. Значению деятельности профессоров Виленского университета (1803—1832) в истории польского литературного языка был посвящен доклад А. В. Каупуж.

Языковая ситуация в Чехии конца XVIII в. отражала последствия насильственной германизации славянского населения Австрийской империи. Поэтому, хотя национальный литературный чешский язык возник на базе литературного языка предшествующей эпохи, борьба за литературную стабилизацию и дальнейшее его совершенствование явилась одной из первоочередных задач формирующейся чешской нации. В докладе Г. П. Нещименко и А. Г. Широковой «Особенности формирования языка чешской нации периода национального Возрождения» были обоснованы эти выводы и охарактеризована деятельность чешских будителей по совершенствованию чешского литературного языка.

Об огромном значении национального литературного языка в формировании нации говорилось в докладе Л. Н. Смирнова, посвященном отражению в литературно-языковой сфере борьбы за консолидацию словацкой нации. Вошедший в употребление в 40-х годах XIX в. единый литературный словацкий язык послужил в дальнейшем важнейшим средством консолидации словацких патриотических сил, явился мощным стимулом развития словацкой национальной культуры.

Борьба сербо-лужицких славян за сохранение и развитие родного языка, говорилось в докладе Л. П. Лагтевой о лужицких сербах, играла первостепенную роль в отпоре германизаторской политике немецких властей в XIX в. На сербо-лужицком языке издавались газеты и сборники народных песен, действовали кружки по изучению родного языка, была проведена реформа правописания, выдвигалось требование о введении преподавания на сербо-лужицком языке. В борьбе за сохранение родного языка лужицкие деятели опирались на помощь деятелей славянского возрождения, и в частности русских славистов. Особенностям национального самосознания и развитию национального языка в независимой Греции XIX в. был посвящен доклад К. И. Логачева.

В сообщении Э. Ковача говорилось о многообразных и часто противоречивых представлениях о государстве и родине у народов габсбургской империи в пе-

риод до революции 1848 г. Н. П. Митина и О. П. Морозова проследили эволюцию концепции нации в польской общественной мысли конца XVIII — первой половины XIX в. Б. С. Попков остановился на трактовке И. Лелевелем и М. Мохнацким понятия «нация».

В докладе Э. Нидерхаузера о роли национальной культуры в становлении наций Восточной Европы был поставлен вопрос о значении общественных наук, литературы, театра, музыки и изобразительного искусства в развитии национального самосознания.

В докладе А. С. Мыльникова рассматривались этапы формирования национального самосознания в период складывания наций. На первом этапе пробуждавшееся национальное самосознание еще не обрело адекватной формы выражения, и выступления в защиту национальных прав осуществлялись в инациональной форме. По мере углубления национального самосознания объективной потребностью становится приведение в соответствие национального содержания культуры с национальной формой ее выражения.

О роли фольклора в развитии национального самосознания рассказал И. М. Шептунов. В докладе «О некоторых особенностях развития национального самосознания у балканских народов» И. С. Достян рассмотрела причины, усложнявшие и замедлявшие формирование национального самосознания в балканских землях, обусловленные особенностями общественно-политического развития этого региона Европы в XVII—XIX вв.

К. Шарова остановилась на межнациональных отношениях и утверждении национального самосознания болгар.

Развитие национально-политического самосознания словенцев охарактеризовала И. В. Чуркина, национальное самосознание албанцев и греков — Г. Л. Арш. Д. Ф. Поилько сделала доклад на тему «Революционно-демократическая идеология и формирование наций на Балканах». Проблемы культурного развития рассматривались в докладах И. И. Свириды — о формировании национальной творческой интеллигенции в Польше (конец XVIII — первая половина XIX в.), А. В. Липатова — о формировании польской культуры эпохи Просвещения, Л. А. Сафроновой — проблемах польской театральной культуры эпохи Просвещения, Д. С. Прокофьевой — «Развитие концепции национальной литературы в польской романтической критике». Развитие национальных культур в процессе формирования наций (на чешском материале) осветил Л. С. Кишкин, роль театра в процессе формирования чешской нации — Л. Н. Титова.

Л. А. Обушенкова

**ИТОГОВЫЙ ДОКЛАД МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ
СЛАВЯНСКИХ НАЦИЙ (XVIII—XIX вв.)»**

(Москва, 26—28 ноября 1974 г.)

1. Международная конференция «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII—XIX вв.)» была организована в рамках Проекта ЮНЕСКО по изучению славянских культур по инициативе Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО и Академии наук СССР (Институт славяноведения и балканистики АН СССР).

На конференцию были приглашены, после консультаций с Секретариатом ЮНЕСКО, компетентными научными учреждениями и национальными комиссиями по делам ЮНЕСКО, ученые разных стран, занимающиеся различными аспектами культуры славянских народов и их взаимоотношениями с культурами других народов.

В конференции приняли участие свыше 250 ученых из 17 стран — членов ЮНЕСКО, а именно: Австрии, Бангладеш, Белорусской ССР, Болгарии, Венгрии, Великобритании, Германской Демократической Республики, Греции, Италии, Польши, СССР, США, Украинской ССР, Федеративной Республики Германии, Чехословакии и Югославии.

2. В соответствии с Программой конференции, ранее одобренной Секретариатом ЮНЕСКО, было прочитано 80 докладов и сообщений. Кроме того, состоялись выступления в дискуссии.

3. Конференцию открыл председатель Оргкомитета член-корреспондент АН СССР Д. Ф. Марков. Участники конференции приветствовали: вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев, ответственный секретарь Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО Н. И. Смирнов и ответственный за Славянский проект в Секретариате ЮНЕСКО доктор исторических наук В. А. Тюрин.

На заключительном заседании выступил заместитель генерального директора ЮНЕСКО проф. Р. Хоггарт, который высоко оценил деятельность научных учреждений и отдельных ученых, участвующих в реализации Проекта ЮНЕСКО по изучению славянских культур. После Варшавского симпозиума 1972 г. конференция в Москве, как отметил проф. Р. Хоггарт, представляет собой новый этап в исследовании и пропаганде культур славянских народов. Руководство ЮНЕСКО и в дальнейшем будет поддерживать настоящий Проект, стремясь к его интернационализации. Проф. Р. Хоггарт поддержал идею о необходимости создания на базе Славянского проекта Международной ассоциации по изучению славянских культур.

4. Во время конференции состоялось совещание экспертов Славянского про-

екта, продолжившее работу, начатую на совещаниях экспертов в Париже и Варшаве. В совещании участвовали 21 эксперт от 17 стран — членов ЮНЕСКО и представитель Секретариата ЮНЕСКО В. А. Тюрин.

Рекомендации конференции, выводы

Московская конференция по составу участников и по научному содержанию носила комплексный, междисциплинарный характер. В ней участвовали историки,истики культуры, литературоведы, фольклористы, языковеды, театроведы и искусствоведы. В докладах и сообщениях освещались проблемы историко-культурного процесса в славянских странах с начала XVIII в до 70-х годов XIX в. При этом было обращено внимание на роль культуры в национально-освободительном движении славянских народов, характеристику национальных центров культуры, формирование национальных литературных языков, роль фольклора в становлении национальных культур и особенности развития художественной культуры славянских народов. Специально было обращено внимание на развитие славянских литератур, становление национального театра, развитие изобразительного искусства и художественных центров. Широкое место в докладах и сообщениях заняли проблемы культурных взаимоотношений славянских народов между собой, а также связи славянских культур с культурами народов Западной и Юго-Восточной Европы и частично с Востоком. На заключительном заседании конференции был заслушан доклад о вкладе славянских народов в мировую культуру.

Учитывая важность рассмотренного материала по комплексному изучению славянских культур, научную ценность заслушанных докладов и сообщений, участники конференции единодушно рекомендовали опубликовать труды настоящей конференции под эгидой и с помощью ЮНЕСКО.

Конференция с удовлетворением отмечает, что Секретариат ЮНЕСКО в своей программе на следующее двухлетие (1975—1976 гг.) специально отметил важность и актуальность исследований антифашистской тематики в области литературы, искусства и культуры в целом, что имеет первостепенное значение для осмысления основных тенденций развития европейской культуры в современную эпоху.

Учитывая необходимость максимальной интернационализации и междисциплинарного подхода к изучению славянских

культур, а также необходимость координации усилий специалистов из различных районов мира, конференция целиком поддерживает предложение Секретариата ЮНЕСКО о создании Международной ассоциации по изучению славянских культур, которая в тесном сотрудничестве с уже существующими ассоциациями и объединениями по славистике и смежным дисциплинам возьмет на себя в будущем научное и частично организационное руководство Славянским проектом.

В этой связи представлялось бы желательным, чтобы Секретариат ЮНЕСКО провел необходимые консультации и объединениями по славистике и смежным дисциплинам возьмет на себя в будущем научное и частично организационное руководство Славянским проектом.

В этой связи представлялось бы желательным, чтобы Секретариат ЮНЕСКО провел необходимые консультации и объединениями по славистике и смежным дисциплинам возьмет на себя в будущем научное и частично организационное руководство Славянским проектом.

1. Утвердить намеченные темы и сроки проведения последующих конференций: «Славянские культуры и Балканы» (Болгария, сентябрь 1975 г.) и «Место славянских культур в системе европейских культур» (ГДР, Берлин, 1976) г.). Проведение этих конференций должно явиться важным шагом на пути дальнейшей интернационализации Славянского проекта. Считать планируемые конференции важнейшими мероприятиями на 1975—1976 гг. по реализации Проекта по изучению славянских культур.

2. Конференция положительно относится к инициативе Международного центра по изучению славяно-романских связей по координации и установлению более тесных контактов со Славянской программой ЮНЕСКО. В частности, рекомендует в качестве первого шага оказать финансовую помощь в рамках Славянского проекта для публикации материалов международного симпозиума «Петрарка и петраркизм в славянских странах», прошедшего в Дубровнике в ноябре 1974 г., а также поддержать международные исследования о богомильстве в славянских и западноевропейских странах.

Согласиться с рекомендациями экспер-

тов об установлении более тесных контактов и координации деятельности также с другими научными центрами и объединениями, занимающимися изучением славянских культур в их взаимодействии с культурами других народов. В частности, представляется необходимым установление более тесных контактов с учеными-славистами и исследовательскими учреждениями. Великобритании и Американского континента.

3. Конференция поддерживает инициативу Парижского университета и Института славянских исследований в Париже об организации в 1975—1978 гг. во Франции ряда мероприятий в рамках Славянского проекта и просит ЮНЕСКО оказать им необходимое содействие.

4. Конференция приняла к сведению информацию экспертов о ходе подготовки различных публикаций, выполняемых в рамках Проекта по изучению славянских культур (альбома славянского искусства, серии эссе о выдающихся деятелях славянской культуры, антологий славянской лирики) и установление окончательных сроков по завершению намеченных объектов.

5. На основе рекомендаций экспертов участники конференции положительно оценивают инициативу Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, Комиссии УССР по делам ЮНЕСКО и Киевской студии научно-популярных фильмов по созданию полнометражного фильма о культуре славянских народов IX—XVIII вв.

В связи с этим конференция обращает внимание на необходимость максимального использования кино для популяризации славянских культур и рекомендует Секретариату ЮНЕСКО установить соответствующие контакты с международными кинофестивалями в славянских странах.

В заключение участники конференции отмечают, что вся работа пленарных и секционных заседаний конференции прошла в деловой дружественной обстановке, а материалы ее будут содействовать дальнейшему развитию гуманитарных наук, широкой популяризации славянских культур и служить делу прогресса и мира во всем мире.

БИБЛИОТЕКА
 ЦЕНТРА РУССКО-ОСЛАВЯНСКОГО
 СОТРУДНИЧЕСТВА И АС

CONTENTS

- A. F. Noskova, T. Ju. Grigoriants.* The Zgozhelets Treaty 1950. *Z. S. Nenasheva.* The Slavonic Union in the Austrian reichsrat. 1909—1911. *I. I. Kaliganov.* «A tale about Georgy Novy» in Russian manuscript tradition of the XVI—XVIII centuries. *L. Sofronova.* On the analyses of the Baroque literary production. *O. A. Ter-novskaya.* A concept of dialect and the principles of the classification of Slav dialects. *A. E. Suprun.* To the study of Polab attributive combinations (Combinations with present participles) 3

COMMUNICATIONS AND PUBLICATIONS

- E. L. Nemirovsky.* The editions by Sh. Phiol, F. Skorina and I. Pheodorov in book depositories of Warsaw and Krakow. *V. I. Zlydnev.* An addition to the «Unknown letters by I. Vazov» 69

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

- P. M. Kaleniczenko, V. A. Nerod.* «Soviet-Polish relations. 1918—1945». *E. E. Stan-kevicz.* Józef Śmiałowski. Zarobkowanie pozarolnicze ludności rolniczej w Królestwie Polskim w latach przeduwłaszczeniowych (1815—1864). *A. Solovieva.* A new edition of the works of O. Hostinský. *O. A. Severnaya.* «Художествената култура и развитото социалистическо общество». *I. K. Gorsky.* Literary relations as an explaining factor 79

B i b l i o g r a p h y

- The main articles, materials on the present state, history, culture and languages of the foreign slav peoples published in the Soviet periodicals in 1974—1975. The contents of foreign periodicals 89

SCIENTIFIC LIFE

- A. K. Kavko.* A scientific conference devoted to the 30-th anniversary of the friendship, collaboration and mutual assistance treaty between the USSR and Poland. *V. K. Moroz.* In commemoration of the 30-th anniversary of the Soviet-Polish Treaty. *T. Komkova.* In commemoration of the 30-th anniversary of the liberation Czechoslovakia from the hitlerite occupation. *L. A. Obushenkova.* A scientific conference on the problem of forming of nations in Central and South-Eastern Europe. «The concluding report of the International scientific conference «Slavic cultures in the age of the forming and development of the Slavic nations. XVIII—XIX centuries» 95

Технический редактор *Е. В. Синуцъна*

Съдено в набор 11/VI-1975 г. Т—10561 Подписано к печати 21/VIII-1975 г. Тираж 1255 экз.
Зак. 2470 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 9,1 Бум. л. 3¹/₄ Уч.-изд. л. 10,5

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Г 19

ВОЛХОНКА 18/2

Б-КА ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА

70891

1-12

К

Цена 1 руб.

Индекс 70891